
Ассоциация исследователей российского общества
АИРО-XXI
Проект Стивена КОЭНА и Катрины ванден ХЮВЕЛ

СЕРИЯ «АИРО – МОНОГРАФИЯ»

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ Руководитель

Андрей МАКАРОВ Генеральный директор

Сергей ЩЕРБИНА Арт-директор

Карл АЙМЕРМАХЕР Рурский университет в Бохуме

Петр АКУЛЬШИН Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Дмитрий АНДРЕЕВ МГУ имени М.В. Ломоносова

Дитрих БАЙРАУ Тюбингенский университет

Дьердь БЕБЕШИ Печский университет

Владимир БЕРЕЛОВИЧ Высшая школа по социальным наукам, Париж

Бернд БОНВЕЧ Рурский университет в Бохуме

Харуки ВАДА Фонд японских историков

Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ Интернет-журнал «Гефтер»

Людмила ГАТАГОВА Институт российской истории РАН

Пол ГОБЛ Фонд Потомак

Габриэла ГОРЦКА Центр «Восток–Запад» Кассельского университета

Андреа ГРАЦИОЗИ Университет Неаполя

Никита ДЕДКОВ Центр развития информационного общества (РИО-Центр)

Роберт ДЭВИС Бирмингемский университет

Алан КАСАЕВ РИА «Новости»

Стивен КОЭН Принстонский, Нью-Йоркский университеты

Андрей КУЗНЕЦОВ Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Джон МОРИСОН Лидский университет

Игорь НАРСКИЙ Южно-Уральский государственный университет

Норман НЕЙМАРК Стэнфордский университет

Дональд РЕЙЛИ Университет Северной Каролины на Чепел Хилл

Борис СОКОЛОВ Русский ПЕН-центр

Такеси ТОМИТА Сейкей университет, Токио

Татьяна ФИЛИППОВА Институт востоковедения РАН и Институт российской истории

Марк ЮНГЕ Рурский университет в Бохуме

Е.А. Котеленец

БИТВА ЗА ЛЕНИНА

Новейшие исследования
и дискуссии

Москва
2017

ББК 63.3(0)6
К 73

СЕРИЯ «АИРО – МОНОГРАФИЯ»
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН,
заведующий кафедрой истории России РУДН
В.М. Козьменко

Главный научный специалист Российского государственного архива
социально-политической истории (РГАСПИ), профессор,
доктор исторических наук, лауреат Государственной премии РФ
А.П. Ненароков

Дизайн и вёрстка: Сергей Щербина

Котеленец Е.А.

К 73

Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. – М.: АИРО-XXI,
2017. – 256 с. – (АИРО – Монография). – ISBN 978-5-91022-362-6.

После выхода в 1999 году монографии «В.И. Ленин как предмет исторического исследования» автор продолжила изучение темы, значительно расширив и дополнив ее проблематику. В этой монографии анализируется практически весь пласт новейших российских и зарубежных работ об одной из самых масштабных и сложнейших фигур XX века. Специально изучается феномен «антিলенинианы», политическое окружение и родословная Ленина, становление его культа личности, взаимосвязь ленинизма и сталинизма.

Книга рассчитана на специалистов, преподавателей и аспирантов гуманитарного профиля.

ББК 63.3(0)6

На первой странице обложки использована картина
художника Климента Редько «Восстание», 1925 г.

ISBN 978-5-91022-362-6

© Котеленец Е.А., 2017
© АИРО-XXI, 2017

*Светлой памяти моего отца
Анатолия Ивановича Котеленца (1914–1997)*

ОТ АВТОРА

К ленинской проблематике меня на рубеже 1970–80-х годов подтолкнул отец, который в течение 30 лет возглавлял редакцию литературы по истории Советского общества Государственного издательства политической литературы. Его жизни и судьбе мои родные, друзья и коллеги посвятили книгу «Все остается людям»^{*}.

Материал для моей новой книги отслеживался и анализировался в течение последних 18 лет, и все эти годы я получала советы и поддержку со стороны замечательных ученых, историков Революции, Гражданской войны и Ленина Владлена Терентьевича Логинова и Альберта Павловича Ненарокова. С благодарностью и почтением называю их имена.

Неоценимую информационную помощь на протяжении многих лет оказывал мне историк-лениновед, энтузиаст своего дела Ярослав Владиславович Козлов.

Искренняя признательность моим родным, близким и прежде всего дочери Татьяне Александровне и Ивану Алексеевичу Соломатину.

И, наконец, мне повезло быть автором и участником блестящих проектов Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI). Хочу отметить вроде бы не всегда заметную, но столь важную работу гендиректора правления Андрея Глебовича Макарова и арт-директора Сергея Петровича Щербины.

^{*} См.: Всё остается людям. Анатолий Котеленец: к 100-летию со дня рождения. Сост.: Е.А. Котеленец, Т.А. Котеленец, О.Б. Беляков. – М.: АИРО-XXI, 2014.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	9
РАЗДЕЛ I	
ЛЕНИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ В «ПЕРЕСТРОЕЧНОМ»	
ИСТОРИОЗНАНИИ	
Глава 1	
СОВЕТСКОЕ ЛЕНИНОВЕДЕНИЕ И ЕГО КРИЗИС	19
Большевистский пантеон	20
«Назад к Ленину!»	21
Публикации двойной направленности.....	24
Западные лениноведы	29
Новая проблематика дискуссий	36
Глава 2	
«АНТИЛЕНИНИАНА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ	
КУЛЬТУРЕ	45
Право на ошибку.....	45
Политические эвфемизмы.....	46
На равных с противниками	52
Глава 3	
«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ» И ИСТОРИЯ УХОДА	
ВОЖДЯ: ЗАПРОС НА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ	59
Новые перспективы	59
О трагедии непонимания	63
Троцкизм – это «антиленинизм»?	67
Близкий и неблизкий круг вождя	73
Глава 4	
ЛЕНИНИЗМ И СТАЛИНИЗМ: СОПОСТАВЛЕНИЕ	
УЧЕНИЙ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЙ.....	81
Определение границ	82
Реалистические тенденции	85
Доктринальная или аппаратная преемственность?	90

РАЗДЕЛ II
ЛЕНИН И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ЭЛИТА:
ПЕРЕСМОТР ФАКТОВ И ОЦЕНОК

Глава 1

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ РОССИЙСКОГО
И ЗАРУБЕЖНОГО ЛЕНИНОВЕДЕНИЯ.....97

Новые источники97

Смена знаков107

Анафема или критика?114

Новая апологетика и оккультизм.....123

Исторический контекст и личностные аспекты
биографии126

«Немецкое золото»132

Семейные спекуляции135

Харизматический образ139

Отношение к идеям христианства142

«Кающийся дворянин»145

Фантомные отношения с героем148

Глава 2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ: ЛИЧНОСТНЫЕ
ДЕТЕРМИНАНТЫ.....160

Выстраивание идентичности161

Запретная родословная162

Любовный треугольник.....170

Трактовки культа вождя171

Обвинение в расстреле царской семьи.....178

«Соблазнение России».....184

Имя России187

Глава 3

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕНИНСКОМ
ОКРУЖЕНИИ.....198

Психология отношений198

«Серые фигуры» наследников203

Глава 4	
ВЗАИМОСВЯЗЬ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЛЕНИНИЗМА И СТАЛИНИЗМА:	
НОВЫЕ ГРАНИ СПОРОВ	211
Доктрина и псевдодоктрина	211
Сквозь призму внутривластной борьбы.....	213
Диктатура революционного государства	217
Исходный импульс	222
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	226
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	230
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	247

Если Сталин (вслед за октябрьским Лениным) – наше неизжитое прошлое, гирей висящее на ногах, то поздний Ленин – будущее, до которого мы еще не в состоянии дотянуться.

Юрий Буртин

ВВЕДЕНИЕ

В этом 2017 году, в год 100-летнего юбилея революции 1917 года, Ленин становится центральной исторической фигурой не только для нашей страны, но и для всего мира. Неслучайно свое концептуальное высказывание по поводу грядущего юбилея президент В.В. Путин приурочил к 21 января 2016 года – дню смерти Ленина. В этот день на заседании Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию руководитель Курчатовского института Михаил Ковальчук процитировал посвященные Ленину строчки из поэмы Бориса Пастернака «Высокая болезнь»: «Он управлял течением мыслей и только потому – страной», – и призвал Владимира Путина точно таким же образом руководить наукой – «управлять течением мысли в конкретных направлениях». На это президент незамедлительно парировал: «В конечном итоге эта мысль привела к развалу Советского Союза, вот к чему. Там много было мыслей таких: автономизация и так далее. Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом. И мировая революция нам не нужна была. Вот такая мысль там тоже была» (1). Несомненно, само ленинское революционное наследие отрицается нынешней властью, хотя отдельные меры большевиков по строительству нового государства, социальной политике и по борьбе с иностранной военной интервенцией могут оцениваться положительно.

Уже сейчас заметно, что всех действующих лиц Революции 1917 года стремятся разделить на деятелей (политиков) и вождей (лидеров). К первым относятся либералы и умеренные социалисты, которые в очередной раз упустили шанс стать лидерами; ко вторым – левые (большевики, анархисты, эсеры). При этом из эпохи выпадают «тёмные силы», император, его ближайшее окружение, последние государственные деятели самодержавной эпохи. При этом суть событий воспринимается как движение эпохи от «распутинианы» до «ленинианы». Такое деление пред-

ставляется нам искусственным. Ведь в конечном счете шанс на лидерство реализовали только большевики во главе с Лениным, тогда как эсеры и анархисты провалились точно так же, как и либералы с меньшевиками и прочими умеренными социалистами. Но феномен политического лидерства в революции 1917 года привлекает особое общественное внимание в наши дни из-за рубежного характера нынешнего времени, когда затяжной кризис мировых элит создает потребность в новых лидерах.

Ленин является одной из самых масштабных и сложнейших фигур XX века. Поэтому все крупные историки новейшего времени так или иначе затрагивают его личность, деятельность и наследие. Каждый исторический период вносил свои особенности в осмысление ленинского образа. Начиная с середины 1920-х годов, изучение Ленина и его окружения велось в условиях обожествления вождя. В тех же 20-х годах В.В. Шульгин в своей книге «Три столицы» написал, что Владимира Ульянова «под именем Ленина сделали Далай-Ламой, бесповоротно установив учение о ленинской непогрешимости с такой яркостью, что сам папа мог бы позавидовать! Тут совершилось то, против чего предупреждает вторая заповедь, гласящая, “не сотвори себе кумира”... Союз Советских Социалистических Республик сейчас страна типичного идолопоклонства...» (2).

Однако спустя почти семь десятилетий пришло время «упрощения», «выпрямления» и даже развенчания Ленина в угоду меняющимся политическим обстоятельствам. 80–90-е годы, по всей видимости, войдут в историю как время развенчания, «упрощения», «выпрямления» Ленина в угоду быстро меняющейся политической конъюнктуре. Именно в эти годы массовое сознание и исторические ценности претерпели серьезные изменения. В 1989 и в 1994 годах участники опросов, проведенных ВЦИОМ, определяя наиболее выдающихся деятелей «всех времён и народов», включили Ленина в первую десятку лидеров. В 1989 году он возглавил её (68 % опрошенных), а за ним далее шли Маркс (36,2 %), Петр I (31,9 %), Горбачев (22,6 %), Пушкин (21 %), Энгельс (18,1 %), Ломоносов (16,1 %), Сталин (14,9 %), Суворов (14,8 %), Гагарин (14,3 %). В 1994 году, на пике разоблачений Ленина, картина изменилась следующим образом: во главе рейтинга находился Петр I (40,6 %), вслед за ним – Ленин (33,6 %), Пушкин (22,8 %), Сталин (20,3), Суворов (17,6 %), Жуков (14,1 %), Наполеон (13,7 %), Ломоносов (13,4 %), Сахаров (12,6 %), Кутузов (10,3 %) (3).

Приведённые данные свидетельствуют об определённой девальвации в сознании россиян идей марксизма-ленинизма, а вместе с ним и советской идеологии. Ни Маркс, ни Энгельс не смогли перешагнуть в 1994 году пятипроцентный барьер популярности. Позиция Ленина тоже пошатнулась. Если в 1989 году он, не в последнюю очередь благодаря воздействию на сознание людей средств массовой информации, воспринимался как символ «правильного» социализма в отличие от Сталина, который воплощал в себе идею социализма «неправильного», «извращённого», то в 1994 году, опять-таки не без влияния новой исторической информации и оценки состояния внутри страны, личность Ленина теряет своё значение общегосударственного, объединяющего символа, хотя и осталась в тройке наиболее часто называемых имен. Как полагает А.Г. Левинсон, в конце 80-х годов Ленин играл роль наднационального советского символа, и его значимость была особенно высока для тех, кто считал себя «советскими людьми» (4).

На рубеже XX–XXI вв. ситуация существенно изменилась. Как считает Я. Шимов, для сторонников коммунистического учения и его наиболее ярых противников Ленин остается символом, в одном случае – светлым и позитивным, в другом – ровно наоборот. Но актуальным вождь «революции рабочих и крестьян» более не является». Шимов дает оригинальное определение роли Ленина в истории: «Ленин был не только олицетворением, но и укротителем революции. Он оседлал русский бунт, начавшийся в феврале 1917-го в петроградских хлебных очередях, и привел к тому результату, который был, с его точки зрения, оптимальным. При этом большевики использовали стихийную жажду социальной справедливости, охватившую российские “низы”, и поставили ее себе на службу» (5).

Одновременно с уменьшением значения наднациональных символов в массовом сознании россиян укрепились позиции тех, кто мог претендовать на звание «выдающегося» прежде всего как герой национальный. Если категорию «выдающийся» условно разбить на две группы: государственные деятели и идейные лидеры, то мы увидим, что Ленин сохранил и там, и тут стабильное положение. При этом к нему в компанию по первой группе (если расширить десятку лидеров до 20 человек) попали такие новые имена как Екатерина II, Николай II, Столыпин, Брежнев, Хрущев, а по второй – люди в общем-то далекие от марксизма – Солженицын и Сахаров. Итоги опросов показывают, что массовое созна-

ние россиян стало, во-первых, менее интегрированным вокруг одного символа, каким был в конце 80-х годов Ленин, во-вторых, оно рассталось с марксизмом, своеобразным идеологическим советским наследием, в-третьих, в нём сильнее проявилась тяга к символам империи и авторитарного управления ею (6).

Судя по последним опросам и наблюдениям, главная особенность сегодняшнего времени заключается в том, что массовое сознание в своём отношении к символам прошлого эволюционирует в том же направлении, что и государственная система ценностей. 12 июня 2008 г., в День России, из 500 кандидатур, представленных Институтом российской истории РАН, жителями нашей страны было выбрано 10 выдающихся деятелей нашего прошлого, претендующих на то, чтобы стать именем России. В их число вошел и В.И. Ленин, несмотря на вал критики против него в российских СМИ. При этом если в 1995 г. негативно оценивали деятельность Ленина 48 % россиян, то в 2011 г. свыше 46 % опрошенных оценивали его деятельность положительно, а отрицательную оценку дали лишь 24 % респондентов (7).

О том, что нужно оставить тело Ленина в Мавзолее, заявили 32 % участников опроса, проведенного ВЦИОМ 30–31 января 2016 г. среди 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 регионах России. При этом 60 % опрошенных, при ответе на вопрос о том, как следует поступить с телом Ленина, согласились с тем, что его необходимо предать земле: 36 % выступают за скорейшее перезахоронение на кладбище, 24 % предлагают сделать это, «когда уйдет поколение, для которого он дорог». 28 % респондентов назвали Ленина просто вождем, 24 % – «вождем революции», 23 % – «вождем пролетариата», 9 % – «вождем СССР». А насчет роли Ленина в истории мнения разделились. 31 % считает, что в целом он принес стране больше пользы, чем вреда, 23 % говорят о негативных последствиях, 35 % – что положительного и отрицательного было примерно поровну. Но при этом исходил из интересов большинства граждан, обратного мнения придерживаются только 23 %. Симпатизируют ему как человеку 63 % опрошенных, тогда как неприязнь он вызывает у 24 % (8).

Ленин все эти годы в условиях общественных трансформаций оставался и явным лидером архивных публикаций. Если говорить не об официальных документах, выходящих из недр государственного и партийного аппарата, а лишь о документах сугубо личного происхождения, то только за период 1985–1995 годов на страницах отечественных исторических, политологических, ли-

тературных, научных и научно-популярных журналов, а также историко-документальных альманахов появилось 77 новых архивных публикаций (из Архива Президента РФ, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории – ныне РГАСПИ, Государственного архива Российской Федерации и Центра хранения современной документации), посвящённых Ленину. Его опережает лишь Сталин – 95 публикаций (9).

Однако данная книга посвящена не только Ленину, но и его непосредственному политическому окружению, многие представители которого – Бухарин, Троцкий, Сталин – вызвали настоящий бум публикаций. Но как определить ленинское окружение? Кто туда входил? Конечно, можно вспомнить критерии, которые использовал для определения «соратников Ленина» Николай Валентинов – вера в вождя, полное подчинение ему, даже «влюблённость в него». Возможно применение к «ленинскому штабу» и описаний Макса Вебера, прежде всего понятий «харизматически определённый властный союз», «эмоциональное единообразие», которые не следует, однако, смешивать с «чинопочитанием», поскольку они вырастают на «харизматической» основе путём отбора в соответствии с интуицией «вождя». Этот довольно узкий, часто меняющийся круг лиц, призванных Лениным, был той особой средой, в которой каждый раз проверялись харизматические качества вождя.

Именно на веберовские понятия опирается известный немецкий специалист по Ленину Бенно Энкер. По его мнению, одним из краеугольных принципов построения партии большевиков было то, что её руководящее ядро как «харизматически определённый властный союз» находилось в прямой зависимости от Ленина и в стороне от закономерностей массового движения. И именно благодаря этому, о чем никогда не заявлялось открыто, партия представляла собой революционный рычаг, которым управлял Ленин. Такая вождецентристская групповая динамика способствовала переносу амбиций харизматического руководства главным образом во внутрипартийные отношения.

Но понятие окружения не сводится к «харизматическому союзу». Оно значительно шире и включает в себя не только соратников, единомышленников или «ленинский штаб», но и оппонентов. Окружение более устойчиво чем, к примеру, номенклатура, где характерны частые перемещения с должности на должность, и где люди связаны общим уровнем доступа к государственным секретам. Сталин позднее развил систему «троек», «пятёрок» и «семё-

рок», решения которых оформлялись как решения Политбюро. В то же время, окружение ближе к высшей политической элите, которая отличается от номенклатуры тем, что «является носителем социального генофонда ценностей данного института, тогда как номенклатура – это профессиональная управленческая группа» (10). Именно элиты с наибольшим социальным весом формируют новые номенклатуры, они же заполняют и первые номенклатурные должности.

Конечно, следует понимать, как трудно в современных условиях, в год столетия Великой русской революции поместить ленинскую тему в сугубо академические рамки. Современные интерпретаторы Ленина пытаются придать вопросам, которые волнуют общество, свою форму, своё истолкование. Но, к сожалению, последнее десятилетие больше отмечено отвержением всего, что связано с именем Ленина во имя так называемых новопровозглашённых истин.

Данная книга, значительную часть которой составляют результаты моего исследования восемнадцатилетней давности, возникла из витающей в исторической среде потребности в новой постановке и решении вопроса о Ленине. Однако новая постановка не означает простого переворачивания прошлых оценок и смены знаков «плюс» на «минус». «Заново», и в этом можно согласиться с Г. Водолазовым, «означает генеральную перепроверку всех прежних оценок, всех постановок вопросов, всех идей и цитат, всех выводов. Никаких аксиом, никаких “истин, не требующих доказательства”, никаких принимаемых на веру положений» (11).

Философ В.А. Кувакин разделил спорящих о Ленине и ленинизме на три группы: традиционалисты, или точнее, консерваторы, центристы и радикалы: «одни полагают, что ленинизм и марксизм-ленинизм – это нечто “святое” и “непогрешимое”, и потому нужно оставить всё как есть и продолжать хранить “чистоту” учения как “зеницу ока”; другие считают, что необходимо научное, объективное, уважительное и вместе с тем критичное, свободное от стереотипов и иллюзий отношение к идеям Ленина, смелое их обсуждение и оценка; третьи заняты по преимуществу доказательством едва ли не тотальной устарелости ленинизма, его ненужности, даже ответственности за те беды, которые пережила страна после Октября 1917 года» (12).

Обилие точек зрения, взглядов и концепций по ленинской теме давно требуют определённого подведения итогов. На это прямо указывают и новейшие историографические работы обобщаю-

щего характера (13) и, конечно же, дискуссии, ведущиеся в масс-медиа.

Источниковую базу исследования составляют собственно историографические работы, хотя их крайне мало, новый корпус документальных публикаций по проблеме, равно как и авторские материалы о состоянии и степени разработанности личных фондов вождя и окружения в центральных архивах РФ, монографические исследования российских и зарубежных историков, сборники статей, статьи и сообщения, материалы круглых столов и конференций в научной периодике РФ и других стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Путин рассказал ученым о подрывной роли Ленина в российской истории // Интерфакс, 2016, 21 января, <http://www.interfax.ru/russia/490856>

2. Шульгин В.В. Три столицы. – М., 1990. С. 89.

3. Результаты опросов опубликованы в изданиях: Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. Под ред. Ю.А. Левады. – М., 1993; Левинсон А.Г. Значимые имена // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1995. № 2. С. 26–29; *Его же*. Массовые представления об «исторических личностях» // Одиссей. 1996. С. 252–267. Следует отметить и такое своеобразное исследование, которое в 1990 году провела партийная Академия общественных наук среди 2000 партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников из 12 регионов страны. Опрос свидетельствовал о том, что у подавляющего большинства опрошенных позитивное отношение к личности и деятельности Ленина не изменилось, а у части даже усилилось. Вместе это составляет 89% опрошенных. В то же время появилась группа работников – 9% – у которой возникли сомнения, появилось определенное разочарование. Большинство опрошенных довольно высоко оценили значение ленинского теоретического наследия. Позитивное отношение не изменилось, а у части даже усилилось – 13%. Большинство опрошенных также дали высокие оценки полезности ленинского наследия для практической деятельности. 81% сочли труды Ленина своей методологической основой анализа современных явлений и процессов общественной жизни; опирались на ленинские работы в выступлениях перед «неформалами» – 74%, на партийных собраниях – 93%, на митингах – 30%; 97% – совещались с Лениным, т. е. его работами при переходе на новые формы хозяйствования; 62% – по вопросам демократизации общественной жизни и гласности; 51% – в связи с переходом КПСС к политическим методам руководства, отказом от административно-командной системы; 18% – по вопросам многопартийности.

На вопрос о причинах всплеска сомнений в значимости ленинского теоретического наследия, 18% отметили несоответствие его положений реально построенному социализму, 47% – незнание этого наследия, 51% – стремле-

ние к дискредитации личности Ленина. Любопытно отметить, что в 1990 году к Ленину и его наследию апеллировали выразители самых разных подходов к перестройке: те, кто все общественные процессы рисовали в основном розовыми красками и верно служили сложившимся стереотипам и догмам; те, кто изображал действительность и происходящее только чёрными красками, демонстрируя при этом деструктивный подход; «буржуазная» историография, неоднозначно представлявшая жизнь и революционную деятельность Ленина, его вклад в теорию и практику революции, социалистического строительства и др. См.: Диалог. 1990. № 5. С. 5–10.

4. Левинсон А.Г. Массовые представления об «исторических личностях». С. 260.

5. Шимов Я. Ленин умер, Муссолини жив //Новая газета. 2013, 18 октября.

6. Левинсон А.Г. Массовые представления об «исторических личностях». С. 267.

7. Перфилов В.А., Костягина В.М. Жизнь Владимира Ильича Ленина. Вопросы и ответы. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 13–14.

8. Большинство россиян выступили за захоронение тела Ленина // Interfax. 2016, 20 апреля, <http://www.interfax.ru/russia/504695>

9. См.: Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов (по отечественной периодике 1985–1995 гг.). / Сост. И.А. Кондакова. – М., 1997.

10. См.: Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 27.

11. Водозов Г. Ленин и Сталин // Октябрь. 1989. № 6. С. 10.

12. Кувакин В.А. Мировоззрение В.И. Ленина. Формирование и основные черты. – М., 1990. С. 205.

13. См.: Facing Up to the Past. Soviet Historiography under Perestroika. – Sapporo, Japan, 1989; Davies R.W. Soviet History in the Gorbachev Revolution. – Macmillan, University of Birmingham, 1989; Keep J. Social Aspects of the Russian Revolutionary Era (1917–1923): Recent English Language historiography // East European Quarterly. 1990. Vol. 24, № 2; New Directions in Soviet History. Ed. by Stephen White (University of Glasgow). Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, 1990. – Cambridge University Press, 1992; Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. – М., 1992; Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. – М., 1995; Советская историография. – М., 1996; Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М., 1996; Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. – М., 1996; Davies R.W. Soviet History in the Yeltsin Era. Macmillan Press, – London, 1997; Национальные истории постсоветских государств / Под ред. К. Аймермахера и Г. Бордюгова. – М., 1999; Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. – М.: АИРО-XXI, 2013.

I

ЛЕНИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ
В «ПЕРЕСТРОЕЧНОМ»
ИСТОРИОЗНАНИИ

Глава 1

СОВЕТСКОЕ ЛЕНИНОВЕДЕНИЕ И ЕГО КРИЗИС

Жанр исторических биографий Ленина и лиц из его политического окружения усилиями Н.К. Крупской, М.С. Ольминского, П.Н. Лепешинского, А.И. Ульяновой-Елизаровой и других участников революционного движения начал активно развиваться уже в 20 – 30-е годы прошлого века. Только на страницах журнала «Летопись революции» в 1921–1933 годах было опубликовано около 550 биографических заметок и статей (1). В последующие же десятилетия эта часть общего историографического процесса совпадала со всеми сложными изгибами политической конъюнктуры и появлением особых зон умолчания. Своеобразной компенсацией сложившихся запретов в отношении целого ряда лиц из ленинского окружения стала разработка общих проблем опыта советской исторической биографии (2), обсуждение вопросов историзма научных биографий, генеалогических источников, соотношения биографического и других жанров, «психологического фактора» в жизнеописаниях и др. (3).

А толчком к актуализации этой проблематики стала дискуссия в редакции журнала «История СССР». Несмотря на ограниченный характер обсуждения с обязательным подчёркиванием моментов партийности и чистоты методологических подходов, был высказан ряд интересных предположений, которые тогда были восприняты как неоправданные преувеличения – о роли «психологического фактора» в биографии, о том, что «побудительные мотивы личного и общественного поведения героя» биографии следует искать в первую очередь не в социальной среде, а во «внутренней интимной сфере» его жизни и деятельности (4).

В число других «преувеличений» попали подчёркивания значения генеалогии в изучении биографии, недооценка мемуаров, утверждение, что объектом исторической биографии может выступать только «выдающийся по своей деятельности субъект

исторического процесса» (5). Дискуссия продолжилась и на страницах литературоведческих изданий, с упором на специфические проблемы, к примеру, на «диалектическое единство объективности и субъективности в жизнеописаниях» (6).

Большевистский пантеон

Изучение огромного количества жизнеописаний и различных справочных изданий позволяет утверждать, что в число стабильно публикуемых биографий представителей ближнего ленинского окружения в советский период, кроме самого Ленина, входили: Н.Е. Федосеев, Н.Э. Бауман, Я.М. Свердлов, Ф.Э. Дзержинский, В.П. Ногин, В.В. Боровский, Н.К. Крупская, И.Ф. Арманд, Е.Д. Стасова, К.Е. Ворошилов, М.В. Фрунзе, М.С. Ольминский, М.И. Калинин, Н.А. Семашко, И.В. Бабушкин, М.С. Урицкий, А.Д. Цюрупа, Г.М. Кржижановский, В.В. Володарский, С.М. Киров, В.Д. Бонч-Бруевич, Е.В. Чичерин, В.А. Карпинский, Д.И. Курский, А.И. Рыков, В.В. Куйбышев, В.Р. Менжинский, П.Е. Смидович и др.

Определённая устойчивость большевистского пантеона напрямую была связана с собственно ленинскими характеристиками, критериями «Истории ВКП(б). Краткий курс» и личными оценками Сталина. Как это происходило, раскрывается в письме последнего о руководителях «старого» и «нового» типа, опубликованном в 1947 году. Тогда он писал: «У нас в России процесс отмирания целого ряда старых руководителей из литераторов и старых “вождей” тоже имел место. Он обострялся в периоды революционных кризисов, он замедлялся в периоды накопления сил, но он имел место всегда. Луначарские, Покровские, Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Красиные и т. д. – таковы первые пришедшие мне на память образчики бывших вождей-большевиков, отошедших потом на второстепенные роли» (7). Разумеется, слова «...первые пришедшие мне на память» не соответствуют, как теперь очевидно, сталинской манере серьёзно обдумывать и готовиться к любому «экспромту», к любой так называемой «обмолвке». Это показывают и фрагменты переписки Сталина и Кагановича, недавно введенные в оборот (8).

Однако после 1953 года сложная судьба в историографии была уже у самого Сталина, не говоря уже о судьбах Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Каменева, Шляпникова, Молотова, Пятакова,

Гольденберга, Покровского, Богданова, Луначарского, Красина, Осинского, Сокольникова, Рязанова, Мартова, Преображенского, Кагановича, Антонова-Овсеенко и др. Она незначительно изменилась во второй половине 50-х годов, когда происходил новый пересмотр пантеона. И лишь в конце 80-х с реабилитацией многих из них и вообще с гласностью они попали в центр новейших исследований.

Однако до того, как это произошло, историография жизни и деятельности представителей ленинского окружения рассматривалась в традиционном русле партийной истории. Если судить по весьма добросовестной и обстоятельной работе Г.Г. Демиденко «Советская историография жизни и деятельности соратников В.И. Ленина», то до 1985 года выделялось четыре её этапа. Первый – зарождение и развитие знаний о пролетарских революционерах в годы борьбы за «свержение царизма и победу диктатуры пролетариата» (середина 90-х годов XIX века – октябрь 1917 года). Второй – формирование советской историко-партийной персоналистики и её развитие «в условиях борьбы за построение социалистического общества» (октябрь 1917 года – середина 30-х годов). Третий – развитие литературы о соратниках «в условиях борьбы партии за упрочение и развитие социализма» (вторая половина 30-х – конец 50-х годов). Со второй половины 50-х годов в историографии рассматриваемой проблемы намечаются те черты, которые стали определяющими в последующие годы. Четвёртый этап – дальнейшее развитие биографической литературы о соратниках в «период совершенствования развитого социалистического общества» (с начала 60-х до середины 80-х годов) (9).

«Назад к Ленину!»

Начавшаяся перестройка предвещала определённые перемены в развитии традиционных подходов в рамках выдвинутого в 1986–1988 годах лозунга «Назад к Ленину». Ю.Н. Афанасьев размышлял даже о «ренессансе ленинизма», который, наконец, позволит раскрыть основные проблемы начальных этапов советской истории. В частности, Афанасьев выделил величие Ленина в связи с вопросом об альтернативности истории: «Ленин предстал бы ещё более величественным, если бы был показан человеком, ищущим

и не всегда находящим ответы на возникающие вопросы» (10). Ему вторили В.Н. Сироткин, К.В. Гусев, В.В. Шинкаренко (11).

Безусловно, те, кто серьёзно подходил к новым возможностям обновления исторических знаний и переосмысления роли Ленина, довольно быстро осознали множество противоречий в самой источниковой базе его наследия (12).

Речь прежде всего шла о пятом собрании сочинений Ленина, которое дольше, чем какое-либо из четырех предшествующих изданий, находилось, на «вооружении партии», как тогда было принято выражаться. Первый том этого собрания вышел в свет в 1958 году, а последний, 55-й – в 1965. Основной и четыре дополнительных тиража каждого тома «полного собрания сочинений» Ленина достигли в общей сложности почти 700 тысяч экземпляров (13).

Естественно, что все эти 55 томов по своему составу, вводным статьям, комментариям и указателям имен отражали существовавшие тогда в общественных науках методологические подходы. Что важно с точки зрения нашего предмета исследования, так это практически полное отсутствие документов, в которых Ленин доброжелательно отзывался о таких представителях своего ближайшего политического окружения, как Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, А.И. Рыков, Л.Б. Каменев, Н.И. Бухарин, Н.Н. Крестинский, К.Б. Радек и др. В названиях документов в отдельных случаях вместо фамилий называлось учреждение, которое возглавлял адресат, например: «Телеграмма председателю Реввоенсовета», т. е. Троцкому.

В научно-справочном аппарате именные справки давались с теми же оценками, что и в энциклопедических изданиях того времени. Таким образом исключались любые поводы для разночтений. Круг же окружения Ленина, т. е. соратников, был ограничен. В примечаниях, посвященных историческим событиям – партийным съездам, митингам, действиям фронтов в Гражданской войне и т. д., назывались не все активные участники, многие оставались в числе «и другие». Большевистские лидеры, допущенные в ленинское окружение, оценивались одномерно – об их ошибках или колебаниях упоминать было не принято. При освещении внутрипартийной борьбы оппозиционеры квалифицировались как сознательные пособники буржуазии, враги рабочего класса, которые стремились столкнуть трудящихся с революционного пути. Та же тенденция прослеживалась и по отношению

ко всем немарксистским партиям – народникам, эсерам, меньшевикам и т. д. Односторонне характеризовались и отдельные общественные движения – к примеру, пацифистское.

В процессе допечаток в пятое издание было внесено, что весьма симптоматично, более 2000 необходимых уточнений и исправлений, в том числе в ленинский текст – 336, в легенды документов – 59, в подстрочные и общие комментарии – 482, в именные справки – 1321. После же выхода в свет пятого издания сочинений, т.е. за истекшие к началу 1990-х годов четверть века, были опубликованы следующие новые документы: три дополнительных тома к собранию сочинений Ленина – «Подготовительные материалы к книге “Развитие капитализма в России”», «Тетради по аграрному вопросу», «Конспект переписки К. Маркса и Ф. Энгельса» и четыре (XXXVII–XL) Ленинских сборника. В этих изданиях в общей сложности опубликовано более полутора тысяч новых ленинских документов. Около шести тысяч текстов полностью или частично были опубликованы в 12 томах «Биографической хроники В.И. Ленина». Новые публикации ленинских документов имелись также в «Декретах Советской власти» (14).

С учётом всего этого, а также хранящихся в Центральном партийном архиве сотен неопубликованных документов, в марте 1986 года ЦК КПСС дал поручение внести предложение об осуществлении нового, шестого издания собрания сочинений В.И. Ленина, причём по принципу академических изданий, когда в собрание включается вся совокупность не только основных произведений, но и подготовительных материалов, когда публикуются законченные и незаконченные произведения, их различные варианты, маргиналии, ленинские конспекты работ других авторов. По предварительным расчетам по сравнению с предшествующим шестое издание по количеству документов почти удваивалось (15). 2 сентября 1987 года Секретариат ЦК принял постановление о характере нового издания Полного собрания сочинений.

Однако пока этот проект был лишь на бумаге, вакуум стали заполнять публикации с двойной направленностью. Они и становились новыми источниками, в которых одна сторона содержала материал для размышлений и узнавании тех сторон ленинской жизни, которые ранее находились под запретом, а другая – сугубо разоблачительная.

Публикации двойной направленности

В 1990 году в журнале «Волга» перепечатывается книга воспоминаний Н. Валентинова «Встречи с Лениным», которая впервые появилась в 1953 году на русском языке в Нью-Йорке в «Издательстве имени Чехова» с предисловием редактора «Нового журнала» М. Карповича (16). Читатель мог впервые познакомиться с иным подходом к раскрытию духовных корней ленинизма, позиции Ленина в разрешении ряда философских проблем, особенностей его личности.

С особым пристрастием мемуарист проследил эволюцию философских воззрений Ленина. Как считает Валентинов, именно его столкновение с Лениным в 1904 году по поводу философской концепции Авенариуса и Маха сыграло роль толчка, сигнала, отзвуком которого явилась ленинская работа «Материализм и эмпириокритицизм». Оценки, данные в ней, по его мнению, прямо повторяли мысли, высказанные Лениным во время их острых споров. Однако впоследствии, в 1914–1916 годах, происходит трансформация ленинских философских взглядов в сторону большей открытости к восприятию суждений и идей, ранее казавшихся враждебными.

Непривычно воспринимались в те годы и заставляли серьёзно задуматься и валентиновские откровения о проблеме единоначалия в партии. Из «Встреч с Лениным» следовало, что Владимиру Ильичу было абсолютно ясно, что «право на дирижерскую палочку в партии может принадлежать только ему... право утверждалось с такой простотой и уверенностью, с какой говорят: “ $2 \times 2 = 4$ ”». Для Ленина это была вещь, не требующая доказательств. Непокколебимая вера в себя, которую много лет позднее я называл его верою в свою предназначенность, предначертанность того, что он осуществит какую-то большую историческую миссию, меня сначала шокировала. В последующие недели от этого чувства мало что осталось, и это не было удивительным: я попал в Женеву в среду Ленина, в которой никто не сомневался в его праве держать дирижерскую палочку и командовать. Принадлежность к большевизму как бы предполагала своего рода присягу на верность Ленину, на покорное следование за ним» (17).

Валентинов ищет подтверждение своим чувствам и наблюдениям у других представителей ленинского окружения, в частности, у А.Н. Потресова, ещё с 1894 года знавшего Ленина, вместе

с ним организовавшего и редактировавшего «Искру», а затем, в течение первой и второй революции, ненавидевшего Ленина. Однако Потресов, арестованный на несколько месяцев в 1919 году, нашёл в себе достаточно беспристрастности, чтобы после чуть более двух десятилетий признать за Лениным бесспорные качества: «Никто, как он, не умел так заражать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личностью, как этот на первый взгляд такой невзрачный и грубоватый человек, по-видимому, не имеющий никаких данных, чтобы быть обаятельным. Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал господства над ними. Только за Лениным беспрекословно шли как за единственным бесспорным вождем, ибо только Ленин представлял, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающей фанатическую веру в движение, в дело, с меньшей верой в себя. Это своего рода волевая избранность Ленина производила когда-то и на меня впечатление» (18).

Из той же публикации следовали и другие неожиданные личностные характеристики Ленина, которые невозможно было, естественно, отыскать во всем официальном партийном пятитомном издании «Воспоминания о В.И. Ленине». «Чтобы осуществить свою мысль, – вспоминал Валентинов, – своё желание, наметенную им цель очередной кампании, заставить членов его партии безоговорочно ей подчиниться, Ленин, как заведенный мотор, развивал невероятную энергию. Он делал это с непоколебимой верой, что только он имеет право на “дирижерскую палочку”. В своих атаках, Ленин сам в этом признавался, он делался “бешеным”.

Охватившая его в данный момент мысль, идея – властно, остро заполняла весь его мозг, делала его одержимым. Остальные секторы психической жизни, другие интересы и желания – в это время как бы свертывались и исчезали. В полосу одержимости перед глазами Ленина – только одна идея, ничего иного, одна в темноте ярко светящаяся точка, а перед нею запертая дверь, и в неё он ожесточенно, иступленно колотит, чтобы открыть или сломать. В его боевых кампаниях врагом мог быть вождь народников – Михайловский, меньшевик Аксельрод, партийный товарищ – Богданов, давно умерший, никакого отношения к политике не имеющий цюрихский философ – Р. Авенариус. Он бешено их всех ненавидит, хочет им “дать в морду”, наклепать “бубновый

туз”, оскорбить, затоптать, оплевать. С таким ражем он сделал и октябрьскую революцию, а чтобы склонить к захвату власти колеблющуюся партию, не стеснялся называть её руководящие верхи трусами, изменниками и идиотами.

За известным пределом истощенного напряжения его волевой мотор отказывался работать. Топлива в организме для него уже не хватало. После взлёта или целого ряда взлётов ража – начиналось падение энергии, наступала психическая реакция, агония, упадок сил, сбивающая с ног усталость. Ленин переставал есть и спать. Мучили головные боли. Лицо делалось буро-желтым, даже чернело, маленькие острые монгольские глаза потухали» (19).

Сложившиеся между Лениным и Валентиновым в определённый период доверительные отношения позволили мемуаристу составить достаточно полное представление о личности Ленина – особенностях его поведения, мотивах тех или иных действий, характере, вкусах, привычках, темпераменте. Главным для автора было желание «заглянуть поглубже в Ленина». Эта задача, но уже путём исследовательской обработки документов и материалов, решается Валентиновым в труде «Малознакомый Ленин», который впервые вышел в свет в Париже в 1972 году на русском языке с предисловием Б. Суварина. В нашей стране он впервые в ротационном варианте был переиздан в Ленинграде (20) и позволил познакомиться с финансовой стороной жизни Ленина и его семьи.

Как известно, этот вопрос оставался на обочине советских биографий, подчёркивавших лишь чрезвычайно скромное, почти скудное, материальное положение Ленина. Автор нашёл источники финансовых доходов и поступлений как в семейный бюджет Ленина, так и в партийную кассу большевиков. В этой книге Валентинов пишет также об отношениях между членами семьи, об особенностях её жизни в ссылке в Сибири и за границей. Он приводит массу новых свидетельств, деталей, малоизвестных эпизодов из жизни и деятельности Ленина, раскрывающих неожиданные стороны его как человека и политика.

В 1991 году специалистам и широкому кругу читателей открылись и другие источники мемуарного и публицистического жанра. В Саратове Г.П. Сидоровнин составил сборник под названием «Вождь. Ленин, которого мы не знали» и включил в него ставшие уже известными воспоминаниями Н. Валентинова, И. Сталина, В. Чернова (21), М. Горького, А. Куприна (22), Б. Рассела (23), Г. Уэллса, Л. Андреева. Если бы этим дело ограничи-

лось, то сборник напоминал бы многочисленные издания подобного рода: воспоминания о Ленине его современников, тех, кто в разной мере по разным поводам и предложениям общался с ним. Одним из последних по времени похожих изданий являлась вышедшая в Политиздате к 120-летию со дня рождения книга «Ленин. Человек – мыслитель – революционер» (24).

Но саратовский сборник включал такие малоизвестные для широкой публики остропублицистические выступления, как «Род вождя» М. Штейна (25), «Моя маленькая лениниана» В. Ерофеева (26), «Читая Ленина» В. Солоухина (27), «Блуд на крови» Д. Штурман (28), «Мессия» В. Еременко, «Ленин в судьбах России» А. Авторханова (29), «Отцы-основоположники коммунистического рабства» В. Крутова и Л. Вереса, «Неотпетый злодей» П. Паламарчука и др. (30). Чтобы как-то смягчить тенденциозность подбора материала и сделать его «проходным» на роль автора послесловия на всякий случай был приглашен проверенный московский партийный историк Н.А. Васецкий. Не утруждая себя подробным научным разбором позиций авторов сборника, он выдал в их адрес лишь несколько совсем не обязательных ремарок, которые сумели притянуть читателей. К примеру, Авторханову досталось за «политическую безграмотность» и «фальсификаторскую технику препарирования ленинских текстов», «лукавому» Солоухину – за то, что он пытается убедить всех в своём первознакомстве с Лениным, да и то из 55 томов всего лишь с одним, по словам Доры Штурман «не самым ужасным» – 36-м. В. Еременко, В. Крутову и Л. Вересу вообще советовалось прежде чем «язвить и насмешничать неплохо было бы просто тихонечко, незаметно для окружающих поучиться азам обществоведения».

Правда, несколько общих наблюдений Васецкого были и остаются достаточно точными. Он подметил, что некоторые авторы «смотрят на Ленина как бы снизу вверх из-за меньшего в сравнении с Лениным “роста” собственного интеллекта и знания предмета». Из-за этого многие, чтобы дотянуться, поступают весьма просто: «Точно ветку пригибают к себе Ленина, стаскивая его на свой уровень. Естественно, тут же уменьшается угол обзора, теряется чёткость очертаний, сужается пространство мышления. Возникает не столько образ Ленина, сколько собирательный образ тех, кто намерен его “стереть в порошок”» (31).

Ещё одна публикация, заслуживающая внимания для всего дальнейшего хода дискуссий по нашей проблеме, – это книга

американского историка Рональда Кларка, изданная в 1988 году в Лондоне, а затем в 1989 году переведенная на русский и изданная спецредакцией издательства «Прогресс» исключительно «Для служебного пользования» (32). Судя по предисловию Ю. Школенко, спецхрановская судьба этой книги определялась «тремя ударами», которые она наносила по Ленину и ленинскому наследию. Первый был связан с оценкой установок и политической практики первых десятилетий века с позиций конца века, когда «на передний план выступают проблемы общечеловеческие, проблемы выживания цивилизации в обстановке термоядерной и экологической угрозы». Это касается ленинских принципов классовости, партийности, социализма в одной стране и мировой революции, которые невозможно прилагать к новым ситуациям. Таким образом, следовал вывод, «если историзм подменяется волюнтаризмом, то такая подмена, не ленинская, не марксистская, вообще не научная, совершаемая подчас малозаметно, есть первый и наиболее коварный удар, наносимый... со стороны зарубежных советологов... преследующих те или иные, но всегда далекие от социализма цели» (33).

Второй «удар» связывается с отождествлением ленинизма и сталинизма, а третий, сложносоставной, – с «развенчанием» Ленина как личности. В этом отношении камертоном для Кларка являлся Р. Пайпс, подчёркивавший «достижение» историков СССР в искажении до неузнаваемости фактов, относящихся к жизни и деятельности Ленина. Далее следовали интересные, действительно «для служебного пользования», но весьма противоречивые признания о том, что «да, хрестоматизация и обеднение биографии В.И. Ленина, как и догматизация ленинизма и марксизма вообще, у нас действительно происходили».

Однако, выступая против фетишизации образа Ленина, пополняя его жизнеописание фактами и обстоятельствами, отсутствовавшими в нашей официальной литературе, западные советологи, как правило, этим не ограничиваются, а стремятся посягнуть и на образ Ленина, сложившийся в нашей стране и во всем мире после его смерти. Образ основателя первого социалистического государства стал символом, персонификацией социалистического идеала. Ленин обрёл черты национального и интернационального героя, и его посмертный культ не имеет ничего общего с прижизненным культом Сталина, столь же неприглядным, как и его тотальная посмертная «декультизация». Бесцеремонно «развенчивать» эту сторону вождя двух русских революций, 1905–1907 и 1917 годов,

по существу народную святыню, не так уж трудно из далекого зарубежья, где тем не менее ревностно почитают, например, «отцов-основателей» американской конституции и государственности. Лишить идеала, национального и социалистического, – вот подспудная задача этого «третьего удара»» (34).

Однако, если абстрагироваться от этих рассуждений, то в основе кларковской концепции личности Ленина – попытка доказать чрезмерную увлеченность молодого Ленина тактикой террора, узкокорпоративной и конспиративной партийной организацией, а затем террором ЧК, нетерпимость к фракционности в партии, ставшей правящей. В то же время Кларк признает выдающуюся роль Ленина как стратега революции, политика, блестяще справлявшегося с ситуацией в такие критические моменты и переломные периоды истории, как непосредственная подготовка Октябрьской революции, Брестский мир, новая экономическая политика. Что же касается личностных черт Ленина, то здесь автор также неоригинален. Опираясь на мемуары Н. Валентинова и А. Балабановой, он использует по отношению к Ленину понятия «методичный», скрупулезный в аргументации до такой степени, что напоминал «средневековых богословов», человек с «неприятными чертами характера», «гениальный».

Западные лениноведы

Важной особенностью нового этапа развития лениноведения стало открытое и свободное знакомство со взглядами западных мыслителей и исследователей, многие из которых были в самые сжатые сроки переведены, другие, как оказалось, публиковались в Европе и США на русском языке и доходили до отечественных историков либо через открывающиеся спецхраны, либо с помощью зарубежных коллег. Разумеется, все эти шаги в самом начале 90-х годов совершались с известной осторожностью, поскольку в самой западной историографии исследования советских лениноведов характеризовались следующим образом: «“Бригады” апологетов изошряются в раздувании обстоятельств, в размазывании ничтожнейших подробностей, более или менее верных или вымышленных, незначительных или воображаемых, имеющих касательство к Владимиру Ильичу, чьи самые прозаические действия, самые заурядные жесты превносятся до крайней гипер-

боличности. Он не только был гениален, что известно каждому, но обладал всеми добродетелями, всеми врожденными положительными качествами» (35).

Событием в контексте старых и новых споров о ленинизме стала публикация самобытной работы крупного венгерского философа Д. Лукача «Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей», написанной сразу после смерти Ленина (36). Сначала со значительными купюрами, в соответствии с тогдашней идеологической конъюнктурой, этот очерк был опубликован в журнале «Коммунист» в 1987 году (37), и только лишь три года спустя отдельной книгой. Как ни странно, читатель не обнаруживал здесь каких-либо новых фактов из жизни Ленина, каких-либо отрицательных или положительных оценок его. Но в то же время она была посвящена его феномену, вернее, источникам той силы, которая формировала современный мир, воссозданию внутренней взаимосвязи политической мысли Ленина, интеллектуальным характеристикам ленинизма.

Фундаментальная установка, которой руководствовался Лукач, заключалась в следующем: «Его теоретическая мощь основывалась на том, что любую категорию, сколь бы абстрактно-философской она ни была, Ленин рассматривал с точки зрения её действенности в рамках человеческой практики, и одновременно на том, что при осуществлении любой акции, в основе которой лежит конкретный анализ данной конкретной ситуации, он ставит этот анализ в органичную диалектическую взаимосвязь с принципами марксизма. Таким образом, в строгом смысле слова, Ленин не является ни теоретиком, ни практиком, а глубоким мыслителем практики, страстным поборником претворения теории в практику» (38).

Но в самой этой установке, как показывает изучение очерка, отчетливо прочитывается временной контекст. Лукач, возможно, первым осознал формирование «вульгарного ленинизма», который *желает* в решениях Ленина найти «повсеместно применимые “рецепты” и «предписания» правильных действий» (39).

Он пытается объяснить ревнителям чистоты и неприкосновенности ленинизма, что, возрождая марксизм, освобождая его от вульгаризаторских пошлостей, Ленин «осуществил не филологическое восстановление первоначального учения и не философскую систематизацию его подлинных принципов. Как и во всем остальном, он осуществил его дальнейшее развитие в область конкретного, его конкретизацию – в область актуально-практического» (40).

По сути дела, в зиновьевско-сталинском толковании лозунга пропаганды ленинизма Лукач увидел начало того процесса, который в конечном итоге приведет к превращению «вульгарного ленинизма» в сталинизм. И Лукач многократно повторяет, что продвижение по пути к сталинизму может оказаться плодотворным лишь только в том случае, если коммунисты отнесутся к Ленину так же, как сам Ленин относился к Марксу.

В ряду других философских публикаций заслуживает быть отмеченным сборник, подготовленный и выпущенный Институтом философии АН СССР в 1990 году, – «Ленин. Взгляд с Запада». В него были включены статьи западных интерпретаторов ленинизма М.А. Абрамова, С.М. Брайовича, М.Н. Грецкого, В.И. Мануйлова, Б.К. Ярцева, которые ранее не переводились на русский язык и которые давали конкретное представление о западной историографии изучения нашей проблемы (41). В статье Грецкого анализировались работы итальянских марксистов 60-х – 70-х годов, когда обычными становились негативные оценки «Материализма и эмпириокритицизма», а в её авторе искали прежде всего мастера «конкретного анализа конкретной ситуации», политика активистского типа. Конечно, традиция противопоставления Ленина-философа Ленину-политику зародилась гораздо раньше, достаточно в этом отношении сослаться на известные работы А. Паннекука и А. Грамши, но в 60-е годы её подхватывают широкий круг западных марксистских авторов. Интерес к диалектическому методу сопутствовал своего рода обновленческому движению в социализме, философские идеи диалектики (о творческой активности субъекта, о роли внеэкономических факторов истории, о конкретных проявлениях её общих законов и др.) служили для обоснования демократических и гуманистических интенций в марксистском социализме. Это идеологическое и политическое движение было критическим в отношении прежних догм, но оно ещё не достигало той степени радикализма, как в в конце 80-х годов, советская модель ещё сохраняла значимость в глазах критиков 60-х годов, которые стремились внести в неё определённые улучшения. В ходе же идеологических процессов, начатых перестройкой, под вопрос ставились исходные положения реального социализма и марксистской социалистической теории.

Грецкий воспроизвел также точку зрения Л. Бассо на смысл ленинизма, заключающееся в сопоставлении сталинского определения ленинизма – марксизм эпохи империализма и пролетарских

революций – с подходом Зиновьева, настаивавшим на том, чтобы в определение вошло указание на роль крестьянства в социалистической революции, и высказывался в пользу последнего. Бассо же считает, что определение ленинизма будет неполным без указания на союз социалистической революции и национально-освободительных движений, а значит, смысл ленинского проекта означает ориентацию на пролетарскую революцию в союзе с антикапиталистическими настроенными крестьянскими и национальными движениями Востока. По мнению составителя сборника, такая трактовка кажется вполне обоснованной, разве что, можно возразить по поводу того, что Маркс говорил о возможности начала социалистической революции на периферии капиталистического мира, или что он допускал для России возможность начать движение к социализму от крестьянской общины. Но это свидетельствует о том, что и Маркс, хотя и в меньшей степени, чем Ленин, забывал о позитивном содержании предполагаемой революции, увлечённый перспективой усиления её разрушительного действия за счёт союза с антикапиталистическими силами Востока (42).

Однако проект К. Маркса предполагал существенное условие – движение к социализму должно было происходить с сохранением достижений капитализма в экономической, политической, культурной областях, но Ленин фактически свёл это условие на нет. То есть Ленин сделал шаг навстречу антикапиталистическим силам Востока, но это не значит, что он внёс в марксизм чуждые ему идейные традиции. Он начал наполнять марксистские положения реальным смыслом российской действительности. В результате идея Маркса о переходе к социализму от высокоразвитого экономического базиса превратилась в проект начать движение к социализму от экономического уровня окончательно ещё не капитализировавшейся России, а идея постреволюционного государства как высшего типа демократии превратилась в проект диктатуры пролетариата с руководящей ролью партии.

В центре статьи М.А. Абрамова находился вопрос, поставленный англичанином Ф. Коплотом: диалектика ли предопределила политический успех Ленина? Свои сомнения он подкреплял ссылкой на то, что не диалектик в ленинском восприятии Г.В. Плеханов смог предсказать политические последствия прихода Ленина и большевиков к власти – авторитаризм. Вообще же в англоязычной историографии распространено толкование ленинской политической практики в духе прагматизма. С этих

позиций практика оказывается лишенной теоретического смысла, под сомнение ставится одновременно и объективно-познавательное содержание теории. Нередко ленинская политическая практика интерпретируется как волюнтаризм, авторитаризм, но не в политическом лишь значении этого слова, а в более широком, философском. При этом предполагается, что действительность имеет определённый теоретический смысл, но это не тот смысл, которым руководствуется политический деятель, осуществляющий, таким образом, насилие над историей. В доказательство ссылаются на ленинскую теорию партии как носительницы истины, которую она извне вносит в массы, на сам факт осуществления социалистической революции в сравнительно отсталой стране, которая даже по марксистским критериям не могла считаться к ней готовой. Авторитаристская концепция включает обычно и доказательства тоталитарного характера марксистского отношения к истине и историческому действию, «тоталитаризм истины» – марксистский социализм как высшая истина истории, и «тоталитаризм воли» – пролетариат как единственно истинный субъект истории, взаимно поддерживают друг друга в марксизме (43).

Многовариантность подходов к ленинской политической практике, к соотношению её с теорией, по мнению Абрамова, объясняется тем, что приходится касаться так называемых «неразрешимых вопросов философии». Поэтому указанная многовариантность неизбежна и закономерна. Выбор той или иной концепции из названных или неназванных концепций зависит не столько от познания, сколько от жизненной позиции и унастроения выбирающего субъекта. Однако и фактор познания имеет определённое значение. Например, для более аргументированной оценки феномена Ленина следует учитывать и конкретное содержание ленинской исторической инициативы и прежде всего такого её фактора, как Октябрьская революция. Поэтому вряд ли обоснованным является перенос главного внимания при анализе ленинской деятельности на нэп, как будто он является центром, определяющим смысл исторического феномена Ленина. Нэп, какое бы значение он не имел для теории и практики социализма, был следствием, развитием и корректировкой Октября. Главным же делом Ленина – философа, политика, революционера – были подготовка и осуществление Октября.

Затрагивая экономические, политические аспекты марксистского революционного проекта, Брайович, Ярцев и Мануйлов, соглашаясь или не соглашаясь с концепциями рассматриваемых

ими авторов, признают амбивалентность и противоречивость марксистского проекта. Такая амбивалентность – признак недостаточного исследования марксистского проекта. В статье Б.К. Ярцева в отношении феномена Ленина употреблена, в частности, формула о синтезе «Запада и Востока». Она может помочь в истолковании амбивалентностей и противоречий ленинизма.

Наконец, не может не быть отмеченной позиция самого составителя и редактора сборника. Е.А. Самарская считает, что главное требование к переосмыслению теоретической и политической практики Ленина заключается в том, чтобы подойти к его наследию с содержательной, а не с методологической лишь стороны. В философском плане это означает необходимость целостного подхода к ленинскому мировоззрению, взятому в единстве диалектического метода, концепций истины и исторического прогресса, в движении от объективистских схем «Материализма и эмпириокритицизма» к диалектическим идеям «Философских тетрадей». Это позволило бы оценить с современных позиций и то, что есть в философии Ленина, и то, что всегда немаловажно для уяснения специфики предмета, чего в ней нет. Содержательный подход обязательно должен включать в себя и обращение к политической практике Ленина, без анализа которой трудно понять и оценить в целом феномен Ленина, соотношение его слова, с одной стороны, и дела, с другой. По мнению Самарской, в марксистской литературе ранее можно было встретиться с попытками теоретизировать ленинскую политическую практику, выявить имплицитно присутствующую в ней философию. В целом можно допустить, с очень большой долей условности, что практика имеет интеллектуальную схему, не совпадающую с теоретическими представлениями о ней субъекта действия. Даже на обыденном уровне нередко сталкиваешься с тем, что люди осмысливают свои поступки после их свершения, и то не всегда аутентично. Важно отдавать себе отчет в границах и условиях достоверности развертывания философского смысла практики.

Существует несколько вариантов такого развертывания. «При диалектическом варианте, – пишет автор, – с одной стороны, ленинские политические действия представляются как бы результатом исследования действительности с помощью набора диалектических принципов (всесторонность рассмотрения, анализ противоречий и т.п.), с другой, отмечается взаимодействие и взаимообусловленность ленинской теории и практики. Нередко исследователи, стоящие на таких позициях, оперировали отдельными

эпизодами ленинской политической практики (ссылались на его стратегию в национальном вопросе, чтобы показать конкретность ленинского подхода к истории, возникновение у Ленина в ходе революции 1905 года мысли о Советах как типе пролетарского государства бралось как доказательство обогащения марксистской революционной теории под влиянием практического революционного движения и т. и.). В сущности, это та же самая игра в “примеры”, которую в качестве способа проникновения в суть диалектики отверг сам Ленин в “Философских тетрадах”. Иногда исследователи отпращивались от более общих характеристик ленинской практики, доминирующей из которых является, бесспорно, устремленность к социалистической революции как главной цели, ленинский активизм. Этот активизм в соединении с огромной способностью схватывать особенности переживаемой исторической ситуации, собственно, и обеспечили успех Ленина как политического деятеля. Указанный синтез обычно интерпретировался как диалектическое единство марксистской теории и практического социалистического движения» (44).

Как утверждает российский историк Н.В. Петров, «именно иллюзия национальной государственности сохранила на какое-то время советскую империю, ее реконструировала на некоторых иных принципах. Ведь уже в начале 90-х годов раздавались голоса: “Зачем нам национальное государственное устройство? Надо вернуться к губернскому устройству царской России – и будет все в порядке”. Но без иллюзии для народов, которые тогда населяли Российскую империю, без иллюзии хоть какой-то государственности и какой-то самостоятельности тогда не состоялось бы государство, оно бы распалось. Поэтому когда говорят о Ленине, как об основателе советского государства, – да. О Ленине нужно говорить не только как об основателе советского государства, но и как об основателе государства тоталитарно нового типа, где видимость важнее сути. Ведь видимость национальных прав и национальных образований не подразумевала, что кто-либо может потом, какая-либо нация, определять свою судьбу» (45).

Серьезное значение для наших историков имело и знакомство с дискуссией между Р. Ароном и А. Безансоном о целях и средствах революции и её вождях. Р. Арон писал: «Исторически советский режим родился из революционной решимости, вдохновленной гуманистическим идеалом. Цель состояла в создании самой гуманной системы, которую когда-либо знало человечество, первой системы, где каждый сможет чувствовать себя полноценным

человеком, где исчезнут классы и где благодаря однородности общества воцарится взаимное уважение граждан. Однако это движение, направленное на достижение абсолютной цели, не останавливалось перед применением любых средств, ибо доктрина гласила, что идеальное общество может быть построено только путём насилия и что пролетариат ведет против капитализма войну не на жизнь, а на смерть». Безансон, критически разбирая воззрения Арона, тем не менее признаёт в Ленине следующее: «Он управлял во имя своей идеи общественного блага, социализма, во имя исторических носителей этого блага, пролетариата, партии, Центрального Комитета, и у него не было и следа понимания того факта, что он сам является диктатором. Его методы осуществления власти являются диктаторскими, чего он не скрывает, но их нельзя назвать тираническими, ибо идеология не позволяет ему не только признать, но даже представить себе собственную выгоду» (46). После 1991 года многие авторы стали опровергать слова о «выгоде», считая, что для Ленина главной «выгодой» была власть.

Новая проблематика дискуссий

Новые источники не могли не породить новую проблематику дискуссий. И одной из самых актуальных для перестроечного времени была «Ленин и проблемы перехода от военного коммунизма к нэпу». Раньше в этой теме не возникало проблем: переход к нэпу однозначно трактовался как дальновидное решение Ленина и РКП(б). В 1989 году один из авторитетных историков В.З. Дробижев чётко обозначил одно из слабых мест тогдашней историографии: «Подавляющее большинство исследователей не дают ответа на вопрос о природе и особенностях “механизма” перехода от политики “военного коммунизма” к нэпу. Как правило, источник перестройки экономической политики историки находят в факторах внешнего по отношению к самой экономической политике порядка, а не в уровне соответствия или несоответствия механизма хозяйствования задачам и условиям экономического строительства» (47).

Неожиданный аспект предпосылок и условий перехода к нэпу в том же году затронули авторы принципиальной коллективной статьи «От какого “единства” мы отказываемся?» (48). В ней

подробно рассматривалась борьба партийных «низов» против аппаратно-бюрократической прослойки в РКП(б), окостеневшей за время «военного коммунизма» и обнаружившей свои материальные интересы. В числе других работ по этой проблеме появилась серия статей С.А. Павлюченкова, которые можно объединить одним вопросом «С чего начинался нэп?». Основной их смысл сводился к утверждению, что переход к новой экономической политике стал возможен только в результате широкого общественно-политического давления на большевистское руководство как со стороны крестьянства и рабочих, так и определённой части партии и государственного аппарата. Позиция же Ленина и части его окружения свидетельствовала о том, что именно они на протяжении долгого времени являлись противниками перехода к нэпу и только в самом начале 1921 года резко изменили своё отношение к этому вопросу (49). В 1990 году многие историки уже без всяких оговорок писали о глубоком социально-политическом и экономическом кризисе, угрозе Потери власти весной 1921 года, заставивших большевистское руководство осознать необходимость резкого поворота в политике (50).

Таким образом, рубеж 80–90-х годов становился переломным в лениноведении – мало кто тогда предполагал, что перелом произошёл со значительным опозданием и не столь глубоко, как казалось на первый взгляд. Одной из причин перелома становилась позиция партийных научных и учебных учреждений, на которые всё ещё ориентировались центры, кафедры в самых разных местах СССР. В 1989–1990 годах в Институте марксизма-ленинизма завершилась работа над книгами «Ленинская концепция социализма» и «Ленин, о котором спорят сегодня». В них анализировались различные аспекты биографии вождя – человека, политика и мыслителя. Впервые широко освещались его отношения с Инессой Арманд (51).

В 1990 году в ведущем партийном образовательном учреждении – Академии общественных наук при ЦК КПСС – состоялась конференция, которая подводила итоги первых новаторских шагов в переосмыслении образа Ленина (52). Тональность дискуссии определил доклад Ю.С. Васютина «Актуальность ленинского наследия: история и современность», который признал необходимость масштабного и непредвзятого пересмотра отношения к личности Ленина, к генезису его идей, к логике поступков с обязательным учётом конкретной ситуации, индивидуальности периода, его уникальности.

В качестве метода пересмотра предлагалось гегелевское положение о том, что «опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые молено было бы извлечь из неё. В каждую эпоху оказываются такие обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния» (53). Следовательно, не вина Ленина в том, что учёные многие положения его творчества догматизировали, а теперь пытаются на основе фактов другой эпохи, новейшего времени «шептать или наоборот кричать: Ленин не прав!».

От каких же деформаций и искажений Ленина и ленинизма предлагалось освободиться? Во-первых, от преувеличения роли Ленина, толкования его действий, как проявления сверхъестественных, почти нечеловеческих качеств, а мыслей – как абсолютной истины, своеобразной харизмы, которая только и может помочь правильно реализовать объективные общественные законы. Во-вторых, от канонизации ленинских трудов. В-третьих, от упрощения ленинской теоретической мысли, что в своё время снижало Сталину славу теоретика и идеолога партии. В-четвёртых, от искажения личных качеств Ленина. В-пятых, от многолетнего и изначального замалчивания и деформации пролетарского бытия и гуманизма Ленина, поскольку для него «общение с массами, посещение заводов и фабрик, сёл и деревень, встречи и беседы с рабочими, крестьянами и интеллигенцией, участие и выступления на собраниях и митингах, на различных съездах, конференциях, совещаниях, изучение получаемых писем было органической потребностью. Он хотел сам видеть и осмысливать условия жизни, чувствовать настроение и дух, брать и генерировать жизненный опыт простых людей» (54).

Наконец, Васютин выделил некоторые методологические проблемы в подходах к ленинскому наследию. По его мнению, слишком рискованно и прямолинейно шла привязка ленинских работ к современности. Ленинские положения и его установки, политическая практика тех лет оценивались с завидной легкостью и безапелляционностью, без должного учёта требований принципов историзма, особенностей конкретно-исторической обстановки.

Международную панораму взглядов на личность Ленина в юбилейном году впервые запечатлел круглый стол Агентства

печати «Новости» (55). На него в апреле 1990 года были приглашены ведущие специалисты по СССР из Германии, США, Франции и Великобритании. Профессор Тюбингенского университета Дитрих Гаер сразу же возложил ответственность за негативное отношение к Ленину в странах Восточной Европы на советских историков. Профессор Принстонского университета Роберт Такер призвал видеть двух Лениных – «Ленина-революционера и Ленина-реформиста... Как революционер Ленин был, с одной стороны... верующий марксист, но с другой стороны – он был сугубо русский революционер, который испытал влияние на своё мышление народнической традиции». Такер также обратил внимание на то, что ленинский вывод о социализме как строе цивилизованных кооператоров был «совсем не в духе учения Маркса и Энгельса. Однако дальше этого Ленин пойти не успел, но тем не менее это был реформистский путь к социализму... Как реформатор Ленин сосредотачивал внимание на экономической стороне дела. В смысле же политическом он не был реформатором».

По мнению профессора из Шотландии Пола Дьюкса, «социализм создавался в России по ленинским концепциям, которые базировались на марксизме XIX в.», однако «идеология социализма и капитализма, сформированная в прошлом веке, не может уже служить ориентиром для практики сегодня, в конце двадцатого века, а тем более в будущем». Для профессора из США Александра Рабиновича, «Ленин был необычайно сильной и решительной личностью, и одновременно – гибким политиком... Однако, действуя столь решительно, Ленин самолично уничтожил возможность создания в 1917 г. многопартийного коалиционного демократического социалистического правительства».

Развернутую оценку современным интерпретациям Ленина дал на заседании «круглого стола» академик Ю.А. Поляков. «В том, как воспринимается образ Ленина, – сказал он, – есть вина наших историков. Взгляды Ленина менялись во времени, а мы этого не учитывали... После Ленина мир менялся значительно, а мы этого тоже не учитывали. 67 лет прошло с тех пор, как Ленин продиктовал последние фразы своих статей, а мы каждое ленинское слово, каждую оценку, каждый вывод, сделанный им и 67 лет, и 90 лет назад воспринимали, как нетленные исторические клише. Публицисты... почувствовали, что народу неприятен “засахаренный” Ленин, но очень многие публицисты и историки не учитывали необходимости исторического подхода. Берётся ленинская цитата и вне времени, вне пространства используется... Нет книги

об Отечественной ли войне, о культуре ли, об энергетике, где не было бы ленинских цитат – и к месту, и не к месту... А сейчас противники Ленина поступают точно также – берут цитаты со словами “посадить”, “расстрелять”, “арестовать” и т. д. и тут же готово обвинение Ленина – за террор, за склонность к насилию. Отсюда, из неисторического подхода, и произрастают омертвление ленинских идей, их догматизация» (56).

Фиксируя новые стихийные или организованные, прорывные или ползучие факторы развития лениноведения – доступ к эмигрантским источникам, введение в научный оборот материалов дискуссий и исследований западных исследователей, подвижки в работе традиционных советских центров по изучению Ленина – нельзя оставлять без внимания те намерения по отношению к ленинскому наследию, которые оставались закрытыми для научной среды и обсуждались лишь в верхушке партии. Однако постепенно тайное становится явным.

Судя по ряду свидетельств, озабоченность вызывали примерно 300 документов (письма, телеграммы Троцкому, Бухарину, лидерам оппозиции, материалы личного характера и т. д.), которые никогда не публиковались и вокруг которых так или иначе циркулировали слухи, домыслы и легенды. Лишь немногим более 20 документов Ленина было опубликовано в 1989–1990 годах под рубрикой «Из архивов партии» в возобновленных «Известиях ЦК КПСС».

Тогдашний директор Института марксизма-ленинизма Г.Л. Смирнов вспоминает в вышедших в 1997 году мемуарах «Уроки минувшего»: «После XXVIII съезда партии шестое издание сочинений Ленина оказалось под вопросом. Между тем, Общий отдел ЦК не переставал теребить нас – требовал предложений: издавать, не издавать. Посоветовавшись с заместителем Генерального секретаря ЦК В.А. Ивашко, я написал для него неофициальную записку по этому вопросу и передал её из рук в руки в середине декабря 90 года с условием, что после прочтения её он пригласит меня, и мы поговорим, как быть дальше. Но, видимо, у товарища Ивашко в то время руки до сочинений Ленина не дошли. Августовские события 91 года застали записку на письменном столе в кабинете Ивашко. Записка попала на глаза жадных до сенсаций журналистов, и замелькали на газетных полосах возмущённые “охи” и “ахи”: дескать, директор ИМЛ не желает открывать секретов Ленина... Авторы подобных “сенсаций”, конечно, постеснялись сказать читателю о том, что основной смысл докладной Смир-

нова состоял как раз в стремлении опубликовать ленинские архивы. Но там действительно был поставлен вопрос о документах, касающихся мер по поддержке революционных сил за рубежом, разведывательной деятельности, вмешательства в международные противоречия, попыток “советизации” Литвы, Венгрии, Чехии, Румынии и т. д. Не видел тогда и не вижу сейчас ничего предосудительного в секретной деятельности молодого Советского государства и в праве его охранять свои секреты. Все государства так или иначе занимаются защитой своих интересов за границей, поддержкой дружественных сил. И уж совсем нет ничего особенного в том, что директор научного института, прежде чем предлагать публиковать такого рода секретные документы, стал советоваться со своим политическим руководством» (57).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Туваев В., Сас И.* Пламенные борцы за коммунизм // *Коммунист Украины*. 1968. № 8. С. 78.

2. См., к примеру: *Баженов В.В.* Историческая биография в советской историографии (1917 – середина 1930-х годов). Дис. канд. ист. наук. – М., 1976; *Он же.* Биографические исследования в советской историографии (1917 – середина 30-х годов). В кн.: *Исторические записки*. – М., 1977. Т. 98.

3. *Эйдельман И.Я.* Об историзме в научных биографиях. (На материалах русской истории XIX века) // *История СССР*. 1970. № 4; *Иванова Л.В.* Биографические очерки в литературном наследии В.И. Ленина. В кн.: *История и историки. Историографический ежегодник за 1970 г.* – М., 1972; *Заборов М.* О биографическом жанре в литературе по истории классовой борьбы пролетариата // *Рабочий класс и современный мир*. 1971. № 3; *Ровный И.И.* Научные биографии как жанр историографии науки. В кн.: *Вопросы истории естествознания и техники*. – М., 1971. Вып. 3–4; *Елатьевский А.В.* О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований. В кн.: *История и историки. Историографический ежегодник за 1971 г.* – М., 1972. *Человек науки / Под ред. М.Г. Ярошевского* – М., 1974 и др.

4. См.: *История СССР*. 1970. № 4. С. 232, 234–235.

5. См.: Там же. С. 240, 234–235.

6. См.: *Сивогризова А.* Историко-революционная биографическая повесть о соратниках В.И. Ленина. В кн.: *В.И. Ленин и проблемы развития литературы*. – Ростов н/Д, 1972; «Жизнь и деятельность...» Нерешенные проблемы биографического жанра // *Вопросы литературы*. 1973. № 10; *Биографическая литература: были и небылицы* // *Литературная газета*. 1975, 30 июня, 1, 8, 29 октября, 19, 26 ноября и 3 декабря; *Гордин Я.* Индивидуальная судьба и система биографий // *Известия АН СССР*. 1978. Т. 37. Сер. литературы и языка. № 6; *Жуков Д.А.* Биография биографии: Размышления о жанре. – М., 1980.

Когда открылся доступ к «спецхранам» библиотек, вдруг выяснилось, что в то же десятилетие, только с иными знаками, обсуждение проблемы велось западноевропейскими коллегами. К примеру, К. Раковский открыто противопоставлялся Ленину и его окружению, А. Коллонтай представлялась как «анархист-марксист» и «теоретик морали секса», С. Тер-Петросян (Камо) как носитель «общественного разбоя, терроризма и революции», А. Луначарский – в роли ультралевого реформиста и т. д. – См.: *Conte F. Christian Rakovski (1873–1941). Essai de biographie politique*. Т. 1–2. – Paris, Gille Atelier Reproduction des Theses Universite Cille III, 1973–75; *Clements Barbara Evans. Bolshevik Feminist. The Life of Aleksandra Kollontai*. – Bloomington and London, Indiana University Press, 1979; *Baunac J. Kamou. L' Homme de Main de Lenine*. – Fayard, 1972; *Champarnaud Francis. Revolution et contrerevolution culturelles en URSS. De Lenine a Jdanov. Textes de: Bogdanov, Boukharine, Lounatcharsky, Kollontai*. – Paris, 1975.

7. Сталин И.В. Сочинения. – М., 1954. Т. 7. С. 43.

8. См.: *Бордюгов Г.А.* Гитлер приходит к власти: новые доминанты внешнеполитических решений сталинского руководства. 1933–1934 // Отечественная история. 1999. № 2.

9. См.: *Демиденко Г.Г.* Советская историография жизни и деятельности соратников В.И. Ленина. – Харьков, 1985.

10. Перестройка: гласность, демократия, социализм. Иного не дано / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1988. С. 499.

11. Там же. С. 370–391.

12. История издания литературного и документального наследия Ленина в СССР довольно полно представлена в работах середины 20-х – 80-х годов по вопросам архивоведения, археографии, теории и методики источниковедения. – См.: Лениниана: Библиографический обзор русской литературы в 5-ти тт. – М; Л., 1926–1930; Лениниана: Библиографический указатель произведений В.И. Ленина и литературы о нём. Т. 1–19. – М., 1971–1988. В них охарактеризован широкий круг вопросов: собирание рукописей и документов, формирование архивного фонда В.И. Ленина в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, особенности всех, вплоть до пятого, изданий Сочинений его и Ленинских сборников с точки зрения их структуры, полноты, способов воспроизведения и степени точности передачи ленинского текста, содержания справочного аппарата, история создания отдельных произведений, изучение ленинских приемов работы, разыскание и публикация неизвестных ранее материалов – См.: *Сокровищница великих идей ленинизма: О полном собрании сочинений В.И. Ленина*. 2-е изд. – М., 1968; *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. II–VIII. – Л., 1969–1976; *Ждановская З.В.* Вопросы методики изучения ленинского наследия. – М., 1979; *Фонд документов В.И. Ленина*. 2-е изд., доп. – М., 1984; *Лениниана: Поиск. Источниковедение. Археография* / Сост. Т.П. Бондаревская, Н.И. Приймак, Г.Л. Соболев. – Л., 1987.

13. См.: *Проблемы лениноведения*. – М., 1990. С. 6.

14. Там же. С. 7; *Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г.* Литература о биографической хронике В.И. Ленина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 4.

15. *Проблемы лениноведения*. С. 8–9.

16. *Валентинов Н.* Встречи с Лениным // Волга. 1990. № 10–12.

17. Там же. № 11. С. 105.
18. Там же. № 10. С. 111–112. Вполне сочувственно мемуары А.Н. Потресова о Ленине цитирует В.А. Поцелуев, считающий, что именно они дают понять, «откуда в Ленине эгоизм революционера-большевика и безжалостное отношение к политическим оппонентам – врагам партии, “врагам народа”» (*Поцелуев В.А.* Великий Ленин. «Вечно живой». С. 44).
19. Там же. № 11. С. 122.
20. *Валентинов Н.* Малоизвестный Ленин. – Л., 1991.
21. Впервые в СССР опубликован: *Чернов В.* Ленин // Россия (Москва). 1990. № 5.
22. Впервые в СССР опубликован: *Куприн А.* Ленин (моментальная фотография) // Курьер для вас (Москва). 1991. № 4 (7).
23. Впервые в СССР опубликован: *Рассел Б.* «Он – интеллектуальный аристократ» // Правда. 1991, 20 апреля.
24. Ленин. Человек – мыслитель – революционер. Воспоминания и суждения современников. – М., 1990. Правда, нельзя не отметить, что в этом официальном сборнике впервые появилась рубрика «Оппоненты», к сожалению, с очень небольшими отрывками из книг, статей и писем М. Адлера, Л.И. и П.Б. Аксельрод, О. Бауэра, В.С. Войтинского, К. Каутского, П. Леви, Ю.О. Мартова, Н.Н. Суханова, Н.В. Устрялова и др. В этом же ряду следует назвать и опубликованный впервые после 1924 года сборник: Недорисованный портрет. 1920 год: 50-летие В.И. Ленина в речах, статьях, приветствиях / Сост. К.И. Буков, Л.Н. Лашманова, Л.М. Тараканова. – М., 1990.
25. Впервые в СССР опубликовано: *Штейн М.* Род вождя. Генеалогия рода Ульяновых // Литератор (Ленинград). 1990. № 38; Слово. 1991. № 2; Москва. 1991. № 2.
26. Впервые в СССР опубликовано: *Ерофеев В.* Моя маленькая ленинина // Европа+Америка. 1991. № 1.
27. Впервые в СССР опубликовано: *Солоухин В.* Читая Ленина. – М., 1990; Родина. 1990. № 10; Наваждение. 1991. № 43.
28. Там же.
29. Данный очерк был также опубликован: *Авторханов А.* Ленин в судьбах России // Новый мир. 1991. № 1.
30. Вождь: (Ленин, которого мы не знали) / Сост. Г.П. Сидоровнин. – Саратов, 1991.
31. Там же. С. 277.
32. См.: *Кларк Рональд.* Ленин. Человек без маски. Вып. 1–2. – М., 1989.
33. Там же. С. 7.
34. Там же. С. 8–9.
35. Цит. по: *Мельниченко Владимир.* Феномен и фантом Ленина (350 миниатюр). – М., 1993. С. 9.
36. *Лукач Д.* Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. Пер. с нем. – М., 1990. – 144 с.
37. *Лукач Д.* Ленин // Коммунист. 1987. № 1.
38. Там же. С. 32.
39. Там же. С. 125.
40. Там же. С. 103.
41. См.: Ленин. Взгляд с Запада. Сб. статей / Отв. ред. Е.А. Самарская. – М., 1990. – 114 с.

42. См.: там же. С. 9.

43. См.: там же. С. 11–24.

44. Ленин. Взгляд с Запада. С. 6–7.

45. *Кара-Мурза В.* Ленин как ядерный гриб // Радио Свобода, 2016, 22 января, <http://www.svoboda.org/a/27504159.html>

46. *Безансон А.* Русское прошлое и советское настоящее. – London, Overseas Publications Interchange, 1984. С. 51, 41. Книга Р. Арона «Демократия и тоталитаризм», на которую ссылается Безансон, была переведена и издана в России в 1993 году.

47. *Розенберг У., Дробизhev В.З.* Социально-экономическое положение и политика Советского государства при переходе к нэпу // История СССР. 1989. № 4. С. 118.

48. См.: *Бордюгов Г., Котеленец Е., Подищеколдин А., Симонов Н.* От какого «единства» мы отказываемся // Учительская газета. 1990, 5 июня (№ 23).

49. См.: *Павлюченков С.А.* С чего начинался нэп? // Неделя. 1989. № 15; Он же. Почему вспыхнула «антоновщина»? Дополнительные штрихи к истории восстания // Неделя. 1989. № 44; Он же. Начало борьбы за нэп // Аргументы и факты. 1990. № 5.

50. *Дмитренко В.П.* «Военный коммунизм», нэп... // История СССР. 1990. № 3; *Горинов М.М., Цакунов С.В.* Ленинская концепция нэпа: становление и развитие // Вопросы истории. 1990. № 4; *Леонов С.В.* Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920) // Вопросы истории. 1990. № 12.

51. См.: Ленинская концепция социализма. – М., 1990; Ленин, о котором спорят сегодня. – М., 1991.

52. Об основных направлениях обсуждения можно судить по следующим основным докладам: *Голубева Е.И.* «О некоторых проблемах современной научной Ленинианы», *Русакова О.Ф., Главацкий М.Е.* «Методологические проблемы интерпретации ленинских источников», *Зотова З.М.* «Становление ленинской концепции партии: новые рубежи историографии», *Логунов А.П.* «Роль ленинских идей в развитии российского марксизма», *Корниенко С.И.* «В.И. Ленин об истоках и путях преодоления оппортунизма», *Романовский Н.В.* «Проблемы морали и нравственности в период становления РСДРП», *Кислицын С.А.* Ленинская концепция внутривластной борьбы и её фальсификация в период культа личности И.В. Сталина», *Бухараев В.М.* «Ленинская концепция соотношения социализма и демократии как проблема социального и исторического познания» и др. – См.: Постигая Ленина. Материалы научной конференции. – М., 1990.

53. См.: там же. С. 4.

54. Там же. С. 5–7.

55. Полностью материалы «круглого стола» были опубликованы отдельной брошюрой на нескольких зарубежных языках под названием «Идеи Ленина и будущее социализма» – см., к примеру: *Die Ideen Lenins und die Zukunft des Sozialismus.* – Moskau: Novosti, 1990.

56. См.: Вождь? Памятник? Человек? Материалы «круглого стола» в АПН // Советская культура. 1990. 21 апреля.

57. *Смирнов Г.Л.* Уроки минувшего. – М., 1997. С. 214–215.

Глава 2

«АНТИЛЕНИНИАНА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В конце 1980-х годов стало открыто признаваться, что в течение более чем полувека насаждалась догматизация ленинизма, приспособленная к потребностям сталинской модели государственного социализма, призванная служить оправданию авторитарных методов. Сложилась целая система взглядов и утверждений, которая изображалась как единственно возможный и правильный вариант марксизма-ленинизма, а всё остальное проклиналось как ересь, измена делу рабочего класса. На совещании историков в начале октября 1989 года впервые официально был признан факт возникновения «антиленинианы» в «советских условиях». Это подтвердилось и на заседании Идеологической комиссии ЦК КПСС в конце января 1990 года (1). На этих собраниях подчёркивалось, что перестройка поставила проблему переосмысления ленинского наследия, понимания Ленина как теоретика, политика и человека. На обсуждение ставилась принципиальная для того времени проблема: ленинизм и новое политическое мышление. Облегчённые её трактовки были отвергнуты.

Право на ошибку

И. Фролов, в частности, отметил: «Приходится сегодня довольно часто слышать: Ленину принадлежит идея нового мышления, Ленин сформулировал тезис о приоритете общечеловеческих ценностей и т. д. Но Ленин совсем не нуждается в том, чтобы ему приписывали то, до чего ещё нельзя было дойти в общественных условиях того времени. Только угроза всеобщего уничтожения позволила роду человеческому ощутить себя единым. И приоритет в осознании этого принадлежит скорее Жолио-Кюри, Эйнштей-

ну». Ю. Красин сформулировал свой тезис о том, что в ленинизме отразилась политическая культура классово-конфронтации, что марксистское мышление не может быть сведено к тому, что сказал Ленин, хотя бы уже только потому, что сегодня существуют совершенно новые реалии, которые трудно было даже предположить в первой половине XX века (2).

В том же году в документе ЦК КПСС «К 120-летию со дня рождения В.И. Ленина» впервые исчезли упования на коммунистическое будущее, к которому мы идем «по ленинскому пути», за Лениным было признано право на ошибку. В этом же документе впервые было сказано, что Ленин не оставил после себя программы социалистических преобразований и что его идеи следовало бы возратить в разряд реальных, а не лишь провозглашаемых. ЦК заявил также, что годовщина со дня рождения Ленина – это не повод для помпезных мероприятий (3).

И, действительно, следующая годовщина, как оказалось, последняя, отмечалась не в Кремлевском дворце съездов, а в Большом театре. И снова на собрании звучали правильные, но запоздалые в контексте развития тогдашнего общественного мнения, признания. Например, подобные тем, которые прозвучали из уст директора Центрального музея В.И. Ленина В.Е. Мельниченко: «Ленин достоин осмысления и честного разговора. А если так, то признаем, как бы это ни было горько, что в огромном большинстве своём мы по-настоящему не знаем Ленина, мало читали и читаем его до сих пор в оригинале. Десятилетиями люди воспринимали Ленина через посредников, интерпретаторов, популяризаторов, других искажителей его сущности. Кажется, это стало нашей второй натурой. Ибо сейчас повторяется то же самое, только ловкие политики перевернули пластинку на обратную сторону. И вот вместо мифов о богоподобном Ильиче людей пичкают “сенсационными”, лживыми обвинениями в его адрес» (4).

Политические эвфемизмы

В отличие от эмигрантской советская «антিলениниана» развивалась весьма своеобразно. Сначала на короткий промежуток времени «грехи» самого Ленина и возглавленной им революции прикрывались «политическими эвфемизмами», одним из авторов которых был публицист и историк эмиграции, затем пресс-секретарь

президента Б.Н. Ельцина В. Костиков. Смысл предложенной им игры заключался в том, что хорошему, доброму Ленину, человеку в «штатском», в «стоптаных гражданских ботинках и потешной кепчонке», в «потёртом пиджачишке», а также таким представителям его политического окружения как Л.Б. Каменев, А.И. Рыков, Н.И. Бухарин всё время мешали «люди в сапогах». В нашумевшей статье «Сапоги из шагреновой колеи», опубликованной в конце лета 1989 года в многомиллионном «Огоньке», Костиков противопоставил этим «чистым» революционерам «нечистых» Троцкого и Сталина. Таким способом он решил доказывать самоценность демократии, плюрализма и других прогрессивных идей (5).

Но в том же году ситуация складывалась таким образом, что маскировка стала ненужной, и многие последователи Костикова превратили Ленина в «разменную монету в политической борьбе». В череде этих публикаций явно выделялось уже упоминавшееся сочинение писателя В. Солоухина «Читая Ленина», который посчитал себя профессиональным исследователем ленинских текстов, в частности, 36-го тома. Он обвинил Ленина и его окружение в сговоре между собой русских людей на основе ложной теории «классовой борьбы», стремлении установить диктатуру, «оккупационный режим», и таким образом подчинить все народы России, а затем и весь мир, обвинил в изобретении и использовании как орудия преступления государственную хлебную монополию, хлебную карточку, всеобщую трудовую повинность, продовольственную разверстку, наконец, в том, что он инспирировал голод в Москве и Петрограде, и вообще он – «крестный отец» Сталина (6).

Эту мысль очень отчетливо сформулировал российский философ и политик В.В. Аксютин: «Надо сказать, что Сталин по массовости террора, конечно, превзошел Ленина. Но только потому, что Ленин умер. А автором той концепции, которую Сталин унаследовал, и в этом смысле Сталин – наиболее последовательный ленинец из всего его окружения, поэтому он и победил, был, конечно же, Ленин» (7).

Одной из важных составляющих «антиленинианы» стали в те годы вопросы и о немецких деньгах и о «шпионаже» в пользу Германии. Для широкой читающей публики они возникли в связи с публикацией в СССР книг поэтессы, профессора Принстонского университета Н. Берберовой, в частности «Курсив мой». Как об очевидном она пишет: «Кстати – о немецких деньгах. Теперь, когда факты о них раскрыты, и берлинские архивы времён Кай-

зера стали известны, непонятно, почему эти факты вот уже скоро пятьдесят лет скрываются в Советском Союзе и почему, будучи пораженцем, Ленин не мог этими деньгами воспользоваться? И почему, воспользовавшись ими, что было вполне логично, он потом отрицал это, как и его окружение?». Далее, чтобы подтвердить факт получения Лениным сумм от германского правительства, она ссылается на историков от Суханова до Мельгунова, на книгу «Роковые годы» начальника военной контрразведки при Временном правительстве Б. Никитина, впервые изданную в Париже в 1937 году, а затем на документы из архива министерства иностранных дел кайзеровской Германии, опубликованные в двух книгах З. Земана и В. Хальвега в 1957 и 1958 годах (8).

Для исследователя Г. Нилова (А. Кравцова) все эти, не подлежащие сомнению факты, стали основанием для размышлений о неожиданном возвышении Сталина накануне Октября, который сделал всё возможное, чтобы дезавуировать эту «клеветническую пакость» со стороны Г.А. Алексинского и В.С. Панкратова в июле 1917 года и вообще не допустить явки Ленина в суд, которой требовали ЦИК Советов, часть членов ЦК, меньшевики, эсеры и т. д. Нилов, на основе выстроенной хронологии истории «немецких денег», приходит к двум выводам: «1. Ни широкие партийные круги, ни самые верхние этажи партии не знали истинного содержания дела о немецких деньгах и считали явку Ленина в суд не только возможной, но и полезной для разоблачения Временного правительства как пособника умышленной фальсификации, нацеленной против бескорыстных большевиков- интернационалистов. Это убеждение, а вернее, – заблуждение, было настолько широким и сильным, что Ленин, как это явствует из его с Зиновьевым совместного письма, вынужден был вначале с ним согласиться (9). Согласие, надо полагать, было всего лишь тактическим манёвром. 2. Имя Сталина в истории со злополучными деньгами встречается чаще, чем во всей предыдущей истории РСДРП» (10).

Однако в своих рассуждениях Нилов пошёл дальше. Участие в судебном процессе и обнародование факта получения денег без внутривнутрипартийного согласования такого шага означало не только «крах вождя исторического величия», но и провал многолетних партийно-организационных стараний. Уклонение от процесса, вопреки мнению «чекистов и пекистов» означало «косвенное подтверждение справедливости обвинения и приводило в худшем случае к тому же краху и провалу, в лучшем – к утрате

дирижерской палочки на пороге окончательного сражения за власть». Попытка очередного гипнотизирования ЦК и ПК, чтобы уклонение от суда было легализовано партийным решением, означала необходимость прямых и однозначных заверений в абсолютной ложности выдвинутых обвинений, что впоследствии могло привести к разоблачению и отрезало возможность отступления в область интернационалистской фразеологии. Показательно, отмечает Нилов, что ни одна из июльских статей Ленина не содержала ни одного прямого и однозначного отрицания его причастности к немецким деньгам (11).

Новые разновидности «антиленинианы», быстро входящей в моду, в основном сводились к одному – неприязни к Ленину и неприятию его идей. Причём, нам представляется, обнаружилась принципиальная разница между основоположниками «антиленинианы» – политическими оппонентами Ленина и эмигрантскими историками, и их продолжателями. Первые были неизмеримо корректнее в выражениях своих антипатий к Ленину, вели с ним спор по существу, не придумывали вымышленные цели для ударов. Вторые явили полную противоположность своим предшественникам.

А.С. Ципко просто предложил уравнивать большевизм, ленинскую коммунистичность с левым радикализмом, максимализмом, мессианством, обожествлением догматов, обвинил большевиков-ленинцев в «антимещанстве», «антибуржуазности», «антипотребительстве», нелюбви к «устроенности западного бюргеровского быта», наконец, вообще созидательное начало революции. «Критика сталинизма, не доведённая до критики революционного максимализма, его эгоистических основ, мало, что даст», – заявил философ (12).

Ему вторил приближающийся к теме Ленина будущий его главный «обвинитель» – генерал Д.А. Волкогонов. В четырёхтомном сочинении о Сталине, опубликованном в 1989 году, и докторской диссертации «Сталинизм: сущность, генезис и эволюция» присутствовали сдержанные оценки Ленина. Автор заявлял, что суд над Сталиным «кошунственно превращать в суд над Лениным, как это порой пытаются ныне делать, ибо он не ответственен перед нами за дело, которое могло быть выполнено несколькими поколениями» (13). Однако уже в двухтомной биографии Л.Д. Троцкого, Волкогонов вывел Ленина из строя «великих мыслителей» и стал опираться исключительно на Николая Бердяева (14). Тогда же он приступил и к работе над книгой

о Ленине, мотивируя своё желание тем, что «до сих пор у нас не было о нём честной книги» (15).

Анализируя все эти факты, известная часть тогдашних партийных идеологов рассматривали всё это как организованное и спланированное «наступление на Ленина», сорвать которое малыми силами, единичными ответными акциями вряд ли удастся. Однако оказалось, что в тот момент в распоряжении партийной науки не оказалось достойных работ и аргументов. Можно ли считать в качестве аргументов положения, которые формулировались в период расцвета «антилиенинаны», к примеру, философом В.А. Кувакиным: «Раскрыть мировоззрение Ленина – это видеть его идеи вплетёнными в творческий процесс, субъектом которого является отдельный человек, личность, одаренная богатыми природными задатками, выработавшая высокие нравственные и политические идеалы... Раскрыть мировоззрение Ленина – значит объяснить действие конкретного, но мощного “субъективного”, человеческого фактора в развитии марксизма. Раскрыть мировоззрение Ленина – значит устанавливать и доказывать, казалось бы, простые, но весьма важные факты, скажем, что Ленин явился первым в истории философии мыслителем, которому удалось подлинно научным образом воспринять объективно имеющуюся философскую теорию – диалектический и исторический материализм, – существенным образом развив ее, придав большую обоснованность, динамизм, гибкость, сделав развивающейся и развиваемой в таких условиях, в которых она первоначально не существовала. Раскрыть ленинское мировоззрение – значит фактическим образом преодолеть суждения некоторых западных исследователей о Ленине как о мыслителе якобы неоригинальном, подражательном, догматичном, ограниченном узкими национальными рамками...» (16).

Пыталась самоотверженно и страстно писать о Ленине в 1989–1990 годах публицист газеты «Правда» Наталья Морозова. Но эмоциональные заверения в исключительной любви к Ленину, восклицания типа «простите нас, Владимир Ильич, что не выполнили ваши заветы», подменяющие жёсткий, откровенный анализ, всё больше и больше вызывали читательскую неприязнь. Пытался все эти годы защищать Ленина и сектор произведений В.И. Ленина Института марксизма-ленинизма (17).

Весьма активным в различных дискуссиях был Г.Л. Смирнов. В частности, многим историкам запомнилась его острая полемика с научным обозревателем Олегом Морозом на тему «Устарел ли

марксизм» на страницах «Литературной газеты» (8 ноября 1989 года). Смысл тенденциозных вопросов журналиста состоял в том, что причина всех деформаций, всех бед заключается в следовании марксизму, что социалистическая идея вообще не годится для обустройства советского общества и вообще ведёт к глобальному кризису. Директор ИМЛ апеллировал к тому, что именно Маркс, а вслед за ним и Ленин выступали против догматического истолкования марксизма, всегда были готовы к пересмотру любой устаревшей доктрины, в зависимости от обстоятельств, что именно Ленин указывал на многообразие форм перехода к социализму. Смирнов в своих ответах привёл ответ Ленина западным социал-демократам, упрекавших его в отступлении от Маркса. Суть этого ответа в том, что Ленин считал, что сначала надо создать в России такую предпосылку, как установление рабоче-крестьянской власти, а потом уже начать движение к социализму с использованием всех достижений и механизмов экономики. И главным итогом исторического развития страны явился её выход на самые передовые рубежи экономического, технического и научного развития. Академик признал факты ошибок и отступлений от гуманистических принципов социалистического учения, в особенности прав и свобод личности. В политике были совершенны отступления от требований демократизма, материальной заинтересованности, нарушались законность и правопорядок. Тяжким бременем на общество легли сверхцентрализм и бюрократизм в управлении. Но в этом нет вины Маркса и Ленина. Для Ленина государственно-монополистический капитализм являлся полнейшей материальной подготовкой социализма. И когда вводился нэп Ленин указывал на его глубокий смысл – поставить социализм «на почву наличных капиталистических отношений», на сосуществование различных экономических укладов.

Что же касается вопроса о проектировании будущего социалистического общества, то Смирнов акцентировал внимание читателей на том, что Ленин был весьма сдержан относительно подробной обрисовки будущего общества. Даже после победы Октября он решительно отказывался придумывать, как будет выглядеть социализм. Так, на VII съезде партии в 1918 году Бухарин предложил ввести в Программу партии подробное описание общества. Ленин категорически возразил против этого, заявив, что сейчас мы не знаем и знать не можем, каким будет это новое общество, мы знаем лишь некоторые основные принципы. Он считал, что во всех деталях формы этого строя должны быть най-

дены, нащупаны практически в самом историческом процессе, и сделать это может только социальное творчество народных масс. Именно поэтому он призывал внимательно присматриваться к их опыту и многое черпал из него.

Признаем опытность Г.Л. Смирнова как полемиста. Однако сегодня очевидно, что в те годы, на фоне пассивного выжидания большинства историков или просто их неготовности к такому повороту событий, на равных с критиками или противниками Ленина могло спорить лишь небольшое число исследователей. К числу редких исключений прежде всего следует отнести статьи трёх историков, которые ЦК КПСС почему-то сразу же попытался поставить в заслугу себе. На заседании Идеологической комиссии ЦК в январе 1990 года секретарь В.А. Медведев, размышляя о том, что выдергивание и антиисторическое извращение тех или иных высказываний, цитат Ленина обретает у его критиков характер цепной реакции, заметил: «Правда, в некоторых случаях, по-моему, это удастся прерывать... После выступления, очень убедительного, в журнале “Родина” трёх авторов вроде бы тут цепная реакция как-то прервана» (18).

На равных с противниками

Речь шла о ставших в те годы широко известными своими статьями о Бухарине и сталинизме историках Г.А. Бордюгове и В.А. Козлове, а также В.Т. Логинове. Однако для посвященных выбранный ими способ полемики как раз никак не укладывался в привычные для ЦК представления. Во-первых, как рассказали позднее и сами эти авторы, именно они настояли, чтобы статья Солоухина была напечатана в «Родине», выходящей многотысячными тиражами. Только в таких условиях они считали уместным вести серьёзную полемику с писателем. Во-вторых, и в последующем Бордюгов и Козлов честно и открыто знакомили читателей с мнениями своих оппонентов, вплоть до самых нелицеприятных, если не сказать «грязных». В-третьих, трудно вообще отнести этих учёных к числу лениноведов – они были и, как представляется, остаются академическими учёными. В ИМЛ, куда они перешли работать из Академии наук, прельщённые заманчивыми обещаниями о доступе к закрытым архивам партии, к секретному ленинскому фонду их так и не допустили. (Как потом

стало ясно, в самом же аппарате ЦК усилиями секретаря А.Н. Яковлева (19), и некоторых рядовых ответработников, к примеру, В.П. Наумова и А.С. Ципко, готовились совсем иные версии советской истории и интерпретации Ленина). Наконец, нельзя не обратить внимание на то, что ни тогда, ни сейчас никто из представителей «антиленинианы» так и не вступил с названными историками в серьёзную дискуссию, более того, их стиль полемики не устраивает и сегодняшних адептов Ленина и ленинизма.

Названные историки показали, как и ради каких целей специалистам типа Костикова создаётся «вымышленный мир», в котором власть может быть беспредельна, а историческая реальность податлива. Нарисованному известным публицистом человеку «в штатском», в «потешной кепчонке», не признающего насилия и мечтающего только о гражданском мире, историки противопоставили политика сурового и жёсткого, способного опереть пролетарскую диктатуру непосредственно на насилие. То есть, «если не лукавить и не обманывать самого себя, то и Ленина эпохи Гражданской войны следует отнести к “людям в сапогах”». Но в этом случае рушится созданная Костиковым схема, «проза жизни поглотит универсальную заданность деления политических деятелей на любителей сапог и штиблетов». Только в разделённой по-костиковски (на самом деле – по-сталински) на «чистых» и «нечистых» истории и мог существовать канонизированный Ленин, созданный в духе новой иконописной школы, воплощение «абсолютного добра», которому противостоит «абсолютное зло» (Костиков в своей статье избрал на эту роль Троцкого) (20).

Естественно, что в «вымышленном мире» от революции требовались стерильность и «непорочное зачатие». Историки же, наоборот, убедительно показали, что независимо от наших личных пристрастий, субъективных притягивания или неприятия революции, в тех конкретных исторических условиях, при той степени противостояния лагерей, при той психологической настроенности людей и партий, революция как раз и потребовала «первородного греха», насилие было важнейшим признаком революции, её неизбежным атрибутом.

Приведя множество фактов, разрушающих прежнюю «послушную историю Сталина», где словно на уроках арифметики «ученики с сосредоточенным усердием подгоняют решения к заранее известным ответам», и современный «сказочный» тип мышления, Бордюгов, Козлов и Логинов делают важный вывод: «Доставшееся от прошлого упрощённое и примитивное восприятие действительности, деление жизни на “черное” и “белое”

агрессивно по сути и изначально неконструктивно. Неужели даже для доказательства передовых, прогрессивных идей, например, о самооценности демократии, плюрализма, нужно прибегать к историческим подделкам и самообману?.. Только трезвый взгляд на прошлое, осознание пределов и преград, которые стоят перед людьми в их целесообразных (и нецелесообразных тоже) действиях... освобождают от иллюзий, от наивного розового оптимизма, позволяют почувствовать действительную борьбу интересов, устремлений, политической воли в истории. Без этого понимания возникает угроза вновь скатиться к поиску злых людей, “врагов народа”» (21).

В критике сочинения В. Солоухина «Читая Ленина» эти же авторы избрали форму «судебного процесса» со всеми его атрибутами: обвиняемым, прокурором и адвокатами, присяжными, уликами, составом, временем, местом, мотивами и орудиями преступления. Читателям предлагалось свободно наблюдать за составлением приводимых фактов и аргументов и выносить свой вердикт по каждому пункту солоухинского обвинения.

Строго научный подход продемонстрировал, конечно, все слабости «писательской фантазии». Это касается и образа «благостной» России накануне революции, и странного описания Гражданской войны, в которой нет интервентов, в ходе которой большевикам подвластно всё, кроме компромисса с крестьянством, и приписывания Ленину таких изобретений, как государственная хлебная монополия, хлебная карточка, трудповинность и продразверстка, даже искусственная организация голода. Все эти и другие представления самым подробным образом рассматриваются и анализируются, параллельно выявляются и те факты, которые писатель умышленно скрывает от читателей, в том числе и умелым прерыванием ленинских цитат. В частности, откуда вообще взялись хлебная монополия и продразверстка, концлагеря и всякие «повинности» (22).

Причём пафос критиков Солоухина отнюдь не направлен на «идеологическую защиту» Ленина. Они отстаивают путь спокойных и сложных размышлений об этой сложной фигуре, хотя и оговариваются, что, конечно, «простые истины» доступнее сознанию масс. Но именно поэтому «простая истина» должна быть истинной. Истинной хотя бы потому, отмечают историки, что «простота ответов большевиков в 1917 г. на вопрос о земле и мире – это одно, а простота ответов Сталина в 1937 г. на вопрос, почему в стране не ладятся дела, – это совершенно другое. И в том и в другом случае ответы простые. Но в первом случае ответ ис-

тинный, а во втором – фальшивый. Простые ответы, которые предлагает нам Солоухин и которые построены на обмане, на передержках, неистинны. Они толкают уставших и отчаявшихся людей в одном направлении: виноваты большевики, уберите их, и светлое и радостное прошлое сольется со светлым и радостным будущим» (23). То, что произошло в 1991 году и в последующие годы, ещё раз подтвердило фальшивость простых ответов и рецептов, которые предлагаются людям.

Безусловно, не все приняли столь мощную критику Костикова, Солоухина и множества их эпигонов. Был проигнорирован и призыв историков к политической ответственности в моменты, когда «надо суметь переступить через свои собственные амбиции, обуздать стремление самовыразиться любой ценой, понять, что страна находится в таком положении, когда поза, рисовка могут обернуться трагическими последствиями» (24). На сторону «антиленинианы» решил встать Ю.Н. Афанасьев, необоснованно обвинив Бордюгова, Козлова и Логинова в «осаживании оппонентов», хотя подобного невозможно найти ни в одной из их статей. Но он не ограничился этим упреком и сформулировал свою позицию: «Насилие и террор проистекают не из каких-то убеждений и личных качеств Ленина. Они в самих этих представлениях, что общество можно как избу построить, как завод, как какой-то механизм сконструировать по заранее изготовленному чертежу. Эти представления и повлекли за собой поиск средств. А тут без террора и насилия, оказалось, не обойтись. И всё это в массовом масштабе началось с восемнадцатого года» (25).

Афанасьева поддержали философы И. Залысин и А. Смагин: «Социальные преобразования, к которым общество не готово ни объективно, ни субъективно, провоцирует обострение классовых противоречий, сопровождающееся массовым применением насилия». В этой связи было заявлено о задаче «не нахождения исторической истины, а извлечении уроков» (26).

Через год Бордюгов и Козлов отреагировали на эту критику, сосредоточив внимание на то, по каким правилам идёт «моральный суд над прошлым». Аргументу о том, что историки вывели за рамки истории факторы морали, нравственные ценности общечеловеческого характера, был противопоставлен вопрос: а способен ли моральный суд кого-то и чему-то научить? Ведь как ни проклинать прошлое, психологический настрой на экстремистские действия всё равно возникает в обществе в критических ситуациях. (Заметим в скобках, что события августа 1991 года

и октября 1993 года наглядно подтвердили эту точку зрения). В таких ситуациях людей весьма трудно остановить моральными проповедями. Умная политика предпочтительнее.

Был также поставлен и вопрос о том, каким образом молено извлекать уроки, как предлагали философы, не утруждая себя нахождением исторической истины (27). Непонятными историкам оказались и благие намерения философов «понять причины террора, предупредить возможные сегодня взрывы насилия», оставив при этом историкам задачу «на основе документов... тщательно исследовать ход событий того времени» (28). В том то и дело, замечали Бордюгов и Козлов, что к неуловимой границе, которую переступали в периоды революций якобинцы и большевики, их подводила длительная цепочка событий. Шло постепенное втягивание в террор, причём не только якобинцев и большевиков, но и их противников. «В данном случае нас не волнует, – подчёркивали авторы, – вопрос о том, кто начал первым. Важно установить логику эскалации насилия, потому что только такое знание в состоянии хоть как-то предостеречь политиков в их конкретных решениях и действиях. Понимание закономерностей того, как начинает работать машина насилия и террора, как общество доходит до состояния “чрезвычайщины” и цена человеческой жизни практически падает до нуля, это понимание дают только поиски исторической истины и анализ документов» (29).

В заключение авторы ещё раз разъясняли оппонентам свою позицию. Дело не в тезисе «любой террор – зло», который они, безусловно, принимают, а в том, что дошедшая до стадии гражданской войны социальная и классовая конфронтация делит общество на «своих» и «чужих», на «мы» и «они». Врагов и противников вообще выводят в такие моменты из сферы морали, воспринимают как «нелюдей», на них не распространяют общечеловеческие нормы. Именно это и создаёт возможность превратить аморальный террор в террор морально оправданный и «все заявления о безнравственности насилия и террора... никого уже не останавливают» (30).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Выступления *В.А. Медведева, И.Д. Ковальченко, Г.Л. Смирнова, П.В. Волобуева, Ю.С. Кукушкина* и др. // Вопросы истории. 1990. № 1; Правда. 1990, 1 февраля.

2. Правда. 1990, 1 февраля.

3. См.: Правда. 1990, 17 апреля. В ряду подобных документов следует назвать и «Слово о Ленине», с которым на торжественном заседании, посвященном 120-й годовщине со дня рождения вождя, выступил Президент СССР и Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев. Он впервые официально признал наличие «откровенно деструктивной тенденции в подходе к Ленину», примитивизма и использования методики «Краткого курса» с обратным знаком. Не скрывалась и цель ниспровергателей – отождествление Ленина со Сталиным, перечеркнув всю нашу историю, представить Октябрьскую революцию и что за ней последовало сплошной ошибкой, далее преступлением перед народом и человечеством. – См.: *Горбачев М.С. Слово о Ленине* // Правда. 1990, 23 апреля.

4. См.: *Мельниченко Владимир*. Феномен и фантом Ленина (350 миниатюр). С. 9.

5. *Костилов Вячеслав*. Сапоги из шагреновой кожи // Огонёк. 1989. № 32.

6. *Солоухин В.* Читая Ленина // Родина. 1989. № 10.

7. *Кара-Мурза В.* Ленин как ядерный гриб // Радио Свобода. 2016, 22 января, <http://www.svoboda.org/a/27504159.html>

8. *Берберова Н.* Курсив мой. Автобиография. – Париж, 1985.

9. Речь идёт о письме Ленина и Зиновьева предстоящему VI съезду РСДРП(б), в котором, в частности, говорилось: «Товарищи! Мы переменили своё намерение подчиниться указу Временного правительства о нашем аресте – по следующим мотивам. Из письма бывшего министра юстиции Переврзьева, напечатанного в воскресенье в газете “Новое время”, стало совершенно ясно, что “дело” о “шпионстве” Ленина и других подстроено совершенно обдуманно партией контрреволюции... Центральный Исполнительный Комитет, считающий себя полномочным органом русской демократии, назначил было комиссию по делу о шпионстве, но под давлением контрреволюционных сил эту комиссию распустил... Мы будем по мере наших сил по-прежнему помогать революционной борьбе пролетариата. Учредительное собрание, если оно соберется и будет создано не буржуазией, – одно только будет правомочно сказать своё слово по поводу приказа Временного правительства о нашем аресте». – См.: Шестой съезд РСДРП. Протоколы, С. 316.

10. *Нилов Григорий (Кравцов Александр)*. Грамматика ленинизма. – London, Overseas Publications Interchange, 1990. С. 121.

11. Там же.

12. *Ципко А.* Эгоизм мечтателей // Наука и жизнь. 1989. № 1. С. 56.

13. См.: Октябрь. 1989. № 10. С. 122.

14. См.: *Волкогонов Д.* Троцкий. Политический портрет. Т. 1- 2. – М., 1992.

15. Неделя. 1990. № 26. С. 13.

16. См.: *Кувакин В.А.* Мировоззрение В.И. Ленина. Формирование и основные черты. – М., 1990. С. 7.

17. См. в частности: *Совокин А.* Sensация и факты. О публикациях на ленинскую тему // Правда. 1989, 13 апреля.

18. Цит. по: *Мельниченко В.* О Ленине – правду // О Ленине – правду. Дайджест прессы / Сост. Г.И. Барина. – Л., 1991. С. 3–4. В этот сборник

вошли также примечательные для того времени статьи Ж. Трофимова «Керенский и Ульяновы: мифы и реальность», А. Дегтярева, Г. Соболева и И. Фроянова «Место в истории, место в политике», В. Измозика «1917: легенды и факты», А. Ткачева «Если судить непредвзято, или Были ли большевики, Ленин “немецкими шпионами”», И. Антоновича «Время собирать камни. Ответ новым фальсификаторам ленинизма», В. Старцева «Мы – с Лениным», В. Фортунатова «Вопрос политический: возможна ли перестройка без Ленина?», Р. Косолапова «Осторожно – “мартышизм”» и др.

19. По свидетельству Г.Л. Смирнова, в конце 1989 года и М.С. Горбачев «отступился от своих первоначальных взглядов и сделал шаги навстречу лидерам демдвижения, которые утверждали, что Ленин не имел концепции социализма, стремились вообще развенчать Ленина и убрать его из перестроечной идеологии». – См.: *Смирнов Г.Л.* Уроки минувшего. С. 267. Что касается А.Н. Яковлева, то трудно поверить, но в 1990 году ему приписывали авторство в формулировании постулатов «философии современного мира» – постиндустриального, постконфронтационного, постреволюционного. Судя по последующим трудам Яковлева, они являли собой как раз яркие образцы постбольшевистской нетерпимости, реванша и агрессии.

20. *Бордюгов Г.А., Козлов В.А., Логинов В.Т.* Послушная история, или Новый публицистический рай. Грустные заметки // Коммунист. 1989. № 14. С. 59.

21. Там же. С. 63.

22. *Бордюгов Г.А., Козлов В.А., Логинов В.Т.* Куда идёт суд? // Родина. 1989. № 10. С. 78.

23. Там же. С. 81.

24. Там же. С. 91.

25. См.: Интервью Ю.Н. Афанасьева // Советская молодёжь (Таллинн). 1990, 26 апреля.

26. *Залысин И., Смагин А.* Ящик Пандоры (террор в двух великих революциях) // Общественные науки. 1990. № 4. С. 114–117.

27. См.: *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. С. 314.

28. См.: *Залысин И., Смагин А.* Указ, статья. С. 120.

29. *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. С. 315.

30. Там же. С. 316. В аморализме, в частности, обвинял Ленина один из лидеров меньшевиков А.Н. Потресов: «История превзошла все наши тогдашние опасения, превратив нашего аморального бывшего коллегу в рокового человека для России и ее рабочего класса» (*Потресов А.Н.* Ленин // Постмертный сборник произведений А.Н. Потресова. 2-е изд. – М.: Мосархив, 2002. С. 286).

Глава 3

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ» И ИСТОРИЯ УХОДА ВОЖДЯ: ЗАПРОС НА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

На рубеже 80–90-х годов большинство историков и публицистов были убеждены, что обращение к ленинскому наследию в практической политике позволит начать избавление от наслоений, деформировавших социализм. В этой связи фокус общественного внимания сместился к политическому «завещанию» Ленина, смыслу борьбы вокруг него в ленинском окружении и вообще истории ухода Ленина.

Новые перспективы

В 1987 году были опубликованы статья Е. Яковлева «Прощание» (1) и книга Е. Драбкиной «Зимний перевал» (2). Широко обсуждались в обществе острые вопросы, связанные с ленинским «завещанием», которые поставил М. Шатров в пьесе «Дальше... дальше... дальше!» (3). В журнале «Коммунист» в январе 1988 года была воспроизведена долгое время недоступная статья Н.И. Бухарина «Политическое завещание Ленина», а в следующих месяцах «Правда» опубликовала документальный репортаж «Ленинское завещание» с комментарием В.П. Наумова (4). Судьбе «идей-предостережений», которые Ленин доверил «товарищам на прощание» посвятили свои статьи «Возрождая ленинские ценности социализма» Е.А. Амбарцумов и «Ленинское “Письмо к съезду”» С.Л. Дмитренко (5).

Своеобразный конспект проблемы с весьма глубокими, но не развернутыми, нерасшифрованными мыслями, наметил в 1989 году в статье «Сталинизм» М.Я. Гефтер. Для него Ленин кануна ухода из жизни – это мыслитель, который вплотную подошёл

к «переоткрытию социализма», хотя этот иной социализм не мог уже быть «исправленной копией предоктябрьского замысла». Государство-коммуна осталось далеко позади, в то время как государственный капитализм служил Ленину по-прежнему образом-ориентиром, требующим, однако, и политической, и даже прежде всего политической конкретизации. «Поставив перед собой вопрос: **что делать с революцией?** – писал Гефтер, – Ленин должен был ответить на следующий, логически не устранимый вопрос: что делать с партией, возникшей как партия революции и не мыслящей себя в ином виде? Если этот вопрос оказался неразрешимым для создателя её, то тем более неразрешимым он был для его преемников. Неразрешимость эта не только соединяла их, невзирая на все разногласия, но именно она подспудно питала внутривнутрипартийную тектонику, превращая заодно миллионголовую Россию в заложницу “войны диадохов”, из которой победителем мог выйти только тот, кто оказался способным заменить недающуюся концепцию Начала (всемирного – внутри России!) сценарием Конца, равно исключаящим и революцию и реформу. То была подмена и “военно-коммунистической” и “нэповской” утопии антиутопией **могущества за счёт развития и против него**. То был Термидор несостоявшегося Самотермидора. То был оборотень недостигнутой нормы, сумевший принять, однако, “нормальный” вид, чтобы втесниться в обиход России» (6).

Е.Г. Плимак не был удовлетворён уровнем обсуждения проблемы: «...Историки не дали развёрнутого анализа последних ленинских трудов, не раскрыли – в их органической связи – всех сторон ленинского плана строительства социализма в СССР, не рассказали подробно о выполнении ленинских заветов» (7). Автор этого заключения попытался сам в своей книге «Политическое завещание В.И. Ленина» восполнить данные пробелы. Для Е.Г. Плимака Сталин, которому довелось руководить партией и страной после смерти Ленина, был его антиподом. С его точки зрения, действительно организаторская хватка Сталина, его воля и целеустремленность позволили сплотить вокруг ленинского наследия партию и народ и приступить к строительству основ социализма. Но Сталин осуществил «великие идеи» в примитивной форме, он «не понимал того, что марксизм – это прежде всего гуманизм, что социализм – это вовсе не состояние перманентной Гражданской войны» (8).

Далее же следовал привычный набор аргументов о том, что путь к социализму Сталин отягчил величайшими жертвами и ради

утверждения своего единовластия истребил оппозиционеров и многих представителей «старой партийной гвардии», что если «Ленину были присущи человечность, скромность и простота», то «Сталину – жестокость, помпезность, самые отталкивающие моральные качества» (9). Словом, А. Барбюс, заявивший «Сталин – это Ленин сегодня», сказал величайшую неправду.

Лишь скороговоркой автор затронул проблему, которая действительно заслуживает серьёзного разбора. Признав, что в исторической литературе стала укореняться манера объяснять негативные процессы сталинских времен отступлениями Сталина от заветов Маркса, Энгельса, Ленина, его злой волей, его преступлениями, Е.Г. Плимак обратил внимание на реальные факторы истории, которые свидетельствовали о следующем: «В грозовой обстановке предвоенных лет, в той сложнейшей внешней и внутренней ситуации, в которой очутился в конце 20–30-х годов Советский Союз, при раздорах в ленинском ядре партии, мешавших принимать всесторонне взвешенные решения, осуществлять поленински продуманные повороты в политике, какой-то и даже очень большой доли “казарменности”, черт “грубого коммунизма” стране было не избежать. Не избежать и в том случае, если бы у власти встал “левый” Троцкий, в общем-то отличавшийся приверженностью к администрированию, насильственным, командным действиям, или “правый” Бухарин, который предлагал более медленное, спокойное продвижение вперёд (“вползание” в социализм) на основе принципов нэпа и ленинского кооперативного плана» (10).

Здесь, казалось бы, открывались новые перспективы для размышлений, но в то время всё перекрывала магическая фраза о том, что «отрицательные качества и действия Сталина... резко усугубили и обострили негативные тенденции и процессы» (11).

В 1988 и 1989 годах весьма часто цитировались слова Ленина о том, что «мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» (12), поскольку этого выводило Ленина на постановку вопроса о социализме как строе цивилизованных кооператоров. В.А. Козлов и Г.А. Бордюгов предложили всё же разобраться в том, а какая была точка зрения на социализм у Ленина раньше, и привлекли внимание историков к положению, сформулированному в 1917 году, о том, что «...социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу народа всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» (13).

Авторы высказали предположение, что именно этот взгляд на социализм перерастал у Ленина в идею социализма как строя цивилизованных кооператоров, тогда как для его политического окружения «старый взгляд» на социализм продолжал служить практическим ориентиром, этот «старый взгляд» затем и стал отождествляться с административно-командной системой (14).

В тогдашней дискуссии часто встречалось определённое отождествление первичных, низших форм кооперации 20-х годов с социализмом, тенденция рассматривать их как собственно социалистические, а, следовательно, чуть ли не как альтернативу колхозам. Бордюгов и Козлов предлагали увидеть у Ленина более сложное понимание кооперации, особенно её низших форм, т.е. что кооперация для него это ещё не построение социалистического общества, а лишь необходимое и достаточное условие для его построения, что чисто социалистической формой являются кооперативы с обобществлением средств производства, тогда как низшие формы кооперации фактически находятся на различных этапах движения к социалистическому идеалу (15).

Из этого анализа указанные авторы сделали вывод, что у Ленина вырастала концепция нескольких фаз развития по пути нэпа, что второй необходимой фазой, предшествующей собственно социалистической, является фаза кооперативная, однако, она на практике в 20-е годы была «пропущена». «Пропустив подготовительный этап создания “необходимого и достаточного” для социализма, – подчёркивают историки, – страна попала в сложное положение. Ведь кооперация, даже в её низших госкапиталистических формах, не просто позволяла каким-то образом “стягивать” частный интерес крестьян, но и получить значительные средства на индустриализацию, не нарушая нормальной экономической жизни. Встав после 1925 года на путь “перекачки” средств на индустриализацию из индивидуального крестьянского хозяйства, партийное руководство уже заложило основы будущих трудностей. В середине 20-х годов нарастает тенденция к “огосударствлению” кооперации, подрыву её хозрасчетных начал. Она становится одним из каналов “перекачки”» (16).

Спустя год в новой работе «К вопросу о так называемых формированиях социализма» эти авторы снова вернулись к проблеме кооперирования, чтобы особо подчеркнуть заложенную в ней идею группового интереса (17). Последующее же развертывание ленинской концепции, по мнению авторов, предполагало перенесение кооперативного принципа в госпромышленность, поскольку

в государственных предприятиях тоже должна работать идея «строя цивилизованных кооператоров». Ведь робкие ростки новых форм организации группового интереса на производстве, в госпромышленности были – коллективное рабочее снабжение (зародыш коллективного подряда), передача предприятий в «концессии» рабочим и др. (18). Причём поначалу к ним, как возможной перспективе, относились серьёзно и Ленин, и Бухарин. Однако в начале 20-х годов объективные условия были таковы, что они всё время затрудняли перевод госпромышленности на иные основания. Сначала потому, что проекты группового коллективного подряда (эксперимент, предложенный Ю. Лариным в 1921 году) увеличили бы безработицу, а рабочий класс немногочисленен, он деклассируется, его надо сохранить любой ценой, поставить же рабочий класс в зависимость от хозрасчёта в условиях стихии свободного рынка значило нанести ему серьёзнейший удар. После же, когда не была уловлена возможность перехода на другой тип движения, когда поспешили с ускорением индустриализации на базе старых возможностей нэпа, уже возникла другая ситуация – в условиях «перекачки» средств из сельского хозяйства в тяжёлую промышленность перенос кооперативного принципа на государственные предприятия был сильно затруднен не только теоретическими предрассудками, но и тем, что «перекачка» изначально ограничивала, если не подрывала, хозрасчёт (19).

О трагедии непонимания

«Завещанию» Ленина посвятил свой, как ни странно малоизвестный научный доклад один из оригинальнейших российских историков, оказавшийся в числе тех немногих учёных, кто готов был сразу же ответить на новые трудные вопросы, будораживших общество, – Ю.С. Борисов. Он попытался рассмотреть эту проблему с точки зрения «трагедии непонимания». И этот доклад, в отличие от подхода Наумова и Плимака, начинался довольно необычным для тогдашней политической ситуации вступлением: «Мы живём сегодня в мире сдвинутых понятий, в странном таком мире, когда из-под ног вроде бы уходит почва прежде незыблемых, фундаментальных соображений, на которых держалось мировоззрение, да и вообще, всё бытие. И вот, что-то произошло, толком мы не можем даже разобраться в том, что именно, но мир

в этом смысле стал странным. Я не знаю, добавляют ли вам мои размышления на тему о завещании Ленина что-нибудь для того, чтобы мир стал ещё более странным или, может быть они позволят вам обратиться к здравому смыслу, который для любого человека и для любой общественной организации, для любой партии, включая и нашу партию, является тем ориентиром, который позволяет не растеряться во всяких схоластических, теоретических, идеологических противоречиях» (20).

Автор предложил подойти к ленинскому наследию в широком смысле слова как к трагедии с прологом и тремя актами. Пролог – это ленинский нэп как вариант строительства демократического социализма на основе товарно-денежных отношений, плюрализма в экономике и демократизации в политической жизни. Первый акт – это подведение Лениным итогов своей жизни, которое отнюдь не означало разлада с самим собой, с марксизмом и огромной революционной традицией в теории и политике. Конечно, он понимал, что новая эпоха – эпоха создания демократического социализма. Но, как считает Борисов, не всё здесь можно было сразу охватить «даже такому гениальному уму, как у Владимира Ильича Ленина». Его мысль о том, что в дальнейшем движение к социализму должно проходить реформаторским путём, что это путь реформ, в конце 80-х годов казался азбукой, но в 1922 году это прозвучало как откровение. По мнению автора, ленинская формула о необходимости перемены всей точки зрения на социализм «несравненно богаче той конкретики, которой наполнил тогда её сам Ленин». В чем перемена точки зрения? В том, что если раньше центром тяжести была работа политическая, борьба за власть, то теперь центр тяжести переносился на мирное культурничество, на организаторскую работу. Но Ю.С. Борисов подчёркивает, что это ещё не создание новой модели, Ленин многое закладывает для неё, но не успевает создать её. В этом суть первого акта трагедии.

Второй акт – это трагедия непонимания, «трагедия нежелания понять ленинские советы, логику ленинского мышления», это отказ сначала так называемого «триумvirата» в лице трёх лиц – Сталин, Каменев, Зиновьев, а затем – сталинской диктатуры, от Ленина путём его превращения в догматизированную икону. Третий – это непонимание уроков Ленина в условиях перестройки, это трудности привыкания к спокойному и бесстрашному прочтению Ленина, в том числе и к анализу его слабостей, ошибок, недостаточно чётко сформулированных положений, это продолжающаяся догматизация последних ленинских работ (21).

Заключал свой доклад Ю.С. Борисов следующими словами: «Мы должны изучать Ленина, но изучать иначе, чем изучали прежде, то есть изучать его в совокупности конкретных обстоятельств его жизни, жизни партии и страны. Надо понимать, почему та или иная формула высказана им именно в это время, какое конкретное содержание он вкладывал в это и что мы можем извлечь из этого опыта. Ленин – это не сборник рецептов, Ленин – это метод поиска ответов на объективные проявления жизни» (22).

Поскольку всплеск внимания к «завещанию» сопровождался политической реабилитацией представителей ленинского окружения, то всё это вместе открывало широкие возможности для конкретного и всестороннего исследования их подлинной роли во внутривнутрипартийной борьбе. Одной из первых заметных работ на эту тему стал развернутый исторический комментарий В.И. Старцева к пьесе Михаила Шатрова «Дальше... дальше... дальше!», опубликованный в «Истории СССР» в 1988 году. Автор, оговариваясь о своей «промежуточной, черновой заготовке», самым подробным образом соотносил действие пьесы с историческими документами, связанными с ближайшим ленинским окружением – Троцким, Сталиным, Каменевым, Крестинским, Бухариным и Зиновьевым, обострением борьбы внутри его по мере ухудшения здоровья Ленина и написания им последних писем и статей. Постепенно комментарий Старцева стал перерастать в принципиальные размышления по поводу целого ряда открытых тогда вопросов: если бы члены Политбюро ЦК РКП(б) знали о содержании ленинского письма «К съезду партии», выполнили бы они его пожелания? Сместили бы они Сталина с поста генсека? (23).

Казалось бы, зная, что произошло с Троцким, Бухариным, Каменевым и Зиновьевым, мы бы ответили: да! Но 1988 год для исторической среды стал годом множества открытий. Одно из них, в результате публикаций В.П. Наумова в «Правде» (26 февраля 1988 года), состояло в том, что члены Политбюро, оказывается, заранее знали о содержании ленинских писем: «О всех записях до 29 декабря по крайней мере, Фотиева проинформировала Сталина и некоторых других членов Политбюро. В объяснении, написанном 29 декабря 1922 г. на имя Каменева, она оправдывала свой поступок тем, будто бы Володичева не предупредила её о строжайшем указании точно выполнять волю Ленина». Однако Старцев не согласился с Наумовым, поскольку предупрежденная Фотиева узнала действительно позднее о строжайшем указании. Это вытекало из внимательного источниковедческого анализа записей

в Дневнике дежурных секретарей и доказательства, что записи в них были сделаны задним числом.

Но Старцев пошёл в своём анализе дальше. По его мнению, Ленин серьёзно ошибался в надежде на большинство в Политбюро, где отношение других членов к Сталину, за исключением Троцкого, не совпадало с отношением Ленина. Также не совпадало и отношение к Троцкому. Автор делает вывод: «Итак, они знали, но не хотели» (24). Они не хотели перемещать Сталина и не хотели предпринимать тех реформ в политическом строе страны, которые советовал немедленно провести Ленин. По мнению Старцева, Ленин ошибался вообще в оценке внутрипартийного положения в руководстве, взаимоотношений, уже сложившихся внутри Политбюро. То, что он с декабря 1921 года был лишен возможности участвовать в практической работе Политбюро, резко сказалось на его информированности. А сами члены Политбюро, щадя Ленина, не желая усугублять состояние его здоровья лишними волнениями, не полностью посвящали его во все свои конфликты и споры. Сталин же просто умалчивал о многом. В декабре 1922 – феврале 1923 года это вылилось в порочную практику обмана и сознательного ограничения доступа Ленина ко всякой информации о делах Политбюро. И Ленин, как замечает Старцев, не знал в то время главного: раскол в Политбюро между Сталиным и Троцким уже произошёл. Но при этом не произошло размежевание между сторонниками Троцкого и сторонниками Сталина. В тот момент на стороне Троцкого никого не было. Все члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата находились тогда на стороне Сталина, вернее, все они были против Троцкого. В нём они видели главную опасность, в нём они видели лидера, уже заявившего о себе, претендовавшего на первое место в условиях, когда состояние здоровья Ленина заставляло предполагать возможность самого худшего. И каждый из них, хорошо зная о недостатках Троцкого, считал, что в случае, если Троцкий окажется лидером страны, ему лично будет явно хуже. Сталина в тот момент боялись меньше, поскольку он был всего лишь «генсек».

В.И. Старцев поднял в заключение своей статьи и проблему исторической ответственности в один из переломных моментов истории России. В первую очередь, он возложил её на Каменева и Зиновьева как ближайших соратников Ленина и самых близких к нему людей. Они стали препятствием к перемещению Сталина со своего поста сначала в 1923, а затем и в 1924 году, «с их пренебрежения ленинскими советами начинается тот путь трагедий, которые, всё усиливаясь, потрясли нашу страну» (25).

В анализе внутрипартийной борьбы и характере отношений внутри ленинского окружения центральными фигурами стали прежде всего Н.И. Бухарин и Л.Д. Троцкий. Прежние замалчивания и очернения, конечно, определённое время сказывались на публикациях, разные авторы высказывали подчас далёкие от действительности суждения о будто бы возникшем с дореволюционных времен и всегда сохранявшемся «резком различии во взглядах Троцкого и Бухарина», но в то же время появлялись верные замечания о противоречивой роли последнего во внутрипартийной борьбе, и опирающиеся на его собственные высказывания однозначные представления о защите Бухариным в борьбе против троцкизма с начала 20-х годов исключительно ленинских позиций (26).

Троцкизм — это «антиленинизм»?

Наиболее сложным было возвращение в историографию фигуры Троцкого. Во-первых, как справедливо отмечает ростовский историк А.Ф. Поташов, из-за отсутствия традиций и навыков непредвзятого изучения трудов Троцкого проявилась тенденция, преимущественно в научно-популярной литературе, говорить о нём, используя его собственные слова о себе и своей деятельности, тем более что они не были известны современному читателю. Высказываясь за издание малоизвестных источников, специалисты отмечали, что многие авторы буквально «разворачивают» антисталинские публикации Троцкого. Утверждению критического отношения к его наследию способствовало, однако, то обстоятельство, что историческая наука ещё в прошлые годы сумела преодолеть некоторые тенденциозные взгляды на внутрипартийную борьбу, аналогичные троцкистским (27). К примеру, представляя книгу Р. Слассера о Сталине, в которой разногласия в большевистской партии зачастую изображались в виде резкой конфронтации и интриг политических противников, авторы комментария и послесловия В.И. Миллер и В.Т. Логинов выявили влияние на зарубежного учёного не только трудов Троцкого, но и далеко не лучших традиций советской историографии 30–40-х годов (28).

Во-вторых, хотя с расширением процессов гласности старая концепция о Троцком стала размываться, хотя стала уходить

в прошлое формула «троцкизм – это антиленинизм», закрывавшая ранее возможность ссылок на его произведения, но у всех на глазах стал рождаться феномен его «демонизации». Уже в сентябре 1988 года «Правда» поместила статью Д.А. Волкогонова, в которой наряду с выводом о том, что Троцкий в годы его активной деятельности в партии большевиков «не был врагом революции и социализма» (29), объявлялось, что он был отцом советского «тоталитаризма», создателем концлагерей, бюрократом над всеми бюрократами и т. д. (30).

Затем в январе 1989 года в журнале «Знамя» была перепечатана первая часть труда о сталинизме Р.А. Медведева, показавшего, в частности, что и в последние годы, в том числе и после высылки из СССР, у Троцкого отсутствовали какие бы то ни было контрреволюционные намерения. Ленинградский историк В. Биллик на целом ряде фактов показал, что «все, вместе взятые разногласия между Троцким и Лениным после 1917 года “весят” микроскопически мало по сравнению с тем, что объединяло в то время этих людей» (31). К подобным же выводам пришёл и Ю.И. Кораблев, изучавший деятельность Троцкого в годы Гражданской войны. Он обращал внимание читателей на то, что Ленин назначал Троцкого, несмотря на некоторые разногласия между ними, на ключевые в военное время посты. И Троцкий оправдал ленинское доверие: он подготовил важнейшие постановления и декреты Советской власти о Красной Армии, текст военной присяги и тезисы ЦК по военному вопросу к VIII съезду партии, находился «на самых решающих фронтах»: «поезд Председателя Реввоенсовета за годы Гражданской войны проделал почти 140 тысяч вёрст, не раз попадая в опасные переделки на фронтах, за боевые подвиги в боях с Юденичем под Петроградом поезд был награжден орденом Красного Знамени» (32).

В то же время Кораблев обратил внимание на то, что некоторые литераторы и публицисты, члены неформальных объединений ставят Троцкого в ряд с другими большевиками и взваливают на всю ленинскую партию вину за развязанную кровопролитную войну. То есть за обвинениями Троцкого пока ещё скрывались обвинения самому Ленину, большевикам и Октябрьской революции. Но вектор дальнейшего развития критики был указан ещё А.И. Солженицыным, считавшим, что Сталин достоин четвертования, а «Ленин с Троцким – чем же лучше? Начинали – они» (33). В этом же русле показательной была и такая смена знаков – если раньше, в противоречии с фактами Троцкий крити-

ковался за третирование комиссаров, недооценку политической работы в армии, то теперь утверждалось, что институт комиссаров в армии является детищем Троцкого.

Серьёзной и аргументированной критике были тогда же подвергнуты утверждения писателя Василия Белова о том, что Троцкий был врагом крестьянства, а его замыслы по коллективизации, налогам, займам, разгонам кооператоров после 1928 года реализовал Сталин (34). В.П. Данилов и А.В. Панцов, используя множество документов, доказали совпадение позиций Ленина и Троцкого по принципиальным вопросам нэпа: Троцкий уже в начале 1920 года подошёл к постановке вопроса, а после смерти Ленина предлагал развивать крестьянские хозяйства, «учитывая их интересы, а также взаимодействие законов стоимости и социалистического накопления... в контексте мирового хозяйства» (35). Белов обиделся на критику и перевёл дискуссию в другую плоскость, заявив, что достаточно покритиковать Троцкого, так тут же тебе ловко приклеют ярлык антисемита и сталиниста. Подобному отношению косвенным образом способствовала и декларативная критика Троцкого и его «духовных наследников» со стороны Н. Андреевой в её известном письме «Не могу поступиться принципами». В то же время в среде профессиональных историков, немало сделавших для преодоления, казалось бы, укоренившейся тенденции сплошного очернения Троцкого и его взглядов, стала вызывать тревогу лакировка этой исторической фигуры. Более того, опасным стало использование имени Троцкого в идейной борьбе различных общественных течений. Ленинское правительство обвинялось шовинистами в «нерусскости» состава, а анти-семитами – в троцкизме и геноциде против русского народа.

Многие обратили внимание на полемику между Васецким и Старцевым по поводу ленинской оценки Троцкого. В частности, Васецкий опирался на такие слова Ленина о Троцком, находившемся в США накануне февральских событий 1917 года в России: «Так-то! Вот так Троцкий!! Всегда равен себе – виляет, жульничает, позирует как левый, помогает правым, пока можно...» (36). Однако Старцев не счёл эту оценку столь уж объективной: «В статье “Перманентная революция и линия Ленина” (октябрь 1928 г.) Троцкий заявлял, что письма Ленина с замечаниями в его (Троцкого) адрес “основаны на неверной информации, полученной от Коллонтай”. Просмотрев комплекты “Нового мира” за январь–февраль 1917 г., автор настоящей брошюры пришёл к такому же выводу» (37).

Венчала первый этап исследований о Троцком и его месте в ленинском окружении книга Д.А. Волкогонова «Троцкий», вышедшая в 1992 году, но вобравшая в себя изыскания за 1988–1990 годы. Профессиональные троцковеды оценили итоговую книгу «Троцкий» Волкогонова, получившего доступ к секретным архивным фондам и воспользовавшегося этим преимуществом в полной мере, как своеобразное отражение «переходности» в развитии историографии советского общества, свойственной этому этапу концептуальной сумятицы, приблизительности конкретно-исторических представлений, не имеющих под собой прочной основы длительных разработок и первоначального накопления информации, соответствующей культуре исследования источников. «Созданные в жанре “исторического примитива”, – подчёркивали А.В. Панцов и А.Л. Чечевишников, – произведения Д.А. Волкогонова поразительно точно отражают и ментальность нашей образованной публики перестроечных лет (особенно печатавшейся в массовых изданиях). Эти “властелины дум”, по своей квалификации оставшиеся, как правило, на уровне младшего научного сотрудника, несли в себе твёрдую убежденность в том, что не может быть проблем, находящихся вне пределов их понимания» (38).

В аспекте нашей проблемы концепция взаимоотношений Ленина и Троцкого предстает в следующем виде. Троцкий с момента II съезда РСДРП и вплоть до лета 1917 года вёл активную борьбу против Ленина с разных позиций – то с леводогматических, то с правопортунистических. Эта борьба прекратилась за четыре месяца до Октябрьской революции, однако коренные отличия между троцкизмом, ядром которого являлась теория перманентной революции, и ленинизмом сохранились. Понимая это, Ленин стремился использовать организаторские способности Троцкого, однако во время болезни Ленина и после его смерти троцкизм заявил о себе с новой силой. В конечном итоге это привело Троцкого в ряды врагов сталинского социализма и вообще Советской власти.

Панцов и Чечевишников самым серьёзным образом опровергают практически все пункты волкогоновского подхода к анализу отношений двух вождей революции. Во-первых, они ещё раз доказывают, что, выступая против Ленина по параграфу 1 Устава партии и по выборам центральных партийных органов, Троцкий никак не оспаривал партийную программу, сформулированную Лениным, и, напротив, защищал Ленина в этом вопросе (39).

Что же касается разногласий между Троцким и Лениным по теоретическим проблемам революции, то их существо действительно состояло в противопоставлении двух концепций: перманентной революции и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, разработкой которой занимался Ленин. По Троцкому, российская буржуазия не способна возглавить революционное движение, поэтому полная победа демократической революции в России мыслима не иначе, как в форме диктатуры пролетариата, опирающегося на крестьянство. Только рабочее правительство, поддержанное крестьянством, в силах разрешить весь комплекс проблем, стоящих на повестке дня российского революционного движения. Ни буржуазная диктатура, ни даже революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства не в состоянии это сделать. Пролетарская диктатура, которая неминуемо осуществит не только социалистические, но и – попутно – демократические задачи, даст в то же время могучий толчок международной социалистической революции. Победа пролетариата на Западе оградит Россию от буржуазной реставрации и обеспечит ей возможность довести социалистическое строительство до конца. По мнению Панцова и Чечевишникова, Волкогонов пытался дезавуировать то, что концепция Троцкого представляла собой программу осуществления социалистической революции. В противном случае, ему пришлось бы признать, что именно Троцкий ещё в 1905–1906 годах, задолго до Ленина, теоретически обосновал саму идею не только возможности, но и неизбежности социалистической революции в одной стране, причём не просто в какой-то «отдельно взятой» и не в той, которая дошла до степени развития передового капитализма, а в стране, являвшейся наиболее слабым звеном мировой капиталистической системы. Следовало бы тогда констатировать и то, что Троцкий никоим образом не отрицал революционную роль крестьянства как союзника пролетариата в надвигавшихся революционных событиях. Согласно его концепции, выходило, что крестьянство в России готово поддержать диктатуру пролетариата в той мере, в коей она удовлетворит его интересы.

Естественно, что признание концепции Троцкого как программы социалистической революции в России потребовало бы от Волкогонова отказаться от центрального тезиса о коренном, жестком, абсолютном, так и не преодоленном различии между троцкизмом и ленинизмом. Но если Волкогонов «ещё не созрел для подобных еретических измышлений», то его оппоненты из

непредвзятого сопоставления двух концепций Ленина и Троцкого приходят к выводу о том, что уже в дофевральский период в них было немало общего: это и неверие в революционные потенции российской буржуазии, приведшее к их утверждению о том, что революция в России с самого начала перерастёт рамки классической буржуазной демократии, это и общая для обоих установка на поддержку революционного процесса в России серией социалистических революций международного пролетариата (Ленин: «Русская революция имеет достаточно своих собственных сил, чтобы победить. Но у неё недостаточно сил, чтобы удержать плоды победы... Русской революции нужен нерусский резерв, нужна помощь со стороны. Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе»).

В то же время Панцов и Чечевишников внимательно рассматривают и различия в обеих концепциях, освобождая этот анализ от наслоений прежних партийных вульгаризмов. Два историка считают, что вплоть до Февральской революции Ленин был весьма осторожен в оценках перспективы установления в России диктатуры пролетариата. Он считал, что возможности перевода революции на социалистический этап откроет лишь революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, которая очистит страну от средневековья для широкого, европейского, а не азиатского развития капитализма и укрепит пролетариат в городе и деревне. И только в обстановке бурного революционного подъема в России, в марте–апреле 1917 года, Ленин отказался от ряда существенных положений своей теории (а отнюдь не Троцкий – от своей), выдвинув курс на социалистическую революцию, в ходе которой, как он позже подчёркивал, большевики «решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как “побочный продукт”... главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы».

Позиции Ленина, заключают авторы, таким образом, практически по всем основным вопросам совпали с установками Троцкого: «Так что Троцкому не было необходимости есть основания полагать, что именно Ленин, при непосредственного социалистического переворота существенным образом пересмотрел и характер своих теоретических дискуссий с Троцким» (40).

Для полной убедительности приводится ранее неопубликованное, хранящееся в Государственном архиве социально-политической истории РФ (ранее – РЦХИДНИ) предсмертное письмо А.А. Иоффе Троцкому от 16 ноября 1927 года. В нём говорилось:

«Вы политически всегда вы, начиная с 1905 года, и я неоднократно Вам заявлял, что собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 году не он, а Вы были правы. Перед смертью не лгут, и я ещё раз повторяю Вам это теперь». Понятно, что речь шла о теории перманентной революции. Февральская революция и последовавшее за ней развитие революционных событий «элиминировали основные теоретические разногласия между Троцким и Лениным, и утверждение о сохранившихся различиях между троцкизмом и ленинизмом несостоятельно» (41).

Близкий и неблизкий круг вождя

Углубление в сложные перипетии межличностных отношений заставили исследователей более внимательно анализировать Ленина как своеобразного «инструмента» (выражение А.В. Луначарского) (42), как своеобразного исторического компенсатора, который блокировал недостатки и слабости политической системы периода Гражданской войны. В этой связи по-другому стали прочитываться тексты многих других ленинских соратников, пытавшихся после отхода своего вождя от дел понять ту форму организации власти и механизма принятия решений, которые замыкались лично на Ленине.

«Когда нам говорят: всё оставим по-старому, – рассуждал на XII съезде РКП(б) в 1922 году Л. Красин, – то я говорю, что оставить по-старому вы не можете, важнейший фокус, который сосредотачивал весь опыт партии и перед которым каждый был готов преклониться и оставить за ним право безапелляционно решать вопросы, т. Ленин, на долгое время выбыл из строя. Мы знаем, что даже и ошибки Ленина, при наличии такого его значения, когда он мог авторитарно говорить и выступать за всю партию, были приемлемы, были даже плюсом и для нас, и для нашей партии, и для нашей государственности. Но когда мне говорят, что какая бы то ни было тройка или пятерка заменит т. Ленина и что мы “всё оставляем по-старому”, то я говорю: нет, товарищи, по-старому мы оставить не можем, и старого этого не будет до того момента, пока Владимир Ильич снова не возьмет в свои руки руль государственного корабля» (43).

Большое значение в понимании окружения Ленина имели новые документы и их интерпретации, связанные с оппонентами

Ленина или людьми, не входящими в ближний круг вождя. Так, были опубликованы весьма необычные по своей откровенности размышления Н. Осинского (Оболенского) о некоторых особенностях, а точнее слабостях Ленина как политика и, следовательно, особых функций тех или иных людей в его окружении. В октябре 1919 года он писал об этом самому Ленину: «...У нас есть великий политический вождь, которому принадлежит бесспорное руководство партий и революцией, – т. Ленин. Это великий и тактический политик и несравненный создатель политико-организационных линий и лозунгов – политический алгебраик. Но в то же время он не организатор-техник по своим индивидуальным особенностям, не знаток организационной арифметики. Это всегда признавалось и им самим. Вот почему рядом с Лениным был раньше Свердлов, который алгебраическими формулами решал конкретные арифметические задачи. Свердлов был хорош тем, что он был политически надёжен, при нём подчинённый ему организационный аппарат и в смысле личного состава конструировался так, что всегда был в руках... В то же время он мог правильно конкретизировать всякую общую директиву, построить для неё аппарат, подобрать, расставить, пустить в дело нужных людей, которых он умел (это главное свойство организатора) знать, понимать, оценить и применить» (44).

После смерти Свердлова на какое-то время образовался организационный вакуум, и надо было апеллировать к тем в окружении, кто имел склонность к аппаратной работе. Это обернулось тем, как замечал Осинский, что на ответственных местах появилась «масса таких, которые “умеют ладить”, не оскорбляют чужого самолюбия, не имеют крутого нрава», появилась «куча свадебных генералов, надёжной бездари и “политической” мелкоты» (45). Созданное же на VIII съезде РКП(б) Оргбюро ЦК не могло быть, во-первых, в той же степени надёжно, как один человек, во-вторых, не смогло занять самостоятельную позицию и, в-третьих, фактически распалось. Чтобы избежать организационного разлада, Осинский предложил Ленину произвести кадровые перестановки в его окружении – возместить «гения организации» Свердлова неким коллективным гением в лице организационной диктатуры из трёх членов ЦК (Сталин, Крестинский и Дзержинский). Отвергая принцип коллективности, который неизбежно сопровождается определёнными взаимоотношениями людей, трениями, симпатиями и антипатиями, борьбой за первенство, Осинский видел выход в сугубо бюрократическом варианте, в из-

менении организационных форм в рамках устоявшейся системы отношений. Между тем всё больше выяснялось, и Осинский указывал на это – что те паллиативные меры, т. е. создание Политбюро и Оргбюро ЦК, которые были приняты на VIII съезде, по-прежнему не решали главной задачи – задачи оживления партийной работы, освобождения от «мертвечины и маразма» партийного аппарата (46). В конце концов, это обнаружилось в форме дискуссии о «верхах» и «низах» в партии.

Объектом повышенного внимания для зарубежного исследователя Г. Нилова (А. Кравцова) стал Ф.Э. Дзержинский, облик которого, как и образы многих других глав тайной полиции, не оставил в исследовательской и мемуарной литературе сколько-нибудь заметного личностного следа. Автор справедливо отмечает, что чаще всего мы сталкиваемся либо с контурами официально отлитой фигуры «железного Феликса», либо столь же невыразительным силуэтом «кровавого фанатика» (47).

При этом забывается, к примеру, тот неожиданный многомерный и выпуклый портрет Дзержинского, который дал Л.Б. Красин, если верить воспроизводству этих слов в книге Р. Гуля «Дзержинский»: «На фоне октября поднявшись над партией и страной, вождь ВЧК вырастал в жуткую и страшную фигуру, похожую на думающую гильотину. С созданием ВЧК фактическая власть переходила в руки Дзержинского. Кроме Дзержинского, никто не влиял на Ленина. Ленин стал совсем невменяемым, и если кто имеет на него влияние, так это только “товарищ Феликс”, Дзержинский, ещё больший фанатик и, в сущности, хитрая бестия, запугивающий Ленина контрреволюцией и тем, что она сметёт нас всех и его в первую очередь. А Ленин, в этом я окончательно убедился, самый настоящий трус, дрожащий за свою шкуру. И Дзержинский играет на этой струнке» (48).

Отталкиваясь от этого утверждения, Г. Нилов пытается разобратся в том, насколько личная деятельность Дзержинского соответствовала сталинским целям узурпации внутривластной власти. В этом ему способствуют и следующее суждение Р. Конквеста: «На 10-м съезде партии в 1921 году Ленин внезапно внёс две резолюции, запрещающие формирование... групп или “фракций” внутри партии. С этого момента органы безопасности взялись за подавление более радикальных оппозиционных групп, которые отказались подчиниться. Но вскоре председатель ВЧК Дзержинский обнаружил, что многие верные партийцы считали оппозиционеров своими товарищами и отказывались давать против них показания. Тогда Дзержинский потребовал от Политбюро

официального решения о том, что долгом каждого члена партии является доносить на других членов партии, если они замешаны в агитации против руководства» (49).

Г. Нилов склонен усматривать существование сговора, совместных действий Сталина и Дзержинского, что, конечно, можно назвать и «партийной дружбой», и «политическим союзом» во имя узурпации власти, властвования как конечной цели. В этой связи резко критикуется точка зрения Р. Медведева, который утверждал, что тот факт, что после Ленина, который был «олицетворением всего лучшего в русском социалистическом движении и в русском пролетариате», к руководству партией и страной пришёл Сталин, который, напротив, был «олицетворением всего худшего, что примкнуло к революционному движению в России», этот факт является «исторической случайностью». Отвергается и позиция Р. Конквеста и А. Авторханова, настаивавших на значении «былых заслуг» Сталина: «Октябрь. Ленин у власти. Всё ещё малоизвестный, Сталин получает маловажный пост народного комиссара по делам малых национальностей России. У этого министерства нет почти никаких функций... да и пост выдуман Лениным специально для него, чтобы отблагодарить за прошлое, но и до настоящего дела не допускать» (50).

Предлагается искать рукотворные причины и реального творца возвышения Сталина. Для Нилова ответ ясен – это Ленин, поскольку очевидны положительные ответы на такие вопросы, как – «Кто кооптировал Сталина в ЦК в 1912 году?», «Кто поручил Сталину главную роль на последнем перед октябрьским восстанием съезде партии?», «Кто включил его в состав первого правительства большевиков?», «Кто ввел в партии пост генерального секретаря и кто утвердил Сталина генсеком?» (51).

Однако этого для автора недостаточно. Подробно описывает он особую роль Сталина для Ленина в так называемых «банковских операциях с немецкими деньгами», что подробно рассматривалось нами в предыдущей главе. И таким примером подтверждается вывод о том, что Сталин стал «поверенным помощником секретнейших операций Ленина» (52).

Если внешне неожиданное возвышение Сталина ещё может быть объяснено выражением ленинской благодарности, то до странности робкая, по мнению Нилова, попытка Ленина «обуздать уже высказавшего свою неукротимую власть генсека наверняка увяла в результате его давления, а скорее всего – просто-напросто – шантажа. Ибо не тот человек был Сталин, который не до конца использует предоставившиеся ему возможности», и не

пост генсека дал в руки Сталина «необъятную власть», а отнятая им у Ленина власть получила в этом назначении своё юридическое оформление. Учреждение же новой должности понадобилось потому, что не пристало «верному ученику» при жизни «великого учителя» занимать его пост. «На том, видимо, и согласились: Ленину – пропуск в Историю, Сталину – “необъятная власть”» (53).

Отсюда, видимо, отмечаемые многими историками тревожные наблюдения Ленина за деятельностью Сталина на посту генсека, бесцеремонность и грубость того по отношению к лечащим врачам, Н.К. Крупской, стремление изолировать больного вождя от партии и от любой важной информации.

Далее Нилов предлагает совсем невероятные версии в развитие своей концепции: организацию тайных убийств «виднейших» деятелей партии – Володарского и Урицкого, принесенных в жертву ради сплочения партии; ранение Ленина. Но и Ленин, и Троцкий были нужны живыми и активно действующими для завоевания и закрепления общепартийной власти.

Другие небезынтересные оценки, предлагаемые для обсуждения Е. Ниловым в рамках его концепции треугольника Сталин – Дзержинский – Ленин, касаются Г.Е. Зиновьева, Н.И. Бухарина и Я.М. Свердлов. Не изменяя себе, Нилов начинает свой анализ опять-таки опираясь на Конквеста, с данной тем характеристики Зиновьева: «...На коммунистов и некоммунистов, оппозиционеров и сталинцев Зиновьев производил одинаковое впечатление пустого, малоспособного, наглого и трусливого ничтожества. Кроме самого Сталина, Зиновьев был единственным большевистским вождём, которого никак нельзя было назвать интеллигентом. И вот такой человек некоторое время был руководящей фигурой в советском государстве перед смертью Ленина и после неё. Он занял такое положение благодаря тому, что в период с 1909 по 1917 год был очень старательным личным секретарем и приспешником Ленина (часто слабо разбиравшегося в людях), фактически ближайшим учеником и сотрудником Ленина» (54).

Однако Нилов не соглашается с Конквестом в оценке неразборчивости людей и предлагает другой подход к подбору Лениным своего окружения. Он считает, что для своих целей Ленину необходимы были как «бездушные приспешники», так и «вдохновенные соратники». Если инициативная деятельность последних позволяла партии осуществить захват государственной власти, то «хоровое послушание» первых – овладеть внутривнутрипартийным

полновластием. И поскольку Сталин взял только одну из задач Ленина, то инициативные ленинские соратники Сталину уже были не нужны, более того – нежелательны, так как среди них могли проявиться как противники, так и соперники его самовластия. Следовательно, начался процесс замены «соратников» «пришпешниками», к примеру, талантливый М.В. Фрунзе заменялся безликим К.Е. Ворошиловым и т. п.

Итак, каким же выводам были подчинены версии взаимоотношений внутри ленинского окружения, и прежде всего «политический союз» Сталина и Дзержинского? Если отрешиться от предлагаемых Ниловым критериев «Добра и Зла», признаемся, их трудно комментировать, поскольку после столь загадочных линий расклада фактов они свелись к ещё одному пропагандистскому повторению набивших оскомину тезисов:

«1. Сравнительно немногочисленная партия “нового типа” в течение пяти лет полностью подчинила себе всё население огромной страны.

2. Совсем узкая группа лидеров, чьи истинные цели не имели ничего общего с декларируемыми, подчинила себе всю массу соратников, в большей или меньшей степени исповедовавших партийно-декларируемые цели.

3. Окончательная победа в борьбе за самовластие внутри узкой правящей группы партии одержана тем, чьи истинные цели были самыми низменными» (55).

Ординарность выводов ещё одного интерпретатора характера и смысла межличностных отношений внутри ленинского окружения отнюдь не означала бесперспективности этого интересного, имеющего право на существование направления разработки бесподконтрольной и неконъюнктурной ленинианы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Яковлев Егор*. Прощание // Московские новости. 1987, 18 января.
2. *Драбкина Е.* Зимний перевал. – М., 1987.
3. *Шatroв Михаил*. «Дальше... дальше... дальше» // Знамя. 1988. № 1.
4. *Бухарин Николай*. Политическое завещание Ленина // Коммунист. 1988. № 2; Правда. 1988, 26 февраля и 25 марта.
5. *Амбарцумов Е.А.* Возрождая ленинские ценности социализма // Проблемы мира и социализма. 1988. № 3; *Дмитренко С.Л.* Ленинское «Письмо к съезду»: правда и вымыслы // Политическое образование. 1988. № 8.
6. *Гегфтер М.Я.* Из тех и этих лет. – М., 1991. С. 414.

7. Плимак Е.Г. Политическое завещание В.И. Ленина: истоки, сущность, выполнение. – М., 1989. С. 7.

8. Там же. С. 218.

9. Там же. С. 218–219.

10. Там же. С. 219.

11. Там же.

12. См.: Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 376.

13. Там же. Т. 34. С. 192.

14. Бордюгов Г.А., Козлов В.А. Время трудных вопросов. История 20 – 30-х годов и современная общественная мысль. В кн.: Урок даёт история. – М., 1989. С. 236.

15. Там же. С. 248.

16. Там же. С. 249.

17. См.: Бордюгов Г.А., Козлов В.А. К вопросу о так называемых деформациях социализма // История СССР. 1989. № 6.

18. См.: Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 43. С. 190, 292– 293, 358–359.

19. Бордюгов Г.А., Козлов В.А. К вопросу о так называемых деформациях социализма, С. 216.

20. Борисов Ю.С. Завещание Владимира Ильича Ленина: трагедия непонимания (стенограмма лекции). – М., 1990. С. 3.

21. Достаточно отослать читателей к вышедшей в 1990 году книге Бурлацкого, Галкина и Красина «Введение в марксистское обществознание», в которой раздел о «Завещании» следовал старой традиции – Ленин, мол, всё предусмотрел, всё прописал, и надо было лишь следовать его плану построения социализма.

22. Борисов Ю.С. Указ. соч. С. 21.

23. См.: Старцев В.И. Политические руководители Советского государства в 1922 – начале 1923 года // История СССР. 1988. № 5. С. 112.

24. Там же. С. 114. Возможно, непривычное по тем временам подчёркивание ошибок Ленина заставило редколлегию журнала, на всякий случай, заявить о том, что «не все утверждения автора настоящей статьи представляются достаточно аргументированными. В решении некоторых из поставленных им вопросов необходим более широкий подход».

25. Там же. С. 120.

26. См. подробнее: Поташов А.Ф. В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий. Уроки идейной борьбы внутри правящей партии. (Историография вопроса). – Ростов н/Д, 1992. С. 131–136.

27. Там же. С. 135.

28. Слассер Роберт. Сталин в 1917 г.: Человек, оставшийся вне революции. – М., 1989. С. 5.

29. Данное утверждение, конечно, контрастировало с суждением о Троцком профессора АОН при ЦК КПСС В. Ивановым – «Троцкий был чужаком в большевистской Партии; партия, идейно сокрушив уже после смерти Владимира Ильича троцкизм, довершило дело, начатое В.И. Лениным» – См.: Иванов В. Перекрашивают Иидушку // Советская Россия. 1987. 27 сентября. Примерно такая оценка Троцкого, как «чрезмерно самоуверенного, всегда влиятельного и жульничающего политика», прозвучала и в юбилейном докладе 1987 года «Октябрь и перестройка: революция продолжается» – см.: Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 5. – М., 1988. С. 397.

30. См.: *Волкогонов Д.* Демон революции // Правда. 1988. 9 сентября. После этого последовали: разделы о Троцком в книге «Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина» (М., 1989), статьи в журналах «Родина» (1989, № 7), и «Коммунист Вооружённых сил» (1989, № 19), «Литературной газете» (1990, 30 мая).

31. См.: *Биллик В.И.* Троцкий. На пути к правде о нём // Собеседник. 1989. № 33.

32. *Кораблев Ю.* Почему Троцкий? // Политическое образование. 1989. № 2; См. также: *Молодцыгин М.А.* 120 дней наркомвоена. Из истории перехода к строительству массовой регулярной Красной Армии // Военно-исторический журнал. 1989. № 8, 10; *Спирин Л.М.* Из истории РКП(б) в годы Гражданской войны и интервенции // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3.

33. Там же.

34. См.: *Белов Василий.* «Возродить в крестьянстве крестьянское...» // Правда. 1988, 15 апреля.

35. См.: *Данилов В.П.* Мы начинаем познавать Троцкого; *Панцов А.В.* Троцкий и Преображенский // ЭКО. 1990. № 1. С. 49–50.

36. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 49. С. 390.

37. *Старцев В.И.* Политические руководители Советского государства. С. 6.

38. *Панцов А.В., Чечевиных А.Л.* Исследователь и источник. О книге Д.А. Волкогонова «Троцкий» // Свободная мысль. 1992. № 14. С. 89.

39. Там же.

40. Там же. С. 94.

41. Там же. С. 98. См. также: *Панцов А.В.* Лев Давидович Троцкий (серия «Исторические портреты») // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 65–87.

42. См.: *Знамя.* 1987. № 11. С. 8.

43. Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчёт. – М., 1968. С. 126.

44. Ленину о Ленине. Письма 1918–1921 гг. В кн.: *Неизвестная Россия. XX век.* – М., 1992. С. 16.

45. Там же. С. 17.

46. Там же. С. 20.

47. *Нилов Григорий (Кравцов Александр).* Грамматика ленинизма (В английском заголовке – «Lenin's Totalitarian System»). – London: Overseas Publications Interchange, 1990. С. 104.

48. *Гуль Р.* Дзержинский. – Париж, 1936. С. 66.

49. *Конквест Р.* Большой террор. В 2-х тт. Пер с англ. – М., 1991. Т. 1. С. 13.

50. *Авторханов А.* Технология власти, С. 284–285.

51. *Нилов Г.* Указ. соч. С. 109.

52. Там же. С. 127.

53. Там же. С. 127, 133.

54. Там же. С. 136.

55. Там же. С. 154–155.

Глава 4

ЛЕНИНИЗМ И СТАЛИНИЗМ: СОПОСТАВЛЕНИЕ УЧЕНИЙ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЙ

В годы перестройки проблема взаимоотношений Ленина и Сталина и соотношения их учений приобрела не только новое звучание, но и привела к политическому обострению. Если одни исследователи отождествляли Сталина с Лениным, то другие – противопоставляли их друг другу. Мы уже неоднократно обращались к формуле «Сталин – это Ленин сегодня», которую после смерти Сталина в 1953 году на короткое время сменила формула «Сталин – великий продолжатель бессмертного дела Ленина», а затем, в соответствии с решениями XX и XXII съездов партии, роль Сталина была сведена практически к роли деформатора ленинских идей.

Одновременно в пропаганде на смену культу личности Сталина, в немалой степени и усилиями романтических «шестидесятников», постепенно приходит культ Ленина, который вступал в странный симбиоз с «культами» новых генсеков. Однако в диссидентском движении 70-х годов, прежде всего у Солженицына, сравнение Ленина и Сталина приобретает кардинально иной смысл: Сталин – порождение Ленина, различия между ними в использовании инструмента насилия малоразличимы. Достоянием массового сознания эти определения становятся лишь в условиях перестройки, вокруг этой проблемы, как было показано в 1-й и 2-й главах раздела, разворачиваются острые дискуссии. Сторонники противопоставления Сталину Ленина апеллировали к такому «сильному ходу», как мнения оппонентов самого Ленина, явно предпочитавших его Сталину, и как обличения сталинизма со стороны «истинных большевиков» М. Рютина, Ф. Раскольникова. В 1988–1989 годах желание провести границу между Лениным и Сталиным, кажется, было всеобщим. Особенно обострила это желание статья Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами» в «Советской России» (13 марта 1988 года).

Определение границ

Ясно, что эта тема выдвинулась на первый план и требовала не только публицистических рефлексий, но и серьёзного научного обсуждения. Для О. Лациса и Г. Водозаова учение Маркса и Ленина было в те годы главным и совершенным инструментом борьбы против всех форм и разновидностей сталинизма. Для Г. Лисичкина также была очевидна диаметрально противоположность представлений о социализме у Ленина и Сталина: Сталин построил социализм, но не по Марксу и Ленину, а по Дюрингу (1).

В 1989 году журнал «История СССР» предпринял ряд акций в специальном обсуждении этой проблемы. Сначала дискуссия была открыта беседой редакции с тогдашними «властителями дум» — Д.А. Волкогоновым и Р.А. Медведевым. Тональность и в отношении Ленина и в отношении социализма была следующей: прожил Ленин ещё хотя бы 5–10 лет, многое стало развиваться бы совершенно по-иному. Причём собеседники оговаривались, что дело не в абсолютизации роли личности, а в учёте роли тех сил, которые «держали в умах и руках» великую идею. Но, к сожалению, эта идея, родившись почти полтора столетия назад, тогда не смогла в полной форме материализоваться в вечных чаяниях людей. Однако это не значит, что в ней, идее, всё утопично (2).

Б.П. Курашвили, подразумевая, что сталинизм обязательно наследует ленинизм, попытался изъять из сталинизма, во всяком случае, хотя бы не сводить к сталинизму, «сталинщину». Чистый же сталинизм рассматривается автором как тотальная мобилизация всех факторов внутренней и внешней политики. Но поскольку закрыть глаза на репрессивные стороны этого процесса невозможно, то выдвигалась следующая спасительная формула: репрессии объяснялись чрезвычайными обстоятельствами. Необычную по тем перестроечным временам позицию Курашвили редакция журнала «История СССР» решила, на всякий случай, сопроводить весьма эмоциональным комментарием И.В. Бестужева-Лады под названием «Аморальность и антинародность “политической доктрины” сталинизма». Смысл этого комментария — через связку «Ленин — Сталин» — сводился к следующему: «Величие Ленина как политического деятеля состояло в том, что он признал утопию утопий и разработал модель строительства реального, неутопического социализма. Низость Сталина как политического деятеля заключалась в том, что он, преследуя свои корыстные цели собственного возвышения, вторично попытался

сделать утопию реальией и пошёл напролом, не считаясь ни с рас-судком, ни с моралью» (3).

Симптоматично в тот год прозвучал и принципиальный во-прос «Чи классовые интересы выражал Сталин?». В известной статье Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова «Время трудных вопросов» было предложено не увлекаться экстравагантными формами сравнения, а исходить из принципиальных идей о социологии власти, об опасности правительственной или личной узурпации классового господства. Известно, что при Ленине Советы стали органами «для трудящихся», но не «через трудящихся», что Кон-ституция РСФСР закрепила целый ряд форм ограничения демо-кратии. Но Ленин считал, что государство такого типа будет постепенно отмирать. Пока же «реальный механизм функциони-рования власти в мелкокрестьянской стране, в одиночку строя-щей социализм, сопровождался неизбежной концентрацией всех рычагов управления в руках ЦК и Политбюро» (4). После смерти Ленина, когда в идейную борьбу всё время примешивался лич-ный фактор, сфера действия системы коллективного руководства, созданной Лениным, всё больше и больше сужалась. Сталин по-степенно узурпирует право руководящих органов представлять интересы партии и рабочего класса. И здесь авторы делают важ-ное замечание о том, что Ленина не шокировала сама возмож-ность того, что через диктатуру отдельных лиц может выражать-ся диктатура революционного класса. А мысль Бухарина («при определённом сочетании условий господство класса может вы-ражаться в личном режиме») вызвала следующее замечание Ленина: верно, но слова «личный режим» имеют какой-то побоч-ный смысл (5).

Необходимо подчеркнуть, что Ленин выступал за принцип коллективного руководства. В.А. Перфилов и В.М. Костягина справедливо отмечают: «Высшим принципом партийного и госу-дарственного руководства Ленин считал коллективность руковод-ства и последовательно придерживался этого принципа в своей деятельности. При всем своем величайшем авторитете, при всей широте полномочий он никогда не принимал единоличных реше-ний по вопросам, входящим в компетенцию органов коллектив-ного руководства. Подчеркивая роль Центрального Комитета партии в то время как органа коллективного руководства партий и страной, он считал, что только коллективные решения ЦК, при-нятые в Оргбюро, Политбюро или Пленумом ЦК, должны прово-диться в жизнь секретарем ЦК; “иначе работа ЦК не может идти правильно”.

Ленин резко выступал против мнения, будто все вопросы в ЦК решает он один. “Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что Цека – это я... – писал он дипломатическому работнику А.А. Иоффе в 1921 г. – По вопросам организационным и персональным несть числа случаям, когда я бывал в меньшинстве. Вы сами видели примеры тому много раз, когда были членом ЦК”. Владимир Ильич никогда не действовал только силой своего авторитета, он стремился убедить других в своей правоте.

Указывая на необходимость коллективного руководства, коллективной выработки важнейших решений, Ленин в то же время придавал большое значение персональной ответственности каждого работника за порученное ему дело. “Основной принцип управления – определенное лицо целиком отвечает за ведение определенной работы”, – писал он» (6).

С таким двойным смыслом, по мнению Бордюгова и Козлова, и сформировался личный режим Сталина: «...Сталин со своими представлениями о социализме выросал из... отсталых, пережиточных представлений. Не только он “лепил” массовые представления о вожде, но и сама масса новых рабочих “лепила” вождя. Левацкое нетерпение, стремление одним махом разрешить все проблемы выросали из этой массы. Попытка старой гвардии удержать политику в рамках позиции индустриального, кадрового ядра рабочего класса не удалась. В молодом рабочем классе уже сформировалась установка на делегирование полномочий при принятии решений «наверх». Такая ситуация изначально создавала очень удобные условия для узурпации власти достаточно узким слоем или «вождем». Это понимал и Ленин... Ленин думал о демократии как школе цивилизованности, опирался на стремление передовых слоев рабочего класса к управлению, к творчеству новых форм жизни. Нельзя сказать, что Сталин игнорировал эти лучшие стороны рабочего класса, он стремился использовать их в преобразовании страны. Но личный режим Сталина, как особая форма организации политической власти, выросал из других тенденций, также существовавших в молодом рабочем классе, – стремление к авторитаризму, психология “плохо обработанного мужика”» (6).

Вокруг тезиса о том, какие классовые интересы выражал Сталин, развернулась серьезная дискуссия. В частности, философ А. Гулыга назвал утверждения Бордюгова и Козлова не просто неубедительными, но и кощунственными. По его мнению, Сталин в отличие от Ленина выражал интересы созданной им миллионной бюрократии и больше никого, а «образ вождя “лепили” не

малоцивилизованные рабочие, а коррумпированные интеллектуалы». Философ предложил оставить в покое классовый подход и исходить из того, что Сталин – узурпатор, который захватил власть в результате переворота и учредил в стране казарменно-бюрократический социализм, возможность которого Маркс не предвидел и который не выражал народные интересы (7).

Познакомившись с этими аргументами два историка, к сожалению, ушли от дальнейшей дискуссии, ограничившись замечанием о том, что словосочетание «выражать интересы» класса было применено ими неудачно, и рядом риторических вопросов: неужели только на бюрократию и «коррумпированных интеллектуалов» мог опираться Сталин, уходя от нэпа?, по каким причинам и с кем блокировалась бюрократия, проводя «революцию сверху»? почему в бюрократии явно выделялся и заметный сталинский слой?, почему бюрократия сама попала под удар сталинских репрессий, а Сталину удалось внушить массам идею «врагов народа» и получить поддержку в борьбе со старой большевистской гвардией? В конце концов, они просто отослали читателей к мнению известного французского историка Ф. Кокэна (8).

Кокэн же, внимательно изучая дискуссию советских исследователей 1988–1989 годов, как раз и обратил серьёзное внимание на вывод о том, что в рождении сталинизма в той или иной мере участвовали представители всех уровней государства и общества. И причины этого не могут, конечно, быть сведены только к личному страху или эгоизму. Эти причины могли быть связаны и с определёнными личными или патриотическими причинами, и с влиянием идеологической обработки, даже просто с привычкой почитать «начальство». «Сталинский режим, – писал Кокэн, – опирался, по крайней мере, на пассивное сотрудничество представителей различных общественных слоев. Поэтому в феномене Сталина необходимо отличать то, что являлось специфичным для этой личности, и то, что определялось системой и от Сталина не зависело» (9).

Реалистические тенденции

Однако дискуссия о социальной основе Сталина и сталинизма, не успев по-настоящему разгореться, в том же 1989 году стала отодвигаться на обочину. Иную направленность обсуждению проблемы задали статьи Роберта Сервиса и Г.Х. Попова. Профессор

Лондонского университета вначале охарактеризовал Ленина в статье для «Московских новостей» как политического колосса XX века, как человека, оказавшего глубокое влияние на историю в нашем столетии. Учёный отметил, что в изображении Ленина в СССР появились реалистические тенденции, опубликованы материалы, характеризующие Ленина как человека. Однако старая трактовка деятельности Ленина, который всё знал, всё предвидел и всё контролировал, сохраняется. Советское руководство находит прецедент в ленинской политике периода нэпа, отмежевывается от периода сталинизма. Сервис также усматривает связь между нэпом и перестройкой, но он никак не может признать, что Ленин подходит к роли предтечи перестройки, поскольку именно он ответственен за ужесточение политики в период Гражданской войны, за диктатуру Сталина. Между Лениным и Сталиным вообще можно поставить знак равенства (10).

В свою очередь Г.Х. Попов, комментируя статью Л.Б. Красина «Контроль и производство», которая впервые была опубликована в «Правде» в 1923 году в связи с ленинской статьей «Лучше меньше, да лучше», увидел в ней альтернативу ленинскому пути строительства социализма. По мнению экономиста, Красин видел за идеями контроля теоретические ошибки Ленина, так как контроль, административная система вообще, занимают подчинённое положение в экономике. У Красина же речь идёт об экономических методах. Не обращая внимания на ленинские разработки экономических методов, тот же продналог, что признавалось и самим Красиным, Попов делает вывод: модель Ленина содержит в себе своеобразный синтез нэповского и военно-коммунистического методов. От первого шла идея «строения цивилизованных кооператоров», а от второго – Административная система. Отсюда следовал вывод: Ленин является родоначальником системы, созданной Сталиным (11).

Учитывая точки зрения Сервиса и Попова, Г.Л. Смирнов в коллективной монографии ИМЛ «Ленинская концепция социализма», вышедшей в 1990 году, счел необходимым обстоятельно сопоставить Ленина и Сталина, проследить все основные различия в их подходах к проблемам социалистической экономики, товарного обмена, демократии, роли партии, к проблемам личности. И для Смирнова очевидно, что Сталин сначала отошёл от ленинского видения социализма, а затем канонизировал этот отход, выдавая неленинские взгляды и решения за подлинно ленинские (12).

Оказавшись между чётко выраженными полюсами в интерпретации проблемы, Д.А. Волкогонов стал искать свои определения. К примеру, в 1990 году сталинизм для него – это «ложная диалектика в совокупности поставленных целей и применявшихся средств в их достижении», а его «сущность заключается в извращении теории и практики научного социализма, в отчуждении народа от власти» (13). При этом генерал делает примечательную и торопливую оговорку: «Выводить сталинизм целиком за скобки ленинизма неверно... Как ни горько признать, ясно, что сталинизм возник на почве ленинизма. Но особо подчеркнем: ленинизма изначально извращенного. А в конце концов – до неузнаваемости... Это одна из уродливых форм развития марксизма в русских условиях. Ленинизм в мыслях и руках Сталина представлял собой уже искаженное, деформированное явление» (14).

Е.Г. Плимак различие между Лениным и Сталиным видел в сфере того или иного их отношения к субъективистским намерениям оппозиционеров. Он подверг критике концепцию «злого умысла», заявил о «конструктивном и товарищеском отношении Ленина к внутрипартийным оппонентам» (15).

Конечно, надо иметь в виду, что разворачивавшаяся дискуссия о Ленине и Сталине на рубеже 80–90-х годов носила вторичный характер, поскольку просто в иных формах интерпретировала давно известные расхождения между двумя группами американских историков и советологов. Одна из них была представлена именами Р. Пайпса, М. Малиа, Р. Конквеста и др., известных как сторонники тоталитаристской концепции в оценке истории СССР, другая – именами Л. Хеймсона, У. Розенберга, А. Рабиновича, Р. Суни, М. Левина, Ст. Козна, которых относили к так называемой ревизионистской школе.

К примеру, «тоталитарист» Пайпс подошёл к проблеме преемственности или отсутствию её между правлением Ленина и правлением Сталина со следующим уравнием: если советский режим возник в результате подлинно народной революции, тогда Сталин представлял собой «абerrацию» ленинской нормы, а система должна была обладать способностью вернуться к гуманистическому и демократическому социализму. Но если система родилась в итоге заговорщического Переворота, тогда Сталин – это Ленин, но только в ухудшенном варианте, и нет демократического истока, к которому можно было бы вернуться. Отсюда следовал известный вывод: коммунизм нельзя реформировать, от него необходимо отказаться (16).

Для «ревизионистов» Октябрь – это подлинно пролетарская революция, вызванная к жизни поляризацией классов рабочих и капиталистов. Поворот Ленина к террору и повальной национализации в годы «военного коммунизма» трактуется ими как временные издержки, вызванные Гражданской войной. Далее следует вывод: ленинизм не был тоталитарен, истинным ленинским наследием является смешанная экономика, свойственная нэпу 1920-х годов, единственным законным наследником Ленина может быть только Н.И. Бухарин, а Сталин не вписывается в подлинные каноны большевизма.

В то же время М. Малиа обратил внимание на более «смелую» школу ревизионизма, представленную именами Ш. Фитцпатрик и Дж. Хофа. Для них сталинизм, должным образом понятый и очищенный от некоторых крайностей, и есть истинное воплощение ленинизма. Таким образом, по его мнению, происходит возврат к тоталитарной модели с её подчёркиванием роли преемственности между Лениным и Сталиным. Меняется в этом случае лишь знак «минус» на «плюс», а признание их единосущности сохраняется (17).

Однако несмотря на это все течения ревизионизма сходились в одной точке – с перестройкой советский эксперимент, наконец, возвращается к истинному Октябрю, все отклонения от правильного пути будут преодолены и все пороки рано или поздно изжиты.

Для чешско-немецкого историка М. Реймана основным в понимании сталинизма является то, что он возник на базе советского строя не как продукт позитивного развития общества, какой-либо общественной доктрины или идеологии, а как продукт структурного кризиса. И признание наличия структурного кризиса никак не обусловлено оправданием политики Сталина, равно как сталинизм неотделим от Сталина как решающей фигуры, от его личной власти. Наличие латентного кризиса проявлялось на протяжении всего периода 20-х годов, ярко выражаясь в столкновениях противоборствовавших фракций в партии по поводу хозяйственных и социальных приоритетов – промышленность или сельское хозяйство, город или деревня – и по поводу темпов развития (18).

Отстаивая свою позицию, Рейман включил в ход своих рассуждений факторы разрушения связей российской экономики с экономикой мировой, разрушение прежних связей между городом и деревней в результате перестройки аграрных отношений после революции, что создало существенно разные стартовые

возможности для их развития и способы функционирования промышленности и сельского хозяйства, затруднила их кооперацию. Нэп не устранил этих проблем, а в лучшем случае ослабил их влияние. Конечно, подчёркивая наличие признаков структурного кризиса, Рейман не ставит под сомнение положительные стороны ленинского нэпа, а тем более доказывать неизбежность или даже необходимость его разрушения. Речь идёт о другом – о том, что наряду с тенденциями, толкавшими к расширению и укреплению этой системы, действовали и другие тенденции, её разрушавшие. И они не имели чисто идеологической подоплеки, не были результатом произвола властных структур – их породили отмеченные проблемы послереволюционного периода. Такое положение толкало власти к ущемлению социальных прав граждан. Вполне очевидной становилась опасность своеобразной контрреволюции в социальной сфере. Подобный социальный фон и контекст создавал, по мнению М. Реймана, предпосылки для развития сталинизма (19).

Он также снова подчеркнул, что на деле не только теория определяла хозяйственную и политическую стратегию, а, наоборот, общее направление политики определяло содержание и изменения партийной идеологии. Ко всему, приспособление идеологии, как и всего содержания партийной «теории», к содержанию партийной политики до сих пор изучено недостаточно. «Уже Ленин, – утверждает Рейман, – приспособил идеологию, внося в марксистские представления о революции такие изменения, как теория перерастания революции; тезисы о социалистической революции в стране с российским уровнем развития, о революции в одной отдельно взятой стране, о роли и внутреннем режиме революционной партии, о пролетарском государстве и диктатуре пролетариата... Тем более оно проявилось в построениях сталинского времени, где курс партийного руководства в отсутствие постоянной оппозиции стал монополией одного лица, наделённого абсолютным авторитетом также и в области теории». Отсюда у историков должно быть особое внимание к сталинским тезисам о победе социализма в одной отдельно взятой стране, поскольку они закрепляли положения о двух фазах продвижения к коммунизму и давали им новую интерпретацию. Первая фаза определялась не уровнем производительности общественного труда, а характером отношений собственности и социальной структуры общества. Тем самым, с одной стороны, легитимизировались на-

силie и террор как метод «построения социализма», с другой – реализация этой идеи допускалась в условиях нищеты, голода и массовых репрессий (20).

Доктринальная или аппаратная прее́мственность?

Новый поворот в ходе общей дискуссии предложили в своей совместной статье Г.А. Бордюгов, В.А. Козлов и В.Т. Логинов. Они предпочли традиционным утверждениям о доктринальной предопределённости сталинизма идеями Маркса и Ленина размышления об определённой аппаратной преемственности ленинского и сталинского руководства. Снова повторяя идею о вольном или невольном подстраивании Лениным всего механизма принятия политических решений под собственные качества, эти авторы продолжали ставить свои новые «трудные вопросы»: что произойдёт, если этого уникального мастера сменит человек «дюжинный» при том, что сам механизм останется без изменений?, не получится ли то, что вместо вождя, не могущего быть вождем, но в силу того, что вся пирамида уже выстроена определённым образом, он окажется на её вершине? (21).

Известно и уже разбиралось в предыдущей главе, что своё окружение Ленин подбирал в течение долгого времени «лично под себя» и, строго говоря, его окружение должно было уйти с потерей вождя. Попытка Ленина наметить принципиальные преобразования внутри механизма власти натолкнулась и на непонимание в части собственного окружения, и на нехватку времени и сил. А значит, созданная им система при Сталине была обречена на воспроизводство со многими отрицательными знаками самой прежней системы, а также и нового вождя.

В полемике с Г.Х. Поповым ведущий в те годы по должности лениновед А.М. Совокин пытался показать как через тенденциозную интерпретацию Второй программы РКП(б) с её концепцией руководящей роли партии в движении пролетариата к социализму доказывается, что Сталин – продолжатель дела Ленина, его программных установок, разработанных им организационных принципов, что это же самое потом утверждалось и самим Сталиным и его окружением. «Крайности, – заключает Совокин, –

что называется, сошлись: ленинизм, ленинская программа строительства социализма, оказывается, явились не просто истоком сталинизма, а его платформой, а Сталин – продолжателем ленинских предначертаний» (22).

Далее же у Совекина, в духе старых традиций партийной науки, следовало абсолютно неаргументированное и пафосное опровержение утверждений Попова, не столько учёного, сколько политика. Назовем некоторые из них. Сталин, на словах оставаясь верным Ленину и ленинизму, «на деле игнорировал его, забывал о своей клятве Ленину в дни прощания с вождем», обещая «держатъ высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии», на деле «опозорил это звание, отправляя на смерть и в концлагеря старых, испытанных ленинцев», вообще, подобно Луи Наполеону, сослал на каторгу, отдал под суд и расстрелял своих соратников и учителей, отплатив таким образом свой долг им за их помощь в утверждении своего единовластия, обещая хранить единство партии, «как зеницу ока», на деле «под видом борьбы за это единство уничтожал морально, идейно, а затем и физически инакомыслящих, не согласных с “вождём”» (23).

Интересный анализ механизма работы партийно-государственного аппарата с точки зрения преемственности проделал Ю.С. Борисов. Он оценивает Сталина, которого Ленину порекомендовал Зиновьев, как очень крупного организатора, и призывает сравнить материалы Политбюро с материалами Совнаркома. Пока не было человека, «разводившего вопросы», в соответствии с их характером, в партийном и государственном хозяйстве была большая мешанина, что очень осложняло жизнь Ленина (на прощании с Лениным прозвучали слова, что вина его окружения в том, что слишком загружали вождя «вермишелью дел», то есть мелочами). Сталин навел порядок в ЦК партии, «разводил вопросы», обеспечивал контроль исполнения. «При Ленине, – подчёркивал Борисов, – все работали коллегиально, ненавидя друг друга, споря друг с другом, но выкладывали весь свой потенциал. К сожалению, Ленин не успел подготовить механизм, который так же действовал бы и после него» (24).

Ю.Н. Давыдов в своём анализе той же проблемы попробовал вообще обойти фигуру Ленина. Давая подробную оценку причин реанимации бюрократической системы в советское время, которая остается незавершенной без «Вождя», он сразу же перескакивает к Сталину, который «внёс наибольший вклад в создание бюрократии тоталитарного типа». И лишь затем касается периода

«военного коммунизма», когда рост бюрократии приобрел скачкообразный характер. И тем не менее, в отличие от Троцкого, с одной стороны, и Сталина, с другой, «В.И. Ленин был серьезно озабочен опасностью, какой грозила России бюрократизация новой власти. В противоположность им он связывал процессы бюрократизации отнюдь не только (да и не столько) с “буржуазными элементами”, вновь и вновь рождаемыми крестьянской стихией, но и с внутренними механизмами функционирования самой этой власти» (25). Если бы Ленин, думает автор этой точки зрения, считал бюрократизм тождественным «крупно-» или «мелкобуржуазности», он не пошёл бы на нэп. «Левакам» же со свойственным им бюрократическим складом мышления изначально была присуща склонность усматривать источники «бюрократизма» только извне, в окружающей «стихии».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Лацис О.* Сталин против Ленина. В кн. Осмыслить культ личности Сталина. – М., 1989. С. 126–159; *Водолазов Г.* Ленин и Сталин. – Там же. С. 215–246; *Лисичкин Г.* Мифы и реальность. – Там же. С. 253–268.

2. См.: О Сталине и сталинизме. Беседа с Д.А. Волкогоновым и Р.А. Медведевым // История СССР. 1989, № 4. С. 89–108.

3. См.: *Курашвили Б.П.* Политическая доктрина сталинизма // История СССР. 1989. № 5. С. 60, 76–77; *Бестужев-Лада И.В.* Аморальность и антинародность «политической доктрины» сталинизма. Там же. С. 86.

4. См.: *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* Время трудных вопросов, С. 119.

5. См.: Ленинский сборник XL. С. 412.

6. *Перфилов В.А., Костягина В.М.* Жизнь Владимира Ильича Ленина. Вопросы и ответы. С. 178. Цит.: Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 100, 23.

6. *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* Время трудных вопросов, С. 121.

7. См.: *Булыга А.* Письмо в журнал «Огонёк» // Огонёк. 1988. № 48. С. 3.

8. *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура, С. 234. Интересно, что Ленин, в отличие от Сталина, не считал, что с разногласия с товарищами по РКП(б) – это достаточный повод для того, чтобы их репрессировать. Он даже считал такие разногласия до определенной степени полезными для партии. Как отмечает А.А. Майсурян, «после всех яростных споров Владимир Ильич обычно мирился с несогласными большевиками, такими, как Радек. Один из водителей Ленина, Михаил Кузьмин, как-то спросил у него, почему он терпит таких строптивых людей вроде Зиновьева и Каменева, которые вечно спорят с ним и выражают свое несогласие. “Так это... как раз и хорошо, – ответил Ленин, – что открыто спорят. Они свои взгляды не скрывают и из лучших побуждений спорят, хотя, чтобы было как можно лучше. Когда есть несогласные, голова лучше работает, ведь их переубедить при-

ходится, веские доводы находить. Сам не всегда все увидишь и предусмотреть, а они своими возражениями и спорами мне помогают на вещи с другой стороны взглянуть»». (Майсурия А.А. Другой Ленин. С. 274. Здесь цитируется: Окунев И. Ленин о «еврейском вопросе» // Алеф. Иерусалим, 2002. Декабрь. № 894).

9. Coquin Francois-X. Comments on the Current 'Ferment' and Revision of History in the Soviet Union: Stakes, Limits, Outlook // Facing Up to the Past. Soviet Historiography under Perestroika. – Sapporo, Japan, 1989. P. 28–29.

10. См.: Сервис Р. Ленин. Комментарий Г.Л. Смирнова // Московские новости. 1989, 12 ноября.

11. См.: Попов Г.Х. Комментарий к статье Л.Б. Красина «Контроль и производство» // Огонёк. 1989. № 24.

12. Смирнов Г.Л. К вопросу о ленинской концепции социализма. В кн.: Ленинская концепция социализма. – М., 1990.

13. См.: Волгогонов Д.А. Сталинизм: сущность, генезис, эволюция // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 5.

14. Там же. С. 6.

15. Плимак Е.Г. Указ соч.

16. См.: Pipes R. The Russian Revolution. – N.Y.: Knopf, 1990. Переведена на русский в 1995–1997 гг.

17. См.: Малиа М. В поисках истинного Октября // Отечественная история. 1992. № 4. С. 185–187.

18. См.: Reiman M. Lenin, Stalin, Gorbacev: Kontinuitaet und Brueche in der Sowjetischen Geschichte. – Hamburg, 1987.

19. Там же.

20. Там же.

21. Бордюгов Г.А., Козлов В.А., Логинов В.Т. Личность, доктрина, власть // Коммунист. 1990. № 5. С.

22. Совокин А.М. Советы и их перспективы: критические заметки по поводу критиков и извратителей ленинских идей. В сб.: Проблемы лениноведения. – М., 1991. Вып. VII. С. 51.

23. Там же.

24. Борисов Ю.С. Завещание Владимира Ильича Ленина: трагедия непонимания (стенограмма лекции). С. 28.

25. См.: Давыдов Ю.Н. Тоталитаризм и бюрократия. В кн.: Драма обновления / Сост. и общ. ред. М.И. Мелкумяна. – М., 1990. С. 27.

II

ЛЕНИН И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ЭЛИТА:
ПЕРЕСМОТР ФАКТОВ И ОЦЕНОК

Глава 1

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЛЕНИНОВЕДЕНИЯ

После известных событий августа 1991 года, связанных с распадом советской системы и СССР, резко и быстро меняются условия и структуры прежнего лениноведения. Ликвидируется Институт теории и истории социализма ЦК КПСС (до лета 1991 года – ИМЛ), Академия общественных наук при ЦК КПСС, партийные школы и система партийного обучения. Центральный партийный архив преобразуется в Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, прекращает существование Центральный музей Ленина и многочисленные его филиалы, а его фонды становятся частью Государственного исторического музея, Музей революции начинает движение к преобразованию в Музей современной истории.

Новые источники

В этих условиях не прекратилось, однако, расширение источниковой базы для изучения одной из центральных исторических фигур XX века и его окружения. Выходит полный сборник сочинений Н. Валентинова о Ленине «Недорисованный портрет» (1). Наряду с уже публиковавшимися в других изданиях в 1990 и 1991 годах воспоминаниями «Встречи с Лениным» и «Малознакомый Ленин», в нём впервые публикуются очерки «Ранние годы Ленина», составленные из самостоятельных очерков о детстве и юности Ленина. Представляется, что наиболее интересным для нашей проблемы является очерк «Чернышевский и Ленин», в котором Валентинов попытался проникнуть в лабораторию мысли основателя теории социалистической революции, отыскать исто-

ки радикального мышления, которые он видит в творчестве Н.Г. Чернышевского. Автор не сомневается в том, что Ленин стал революционером ещё до знакомства с марксизмом, с того момента, когда он глубоко осмыслил его роман «Что делать?». Он уверен, что именно Чернышевский был его идейным наставником.

Наряду с работами Валентинова историки получили доступ и к другим эмигрантским публикациям, посвященным истории революции и личности Ленина. Особое значение в их ряду заняли систематическое внимание к воспоминаниям и размышлениям по этой проблеме «Нового журнала», издающегося в Нью-Йорке. Начиная с 1940-х годов, тема Ленина находилась в центре внимания редакции и составляла очень серьёзный контраст официальной советской лениниане. Недавно известный историк Г.З. Иоффе попытался их систематизировать и дать российским исследователям неплохую ориентировку во всех этих публикациях (2). Не могут не привлечь внимания, к примеру, малоизвестные воспоминания А.Д. Нагловского, напечатанные в 1967 году. Он писал, что «Ленин в своей “линии” был абсолютно твердокаменен... От своих положений он никогда не отступал, даже если оставался один. И эта его сила сламывала под конец всех в партии... Ленин являл собой исключительно цельную натуру. Она и превращала его в вождя. В партии все ощущали это, сознательно или подсознательно чувствовали, что без Ленина они – ничто» (3).

На протяжении 1917 года Ленин действительно несколько раз «сламывал» свою партию. Кто поддержал «Апрельские тезисы» Ленина сразу после его возвращения в Россию? Фактически никто, но уже через 2–3 недели они стали руководящей программой партии. Кто разделял взгляды Ленина в сентябре, когда он требовал, чтобы большевики покинули Демократическое совещание и начали подготовку к восстанию? Может быть, один Л. Троцкий. ЦК же постановил сжечь письма Ленина о восстании. И всё-таки большевики порвали с детищем Демократического совещания – Предпарламентом, «встав на тропу войны».

В воспоминаниях Нагловского есть деталь, по понятным причинам не отмеченная ни одним из мемуаристов, принадлежавших к советской историографической «монументалистике». Речь идёт о встрече Ленина 2 апреля 1917 года на Финляндском вокзале в Петрограде – поворотном пункте его судьбы. Как символ запечатлелась в нашем сознании мощная и целеустремленная фигура Ленина в свете прожекторов на броневике. Но вот, что пишет Нагловский: «Я смотрел на Ленина и думал: как он постарел!

В приехавшем Ленине не было уже ничего от того молодого, живого Ленина, которого я когда-то видел в скромной квартирке в Женеве и в 1905 г. в Петербурге. Это был бледный, изношенный человек с печатью явной усталости». Теперь, вернувшись в Россию, он всё-таки нашёл в себе силы для ещё одного «рывка», ещё одной главной «боевой кампании». Он победил: его умом и его волей большевики взяли власть (4).

На волевых качествах личности Ленина останавливался и Валентинов в малоизвестном очерке «Пятаков о большевизме» (1958 год). Пятаков в минуту откровенности поведал автору о «секрете» большевистского духа: «В... растаптывании так называемых объективных предпосылок, в смелости не считаться с ними, в этом призыве к творящей воле – решающим и определяющим фактором был и есть Ленин» (5). Об этом же писали и М. Карпович в 1951 году, и А. Авторханов в 1970 году.

У того же Нагловского мы находим новые для нас наблюдения о Ленине периода Гражданской войны: «Старый заговорщик, Ленин явно изнашивался. И тут действовала не одна болезнь. Иногда глядя на усталое, часто кривящееся презрительной усмешкой лицо Ленина, либо выслушивающего доклады, либо отдающего распоряжения, казалось, что Ленин видит, какая человеческая мразь его окружает... “Фанатик-то он фанатик, а видит ясно, куда мы залезли”, – говорил о Ленине Красин» (6).

Фанатичность Ленина, его готовность жертвовать всем во имя революции и всего себя отдать революционному делу подчеркивает А.А. Майсурян, обращая внимание на психологическое сходство Ленина с вождем «Народной расправы» С.Г. Нечаевым: «Во всех 55 томах сочинений Ленина невозможно найти ни единого упоминания о Нечаеве. Само это гробовое молчание, конечно, по-своему красноречиво и производит удивительное впечатление. Дело в том, что письменно хвалить Нечаева Ленин не мог – его имя после процесса “Народной расправы” стало чем-то вроде символа вседозволенности. Но и осуждать не хотел – ни строчкой, ни даже словом... Только в частных, доверительных разговорах Ленин позволял себе откровенно высказать все, что он думает о вожде “Народной расправы”». И приводит в поддержку этого тезиса свидетельство В.Д. Бонч-Бруевича: «До сих пор не изучен нами Нечаев, над листовками которого Владимир Ильич часто задумывался... Когда в то время слова “нечаевщина” и “нечаевцы” даже среди эмиграции были почти бранными словами... Владимир Ильич нередко заявлял о том, что какой ловкий трюк

проделали реакционеры с Нечаевым, с легкой рукой Достоевского и его омерзительного, но гениального романа “Бесы”, когда даже революционная среда стала относиться отрицательно к Нечаеву, совершенно забывая, что этот титан революции обладал такой силой воли, таким энтузиазмом, что и в Петропавловской крепости, сидя в невероятных условиях, сумел повлиять даже на окружающих его солдат таким образом, что они всецело ему подчинялись» (7). Здесь надо подчеркнуть, что Ленин во многом дистанцировался от Нечаева, и, в частности, от применявшегося им метода провокации по отношению к своим соратникам.

Достоянием новейшей российской ленинианы стали и дневники «разочарованного коммуниста» Н. Орлова. В частности, в октябре 1921 года он сделал такую запись: «Сам Ленин, не способный превратиться в своекорыстного жулика, будет скоро уничтожен и выброшен вон. Очищая свою придворную партию от всех демократически мыслящих и порядочных идеалистических элементов, оставляя своей лейб-гвардией низких карьеристов из бывших коммивояжеров и писцов, и тупых, на всё озлобленных элементарных громил из остатков дегенеративного русского пролетариата, Ленин роет себе яму...» (8).

В 1992 году в России публикуются мемуары Р. Гуля «Я унес Россию», опубликованные сначала в 1979 году «Новым журналом», в которых он вспоминал о юмористически выраженном, но исторически и философски глубоком вопросе критика Е. Лундберга: «Кому в истории русской революции придётся подвинуться – Ленину или плетню?». Когда-то, в начале своей деятельности, в книге «Что делать?» Ленин писал: дайте нам организацию революционеров, и мы перевернём Россию. История распорядилась таким образом, что «организация революционеров» пришла к власти и приступила к «переворачиванию» крестьянской России. По существу, Лундберг задавал тот же ленинский вопрос «кто кого» – ленинский большевизм «перевернёт» Россию или она «перевернёт» и отодвинет большевизм? Гуль вспоминает, что, по мнению Лундберга, «подвинуться» придётся Ленину, хотя он того или нет. Гуль же думал, что победил все-таки Ленин, а не «плетень». Однако Г.З. Иоффе не согласен с этим мнением и считает, что прав Лундберг, поскольку последние статьи Ленина и его знаменитое «Завещание» – это плод растерянной, мятущейся мысли. Если в 1902 году Ленин знал, что делать, то теперь это знал Сталин. А потом и сталинский и последующий большевизм окажутся так перевернуты, что от ленинских, октябрьских идей

там мало что останется. Он глубоко впитал в себя шовинизм, бюрократическую государственность, великодержавную идею, т.е. всё худшее, что характеризовало старый российский режим (9).

В постсоветской России появляется и ряд работ, связанных с «альянсом германских военных и дипломатов» с большевиками. В 1994 году писатель Виктор Кузнецов публикует в переводе с английского избранные страницы из сборника под редакцией Зденека Земана «Германия и революция в России. 1915–1918. Документы из архивов Министерства иностранных дел Германии», опубликованного ещё в 1958 году в Лондоне, и противопоставляет его другим подобным работам, появившимся на Западе, в частности, книге Вернера Хальвега «Возвращение Ленина в Россию в 1917 году», вышедшей в Голландии годом раньше и переизданной в 1990 году в Москве (10). Указывая на публикации в эмигрантских изданиях, а также в немецком журнале «Stern» (1993, № 11) документов РГАСПИ о перечислении 18 июля 1917 года в Кронштадт на счёт Ленина немецких марок, Кузнецов всё-таки заключает, что прямых документальных данных о сотрудничестве Ленина с немецким Генеральным штабом пока не обнаружено (11).

Переходя к новым архивным публикациям из рассекреченных российских архивов, отметим цикл интересных публикаций в альманахе «Неизвестная Россия. XX век» (12). Однако принципиальное значение имеет вопрос о нашумевших и вызвавших большую дискуссию текстах из архивного фонда Ленина. В течение многих десятилетий они оставались строго засекреченными и совершенно недоступными исследователям. Сначала эти документы публиковал везде, где только можно было, с тенденциозными комментариями историк и журналист А. Латышев (13). Затем за дело взялся американский профессор Р. Пайпс. Правда, до сих пор непонятной является, к примеру, история, связанная с приоритетной публикацией им в 1996 году переведённого на английский сборника документов «Неизвестный Ленин. Из секретного архива» (14), осуществленного по документам РГАСПИ. Всё ещё является загадкой и столь длительная пауза с выходом русской версии этого издания. Позволим себе предположить, что дело связано с позицией её составителей Ю.Н. Аммиантова и Ахапкина, что между строк можно «прочесть» в неожиданно помещённом в «Свободной мысли» послесловии В.Т. Логинова «Несостоявшаяся сенсация» к неопубликованному до сих пор русскому изданию тех же документов (15).

Судя по всему, Логинов явно писал не для параллельной американской версии подборки документов из архивного фонда Ленина. Но тогда к какой? Пока трудно судить. Быть может, его послесловие не устроило руководство РГАСПИ и стоящего над ним руководства Росархива? Однако если учесть что в Собраниях сочинений Ленина, «Ленинских сборниках», «Декретах Советской власти» и «Биографической хронике» опубликованы десятки тысяч документов, то 70 публикаций Латышева, или 122 документа сборника Пайпса, или лишь немногим более 400 – пока не вышедшего сборника РГАСПИ, действительно могут показаться не столь значительными. По многим вопросам, затронутым в них, мы не находим ничего принципиально нового в сравнении с той информацией, которую давали прежние фундаментальные издания. Для тех, кто всерьёз занимался изучением данных проблем, они не представляют той сенсации, которую искусственно пытались раздуть для непосвящённых.

И тем не менее, по мнению Логинова, ценность ранее засекреченных документов несомненна. Они освещают ряд сюжетов, которые раньше вообще исключались из официальных изданий. Это касается, в частности, некоторых финансовых вопросов, связанных с деятельностью РСДРП в дооктябрьский период: переписка о «наследстве Н.П. Шмита» (1909–1911 годы), с К. Каутским, К. Цеткин и Ф. Мерингом о деньгах, переданных им на хранение большевиками. Особую группу документов составляет «дело Малиновского» (1914 год), избличенного позднее в связях с охранкой, а также переписка с Инессой Арманд, запрет на которую в прежние времена можно объяснить лишь ханжеством составителей Полного собрания сочинений. Однако основная масса материалов относится к послеоктябрьскому периоду: письма, телеграммы, записки и другие документы, которые дополняют, а иногда существенно корректируют прежние представления о некоторых событиях Гражданской войны и первых лет нэпа. Проблема заключается в характере интерпретаций, которую нам представили те, кто первым, законно или незаконно, получил доступ к новым документам. Анализ этих интерпретаций может составить отдельную книгу. Наша же задача заключается в том, чтобы зафиксировать разницу методов подачи и препарирования документов.

К примеру, среди трёх десятков писем Ленина И. Арманд, включенных в опубликованный сборник Пайпса и неопубликованный – РГАСПИ, одно письмо от 6 (19) января 1917 года со-

держит фразу: «Насчёт “немецкого плена” и прочее все Ваши опасения чрезмерны и неосновательны. Опасности никакой». Пайпс усматривает в нём, наконец-то, найденное подтверждение «контактам Ленина с германцами». Логинов же предлагает поставить данное письмо в контекст всей переписки, в том числе и давно опубликованной в 49 томе Полного собрания сочинений. И тогда получается, что сначала 3 (16) января 1917 года Ленин пишет Арманд о слухах относительно возможности вступления Швейцарии в войну. В этом случае Женеву, где находилась Арманд, займут французы. Что же касается Цюриха, где жил в это время Ленин, то тут возникала опасность немецкой оккупации. Впрочем, он полагал, что покидать Цюрих нет необходимости, ибо «война невероятна». В ответном письме Инесса, очевидно, писала, что Ленин недооценивает опасности интернирования и «немецкого плена», а поэтому надо думать о переезде. Вот Ленин и написал ей 6 (19) января, что «Насчёт “немецкого плена” и прочее все Ваши опасения чрезмерны...». Таким образом, не о связях с немцами шла речь, и поспешное предположение Пайпса оказывается абсолютно несостоятельным (16).

Другой пример касается публикуемой Пайпсом записки Ленина, которая якобы инициировала начало массового «красного террора». Основанием для датировки стало следующее её содержание: «Я предлагаю тотчас образовать (для начала можно тайно) комиссию для выработки экстренных мер (в духе Ларина: Ларин прав). Скажем, Вы + Ларин + Владимирский (или Дзержинский) + Рыков? Или Милютин? Тайно подготовить террор: необходимо и срочно. А во вторник решим: через СНК или иначе». Поскольку декрет о «красном терроре» был принят 5 сентября 1918 года, то эта записка отнесена Пайпсом к 3 или 4 сентября того же года. Логинов ставит ряд резонных вопросов. Во-первых, автор записки (Ленин) в эти дни после ранения находился на постельном режиме и никаких записок не писал. Во-вторых, почему записка адресована Н. Крестинскому, с августа 1918 года являвшемуся наркомом финансов? Почему в состав комиссии, связанной с террором, предлагались Рыков и Милютин, руководившие ВСНХ? Наконец, какое отношение к разработке террористических мер мог иметь Ю. Ларин, занимавшийся вопросами сугубо хозяйственной жизни? (15). Совсем по-иному датирует и комментирует эту записку Латышев. Он почему-то вообще называет её «обобщающей» для конца Гражданской войны и относит к 1920 году (17).

Наконец, В.Т. Логинов коснулся болезненных вопросов, связанных с красным и белым террором. Он предлагает учитывать не только тип и характер документов – например, декрет, постановление или же сугубо личная записка, но и практические последствия, к которым привел данный документ. К примеру, многократно цитируется телеграмма Ленина пензенским руководителям от 11 августа 1918 года с требованием «непременно повесить» кулаков – организаторов мятежа, а для этого найти «людей потвёрже». Что же произошло на самом деле?, – спрашивает Логинов. Ведь еще в конце апреля 1918 года Ленин предполагал возможность мирного получения хлеба из деревни с помощью товарообмена. А чуть ли не через неделю он ставит на СНК вопрос о введении продовольственной диктатуры. Дело в том, что относительная, хоть и минимальная стабильность продовольственного снабжения Центральной России обеспечивалась хлебом Украины, Поволжья, Сибири и Северного Кавказа.

Однако в конце апреля на Украине германские оккупанты привели к власти гетмана Скоропадского. Путь для украинского хлеба был перекрыт. В мае восстание чехословаков отрезало от Центра Сибирь и часть Поволжья. К июлю были блокированы все линии, связывавшие Москву с Северным Кавказом. Элементарные расчёты, сделанные Наркомпродом, показывали, что в этой ситуации в Москве и Петрограде на одного человека придется лишь 3 фунта хлеба (1 кг 200 г) в месяц, да и то лишь за счет полной выкачки зерна в потребляющих центральных губерниях. Иными словами, речь шла о жизни десятков и сотен тысяч горожан.

Важную роль в планах Советской власти по снабжению городов должна была сыграть, в частности, Пензенская губерния, где, по данным Наркомпрода, существовали определенные резервы хлеба. Сюда направили уполномоченного ЦК Евгению Бош, продотряды из столицы. 5 августа в селе Кучки Пензенского уезда вспыхнул вооруженный мятеж. Пятеро продармейцев и трое членов сельского комитета бедноты были зверски убиты. Отсюда волнения перекинулись на четыре наиболее богатых уезда. И если учесть, что Восточный фронт находился в этот момент всего в 45 километрах, то станет очевидной вся серьезность положения.

По мнению Логинова, отчасти это и объясняет тон ленинских телеграмм и писем в Пензу, требовавших «вешать» зачинщиков мятежа, «твёрдости» и «беспощадного массового террора». В село

Кучки из Пензы направили отряд, который арестовал 13 непосредственных участников убийства и организаторов восстания. Всех расстреляли. В другие уезды и волости направили агитаторов. После сходов и митингов, на которых разяснялась продовольственная политика Советской власти, волнения крестьян удалось прекратить.

Второй важный пример – записки Ленина Э. Складанскому, относящиеся к концу 1920 года и связанных с действиями белого офицера С. Булак-Балаховича. Сформированные им в прибалтийских государствах при помощи Б. Савинкова несколько вооруженных отрядов совершали «рейды» на территорию Белоруссии и Украины. По свидетельствам самого Савинкова, а также берлинского «Голоса России», отряды Балаховича повсюду оставляли следы грабежей, убийств, пыток невинных людей, изнасилования женщин, в том числе 12-летних девочек. В городах Плотница, Кременец, в Ковельском и Пинском уездах разграблялись, поджигались еврейские дома и квартиры, всякого еврея, показавшегося на улице, убивали.

После получения очередной информации с описанием зверств банд Балаховича во время заседания Совнаркома Ленин и написал заместителю председателя Совнаркома: «...Постараться наказать Латвию и Эстляндию военным образом (например, “на плечах” Балаховича перейти где-либо границу хоть на одну версту и повесить 100–1000 их чиновников и богачей)...». В другой записке Складанскому он предлагает под видом «зеленых» вторгнуться на 10–20 вёрст на территорию занятую противником и перешептать «кулаков, попов, помещиков. Премия: 100 000 руб. за повешенного». Нет никаких сомнений в жестокости и неприемлемости подобных методов, но нельзя забывать, что они родились в расколотом обществе, в условиях Гражданской войны, ход которой диктуют совершенно иные законы и правила.

В ноябре 1920 года северо-западнее Мозыря частям Красной Армии удалось нанести серьезное поражение бандам Балаховича, а 5 декабря из Польши было получено сообщение, что остатки армии Балаховича перешли на польскую территорию, где были немедленно разоружены поляками в присутствии представителя Советской России, специально для этого прибывшего. Савинков же отказался от Балаховича. Таковы были практические последствия указаний Ленина.

К сожалению, российскому читателю практически неизвестна дискуссия, которую вызвал сборник Пайпса в США. Между тем,

он был оценён, как «ничего особенно нового не вносящий в историографию» (18), поскольку многое было известно и до того, но не имело точных ссылок. Со специальной статьей по поводу сборника Р. Пайпса выступил и известный в России американский историк Александр Рабинович. Он начал свой анализ замечанием о том, что перед нами не неизвестный, а как раз очень знакомый Ленин, и те, кто знает предыдущие работы Пайпса, без труда узнают пайпсовскую характеристику Ленина, т. е. человека, ответственного за революцию, за Сталина и сталинизм, являвшегося примером для Гитлера и Муссолини. Словом, новый сборник – продолжение длительного «крестового похода» Пайпса с целью демонизации Ленина» (19).

Рабинович критикует редактора сборника за введение, состав, комментарии, которые пронизаны «крайне враждебным» отношением к Ленину и концентрацией внимания на тёмных сторонах личности вождя. Те же немногие документы, которые все-таки показывают Ленина в выгодном свете, не сопровождается никакими комментариями.

Показывая на конкретных примерах слабую информативность сборника, ставку на те документы, которые уже давно были обсуждены западными историками (в частности, стенограмма выступления Ленина на IX партконференции в сентябре 1920 года по поводу советско-польской войны, записка Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 года об использовании отчаянного положения голодных крестьян для уменьшения влияния церкви, которая была выкрадена и опубликована в 1970 году в Париже и др.), критик «ловит» составителя на тех сторонах комментариев, которые идут гораздо дальше самих документов (20).

А.А. Майсурян, комментируя записку Ленина от 19 марта 1922 г. по поводу событий в Шуе, где верующие силой воспротивились изъятию из храмов церковных ценностей для помощи голодающим, отмечает, что, по мнению Ленина, «Никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст властям необходимого сочувствия широких крестьянских масс». Оправдывает же своего героя Майсурян несколько экстравагантно: «Такое рассуждение – “надо извлечь пользу из голода” – может показаться шокирующим на современный взгляд. Но оно было вполне в духе тех лет, когда даже в голоде и людоедстве умудрялись находить какую-то новую, небывалую грань свободы» (21).

Смена знаков

Метаморфозы судьбы неизвестных ленинских документов дополнились отчетливой и чуть ли не массовой сменой знаков у ряда известных в «застойные» и даже в «перестроечные» времена историков, выступавших с вполне ортодоксальных марксистских позиций (22). Как справедливо отмечает В.П. Булдаков, они вдруг сделали себя специалистами по большевистскому «тоталитаризму» (23), а приукрашивавшие «военный коммунизм» (24) и творческий потенциал рабочего класса, якобы преуспевшего в руководстве государством (25), теперь стали осуждать Ленина, противившегося углублению нэпа и вообще повинного во всех грехах советской системы (26).

Следует также отметить, что формирование Лениным советской политической системы в последние годы являлось главным предметом исследований Е.Г. Гимпельсона. Но по существу за очень короткие сроки он успел пересмотреть все свои прежние взгляды. К примеру, в 1989 году он ещё писал о том, что советское государство создавалось на основе фундаментальных ленинских принципов: полновластие советов, всемерное участие трудящихся в управлении, союз рабочего класса и крестьянства, равноправие граждан. И процесс становления однопартийной системы развивался естественным путём, т. е. партия большевиков с самого начала предлагала мелкобуржуазным партиям сотрудничество на советской платформе, однако те предпочли вместе с открытой контрреволюцией вести войну против советской власти. По Гимпельсону, не любые формы выступления «антисоциалистической оппозиции», а именно вооружённые определили её судьбу, да к тому же в момент исключения правых эсеров и меньшевиков из советов в июне 1918 года их там оставалось-то немного, да и разуверившиеся в этих партиях трудящиеся редко отдавали им предпочтение (27). Однако в монографии «Формирование советской политической системы», опубликованной в 1995 году, тот же автор уже приводит иного рода факты, показывая, что в крупных городах, промышленных центрах эти партии продолжали иметь значительное число голосов в советах, а большевики, опираясь на государственный аппарат, систематически подавляли своих социалистических оппонентов (28).

Безусловно, самым крупным событием в историографии нашей проблемы стал выход в 1994 году массовым тиражом двух-

томника Д.А. Волкогонова «Ленин». Уже на первых страницах книги автор определяет черты своего героя:

- «а) мощный, но циничный интеллект,
- б) огромная сила воли в оправе безнравственности,
- в) безапелляционность и нетерпимость ко всем, кто не разделяет его взглядов,
- г) мышление его было сильным, гибким, изощрённым, коварным,
- д) Ленин был по происхождению и по сути космополитом» (29).

Затем почти сразу следовала характеристика учения Ленина: он верно вскрыл пороки человеческого бытия; но земное счастье считал возможным творить на крови, насилии, несвободе; центральная идея – создание мощной революционной организации, партия – главный элемент нового государства. Однако ленинизм потерпел историческое поражение, материализация ленинских идей привела к огромному историческому отставанию.

Смысл основного постулата этой книги состоял в следующем: «Ленин не был великим мыслителем. Ни один эпохальный прогноз Ленина не оправдался. А это – исторический приговор для человека, которого считали гением. Сейчас я перечитываю его философские работы, они довольно примитивны» (30).

Общественная и сугубо научная реакция, которую вызвала книга Волкогонова, сегодня приобрела самостоятельное значение. Поэтому попробуем рассмотреть содержание откликов и критики в адрес волкогоновского сочинения более подробно.

Одной из первых попыталась упредить характер обсуждения известная диссидентка 70-х годов Д. Штурман. «Либеральный» поворот Волкогонова в подходе к Ленину она попыталась объяснить вполне «реально-политическими» соображениями. Правда, она оспорила утверждение Волкогонова о том, что духовная и политическая деятельность Ленина не могла быть распознана в СССР. По мнению Штурман, новые документы в принципе не изменяют облик Ленина. Согласно её интерпретации, Волкогонов, изображающий себя «сталинистом-идеалистом», пытается завуалировать то, что он и сам способствовал сокрытию от публикации упомянутых документов о Ленине и Сталине. Штурман цитирует множество ранее опубликованных в СССР документов, из которых однозначно выясняется, что во время Гражданской войны Ленин крайне последовательно применял средства террора и использовал такую форму массовых репрессий, как взятие заложников, и, если кто-то с мнимой наивностью утверждает, что

узнал об этом лишь в наши дни, то вряд ли это может быть принято всерьёз (31).

Что касается первой реакции на книгу Волкогонова в России, то уже в рецензии обозревателя «Комсомольской правды» А. Монова с неприкрытой иронией писалось о том, что оказывается «Ленин всю жизнь был тунеядцем и жил на чужие деньги, никогда не любил русских... Основная идея автора такова: Ленин не был ни гением, ни богом. И если второе относится целиком к области теологической и какому-либо научному опровержению не поддаётся, то первая посылка (“Ленин не был гением”) принадлежит области филологической. Проблема заключается всего лишь в выборе правильного эпитета, который (выбор) целиком зависит от личных симпатий говорящего. Из ряда “гениальный, великий, крупнейший революционер XX века” Волкогонов выбирает последнее определение и доказывает верность своего предпочтения на протяжении двух томов». Далее рецензент обратил внимание на тенденциозность художественного оформления произведения. Если первый том украсила традиционная фотография «мудрого вождя, благодетеля народов», то на обложке второго тома было помещено изображение «полубезумного революционера незадолго до смерти». Видимо, такой, делается вывод, была «эволюция взглядов Волкогонова по отношению к объекту описания» (32).

Через месяц резко отрицательная оценка книги появилась в «Правде». «Когда лают на слона, он кажется более великим», — так назвал свою рецензию Л. Оников. Подробно разобрав основные сюжетные линии, автор пришёл к следующему выводу: «Несмотря на шумный анонс, гора, как говорится, родила мышь. К тому же очень серую и опасную». Что же касается первоисточников, которыми так кичился генерал, то, по мнению Оникова, даже арифметически доказывается «бесчестность Волкогонова, а его угроза низвергнуть Ленина какими-то замурованными, неведомыми доселе документами, рассчитана на простачков». Рецензент взял главы, относящиеся непосредственно к Ленину, его деятельности в «период революции и Гражданской войны», и показал, что из 520 ссылок на архивные источники неопубликованных только 152, а давно опубликованных, известных — 368. Причём, в число «неопубликованных» попали записка Ю.В. Андропова в ЦК от 1975 года о сносе дома Ипатьева в Свердловске (причём тут Ленин?), доклад Берия Сталину 1949 года о высылке из Закавказья «всяких турков» в Сибирь, бытовые детали о ремонте

квартиры Ленина, частота его пульса после ранения и другие подобные банальности. Таким образом, новые документы, которые вынесены на свет Волкогоновым, получившим доступ к ним на правах придворного летописца», ничего принципиально нового к облику Ленина не добавляют. Оников обвинил автора даже в безнравственности, сказав об «откровенно злобной тональности» книги, о позорной трактовке «кровей» и др. Словом, «прикидываясь верующим», Волкогонов «на деле поступает как антихрист. Христианин не может так поступать» (33).

В пространной рецензии для американского журнала «The Nation» Р. Медведев также подчеркнул непосредственную связь между «наивным морализирующим тоном» биографии Ленина и политической функцией Волкогонова, когда тот являлся военным советником Ельцина и был одним из руководителей вооруженного разгрома российского парламента, а также вместе с Р. Пихоя и Н. Покровским возглавлял правительственную комиссию по рассекречиванию архивных документов (34).

В этом же журнале, в том же номере был опубликован отзыв на книгу и профессора Колумбийского университета Марка ван Хагена, показавшего происхождение волкогоновской биографии Ленина из атмосферы «холодной войны»: «...Истории Волкогонова и Пайпса немного отличаются от более враждебной ориентации поколения холодной войны, однако идеологически эти два автора, может быть, даже грубее своих предшественников» (35).

В.П. Булдаков обратил внимание на то, что, доказывая многие черты политического поведения Ленина, Волкогонов ломится в открытую дверь. То, что ленинизм несовместим с парламентской политической культурой, было ясно давно, тем более, что и сам Ленин этого не скрывал. Булдаков предлагает анализировать другую сторону проблемы, другую «загадку большевизма», которую почему-то почти никто не видит: «Почему Ленин, как сторонник европеизации России и проповедник доктрины европейского социализма, оказался изоморфен ходу и логике российской “смуты”? Почему этот на долгие годы оторванный от России политик стал харизматической фигурой?» (36).

И Ленин, и Троцкий с самого начала полагали, считает и этот оппонент Волкогонова, что революцию нельзя делать в белых перчатках – и у того, и у другого это была не апология аморализма, а готовность взять на себя «грех» революционной эпохи. Историки упорно не замечают этого и вообще мало кто отваживается соблюсти по отношению к ним беспристрастность, понять, что

«мы имеем дело не просто с палачами, а скорее с героизированными жертвами излома большого исторического времени». В период своего становления большевизм проявил себя через критику экономических противоречий старого строя. И в главном большевистские идеологи оказались правы: хозяйственное состояние общественного организма вошло в противоречие с социальными надеждами и требованиями народа. Но в практической деятельности «победители» старого строя обнаружили себя утопистами. В деятельности Ленина «легко обнаружить черты догматика и политического фантазёра, бесстрастного “врачевателя” больного общества и эмоционального проповедника». Не всем исследователям, за редкими исключениями (37), по мнению Булдакова, это «соединение несоединимого» удастся увидеть и понять. Автор показывает это на хрестоматийных штампах.

К примеру, обычно ленинские надежды на «ум, честь и совесть эпохи» подлежат осмеянию. Но эта формулировка скрывала за собой отчаяние радикального западника перед неспособностью тогдашней европейской демократии избавить человечество от ужасов войны и склонностью парламентских партий к карьеристскому перерождению. Участь насмешек сопровождает ленинскую «кухарку», которой надо было научиться «управлять государством». Сегодня же всё более очевидно, что без развитой способности к самоуправлению и контролю над «верхами» современное общество становится плутократическим источником всеобщей опасности. Странная судьба и у лозунга «учиться коммунизму». Но если признать, что история – обучающий процесс, а не поле политиканствующего морализаторства, то придётся согласиться, что указание Ленина на необходимость овладения всем культурным богатством прошлого – это вовсе не специфически коммунистический, а естественный общечеловеческий лозунг, подсказанный скорее не Марксом, а системой классического образования.

Между прочим, Ленин никогда не говорил, что каждая кухарка должна управлять государством. Он лишь говорил о необходимости готовить кадры для управления из неимущих слоев населения в статье «Удержат ли большевики государственную власть?», опубликованной 1 (14) октября 1917 г.: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. И в этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести

будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось созидательными рабочими и солдатами и чтобы начато было немедленно, т. е. к этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» (38). Как легко убедиться, смысл действительно написанного Ленина прямо противоположен смыслу той фразы, которую ему обычно приписывают недоброжелатели: «Любая кухарка может управлять государством».

В.П. Булдаков заключает: «Большевизм – это вовсе не грандиозный исторический обман, а достаточно обычный для XX в. самообман, который стал источником не преодоленного до сих пор иллюзорного исторического сознания. Лидеры большевизма, путая временную конъюнктуру с ведущей тенденцией, полагали, что идут столбовой дорогой человечества, а тем временем загоняли Россию в тупик имперской автаркии и государственного индустриализма архаичнейшего типа. Они же, думая, что ведут борьбу за мировую революцию, выступали генераторами обычного для России “смутного времени”. Надеясь на самый «передовой» и высокоморальный класс, большевики на деле идейно вооружили маргиналов и социальных аутсайдеров. Наконец, полагая, что пробуждают “разум” наиболее сознательной, но малочисленной части общества, большевики на деле высвободили подсознание традиционалистской и численно преобладающей массы населения» (39).

Для венгерского историка Т. Крауса книга Волкогонова стала своеобразным плодом «исторической» публицистики, где не соблюдаются никакие законы исторического исследования, а порой и элементарной логики, и где Ленин – лишь предлог для пропаганды автором своих «демократических» политических взглядов. Такой «поворот» в лениниане «является и проявлением исторически обусловленного психологического замешательства, в котором сложные русские (и не только русские) феномены “прозрения”, “обращения”, “покаяния”, “грехопадения” и “отпущения грехов” смешиваются с соблазнительными “стимулами”, идущими из сферы современной политики и рыночной конъюнктуры. “Защита” Волкогонова ссылкой на обнаружение множества новых документов, например, о деятельности Ленина во время гражданской войны, не представляется убедительной для оправдания сделанного им духовного поворота» (40).

Пожалуй, самый обстоятельный разбор книги «Ленин» проделал Н.И. Дедков. Спокойно и обстоятельно, без привнесения какого-либо идеологического контекста, он проанализировал замысел и методологию исследования генерала, структуру, композицию и способы аргументации, словом, всё то, что является свидетельством профессионального уровня любой исторической работы. «Книга Волкогонова, – отметил Дедков, – по сути дела, представляет собой длинный мелочный счет, выписанный Ленину. Всё включено – и “картежная терминология”, и “заразительный пример”, и преступления Сталина, и застой времён Брежнева. Всё негативное, отталкивающее в истории Советского государства, что только можно было найти, собрано, подсчитано и вменено в вину Ленину. И не беда, что для доказательства причастности Ленина ко всем бедам России не хватает фактов – аргументы подменила пламенная речь уверенного в собственной правоте “патриота-демократа”. И стиль выбран соответствующий: вычурный, с претензией на красоту и, одновременно, на философскую глубину... Избери автор традиционный научный стиль – и вся его беспомощность как историка тотчас вышла бы наружу» (41).

Дедков понимает, что официальные биографы советского периода были не более объективны, чем Волкогонов, но принудительная сила господствующей идеологии не позволяла им писать иначе. Однако почему сейчас создаются подобные книги? Ответ предлагается искать в плоскости выгоды, выгоды решать не научные задачи, а внедрить в сознание людей некоторые идеи, важные для власти. И подтверждением этому является тот факт, что на какое-то время общий историографический процесс стал сильно осложняться попытками узаконить, как официальный, волкогоновский подход к Ленину и революции.

5 ноября 1994 года в Москве при непосредственной поддержке президента РФ и правительства Москвы прошла научно-практическая конференция «Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России». В обсуждении доклада главы администрации Президента РФ С. Филатова приняли участие А. Яковлев, Д. Волкогонов, А. Емельянов, В. Костиков, Ю. Карякин и др. Их речи носили сугубо обличительный по отношению к Ленину и большевизму характер. Призыв академика П.В. Волобуева оставаться на позициях науки был просто-напросто проигнорирован. Спустя год материалы конференции были изданы под тем же названием, что и конференция (42) и самым серьёзным образом проанализированы Е.Г. Плимаком. Отметим некоторые места

в анализе проблемы, которые обнаружили слабость позиции авторов сборника. Прежде всего речь идёт о центральном тезисе А. Яковлева и А. Салмина о том, что Россия благодаря стараниям Ленина зашла «не туда» в 1917 году и большевики столкнули страну со «столбовой дороги цивилизации», «универсального мирового пути развития» (43). Это утверждение Плимак легко снимает тезисом об историческом тупике, в котором оказался весь «цивилизованный» Запад и такие его ведущие политики как Вильсон, Клемансо, Ллойд Джордж, вступив в Первую мировую войну, за которой последовали Версальский передел мира, Великая депрессия 1929–1933 годов, наконец, Вторая мировая война (44).

Октябрьская революция выросла не из ленинской «неуёмной жажды власти», как утверждает Яковлев, и не из робеспьеровско-ленинской «похоти власти», как говорит Волкогонов (45), а из бездеятельности Временного правительства, как поначалу буржуазного, так и последующего коалиционного, которое ни в одном пункте не пошло навстречу народным требованиям мира, земли, хлеба. «К величайшему сожалению, – пишет Плимак, – из-за привычных в России дрызг социалистов страна не увидела “однородное социалистическое правительство”. Учредительное собрание, отказавшееся признать декреты Советской власти, большевики просто разогнали. Блок большевиков с левыми эсерами не выдержал Брестского мира, продовольственной политики большевиков. В России началась круговерть Гражданской войны...» (46).

Анафема или критика?

Несмотря на противодействия определённых политических сил продолжался выход книг, в которых проблемы ленинизма рассматривались в сугубо научном ключе. В частности, ему следуют екатеринбургские авторы сборника «Ленинизм и Россия», изданном на Урале в 1995 году, которые провозгласили для себя следующую установку: «Большевизм нуждается в имманентной критике, а не в предании анафеме» (47). Авторы пытаются осмыслить марксизм, как результат взаимоувязанного развития русской и западноевропейской культуры XVIII–XIX веков и диалогического характера их взаимодействия. В. Скоробогатский, к примеру, фиксирует процесс «марксизации пролетарского движения» в Европе и России, равно как и «идеологизацию марксизма, превращение

его в религию коммунизма»: «Сами Маркс и Энгельс, как могли, препятствовали этой разрушительной тенденции, что и предопределило их отход от практической работы после 1872 года». Тем не менее процесс шёл, приводя «к отрыву марксовской теории социализма от действительности», вместе с тем шло «обратное развитие социализма от науки к утопии» (48).

В свою очередь К. Любутин подмечает узость преимущественно политического прочтения Лениным произведений Маркса, непонимание «противоречивости научного элемента марксизма», низведение нравственности до роли простой служанки политики. Однако автор настаивает на том, что Ленин не являлся «примитивным» философом, что он «наращивал философский потенциал» (49).

Не устаревает, по мнению В. Шевченко, и ленинское понимание процесса развития капитализма в России – от признания «однородности» наших экономических порядков с западными до осознания «особости» самого типа капиталистической эволюции в России: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня, незавершенность аграрной революции – при наличии верхушек самого передового промышленного и финансового капитализма. Автор констатирует, что историческая эволюция российского капитализма, в отличие, например, от прусского, «не смогла вписаться в рамки догоняющего или форсированного типа развития». Наблюдалось не столько подчинение отсталой деревни высокоразвитому капитализму, сколько их «симбиозное существование». Органического вызревания капиталистического уклада в стране не получалось, а решение задач буржуазно-демократической революции стало уделом «не третьего, а четвёртого сословия». Решение было определено конкретным ходом исторических событий – в пользу социалистического выбора. Но поскольку революционная теория большевиков была по своей направленности предельно антикапиталистической, постольку она «с неизбежностью привела в скором времени к ликвидации как собственно капиталистических отношений, так и зачатков гражданского общества и правового государства. Вместо диалектического снятия получилось их голое отрицание. Трагические последствия этого обстоятельства для страны обнаружились очень скоро» (50). Той же позиции придерживается и А. Гайда (51).

А. Иванов и Н. Остраков подчеркнули сциентистскую направленность русского нигилизма, что облегчило затем принятие «научного коммунизма» Маркса, причём имела место и «корреляция

между утверждением марксизма в качестве одной из господствующих ориентации и развитием капитализма в России» (52).

Рассматривая переход большевизма от теории к практике, А. Гайда анализирует исторические корни вызревания тоталитаризма в советской стране и абсолютизации феномена власти. Он также затрагивает проблему террора, апеллируя к известным ленинским распоряжениям 1917–1919 и 1922 годов (53).

Статья О. Русаковой «Ленинская модель большевизма» по существу сведена к перечню ряда его признаков: нетерпимость к родственным социал-демократическим и эсеровским партиям, крайняя централизация и железная дисциплина – как организационные принципы РСДРП(б) и РКП(б), единообразие в её мышлении, ставка на мировую революцию и т. д. Интерес представляют размышления С. Мошкина об истоках двухплановости, «дуализма» внешней политики большевиков: ориентация Коминтерна и командного состава РККА на «мировую революцию» (доходившую порой до прямой пропаганды «экспорта революции») и ориентация Советского государства на мирное сосуществование с капитализмом. Так в конфликте Г. Зиновьева и Г. Чичерина Ленин в 1921 году взял сторону последнего, но переломить широко распространившееся «революционное мессианство» оказался не в состоянии. Его проявления уже после смерти Ленина сказались в целом ряде конфликтов (54).

Но вот, что примечательно. Если философы из Екатеринбурга пытаются спокойно и критически переосмысливать ленинское теоретическое наследие, оставляя многие вопросы открытыми для дальнейшей дискуссии, то ряду авторов современной философской учебной литературы, по которой в обязательном порядке обучается современное российское студенчество, всё ясно. Маркс создал социальную философию марксизма, Ленин усугубил её недостатки, а их последователи крайне вульгаризировали эту теорию, превратив её в разновидность религиозной веры, чем и довели до глубочайшего кризиса. Дающаяся оценка ленинского восприятия марксистской философии абсолютно политизирована и лишена намека на какие-либо размышления. Без всяких аргументов Э.В. Островский обвиняет Ленина в том, что тот использовал «не столько сильные стороны наследия Маркса, его последовательный материалистический детерминизм, сколько содержащиеся в нём слабости и недостатки, веру в чудодейственную веру идей», что «в отличие от других российских вариантов марксизма, например, буржуазно-либерального (П.Б. Струве, М.И. Туган-

Барановский), усвоивших позитивное содержание марксизма, его материализм, детерминизм, ленинизм, наоборот, взял на вооружение самую слабую сторону теории, его революционный радикализм, представление о диалектике как об учении исключительно о противоречиях развития, о классовой борьбе и революции» (55). По выражению же С.А. Левицкого, философа русского зарубежья, Ленин «построил марксизм в боевой порядок», «превратил присущий ему панлогизм в панполитизм» (56).

Парадоксальность ситуации состояла в том, что попытки перевести дискуссию о Ленине и его наследии в конструктивное русло предпринимались и многими зарубежными учёными, не воспринявших, судя по всему, конъюнктурного стремления свести всё к бессмысленному разоблачительству. Зарубежная «лениниана» после 1991 года пополнилась новыми изданиями. Кроме упомянутого Пайпса и анализируемых в следующих главах монографиях французских исследователей Франсуа Фюре, Клаудио Ингерфлома и др., здесь хотелось бы обратить внимание на две работы теоретического характера, вышедшие одна за другой в 1995 и 1996 годах.

Первая принадлежит перу Кевина Андерсона – «Ленин, Гегель и западный марксизм: критическое изучение». Автор попытался восполнить очевидные пробелы в изучении ленинской мысли, которое находится всё ещё в «зачаточном состоянии». Для этого он обратился к анализу «Философских тетрадей» Ленина. Американский историк приходит к парадоксальному выводу: ленинский образ мыслей серьёзно изменился после чтения Гегеля в 1914 году, можно было бы даже говорить о «гегелизации марксизма» в XX веке, если бы не было вопроса о том, как марксисты восприняли, а вернее, отвергли ленинские тетради (57).

Другая книга написана Нейлом Хардингом под кратким заголовком «Ленинизм». В ней даётся обзор важнейших ленинских идей, на основе которого доказывается тезис, что собственно ленинизм, как идейная система взглядов, сформировался в 1914–1917 годах под непосредственным влиянием Первой мировой войны. Поэтому основным ленинским сочинением является «Империализм, как высшая стадия капитализма». Автор противопоставляет это сочинение работе «Что делать?», считавшейся главной, но не являвшей теоретическую позицию марксизма, доминирующую во II Интернационале. Только после начала войны Ленин стал формулировать позицию, которая была альтернативой европейскому социализму, «предавшему идеи Маркса» (58). При-

мечательно, что в подчёркивании преемственности между марксизмом и ленинизмом Хардинг близок к Н. Валентинову, работы которого подробно разбирались нами.

В отличие от названных выше авторов в двухтомной, переведённой в России в 1997 году, и трёхтомной биографиях Ленина, написанных Л. Фишером и профессором Лондонского университета Р. Сервисом (59), была сделана попытка преодолеть тенденцию, которая преподносила Ленина по «кусочкам», отделяя политическую мысль от политической деятельности и постоянно вычлняя то и другое из более широкого исторического контекста (60).

Историческое сообщество России смогло также познакомиться с книгами тех зарубежных авторов, которые поднимали новые проблемы, связанные с Лениным. Среди них книги Абрахама Резника «Ленин: основатель Советского Союза» (2004) и Кристофера Рида «Ленин: революционная жизнь» (2005) (61). Французская исследовательница, историк и политолог Элен Каррер д'Анкокс в русском издании «Ленин» (2010) также стремится вырвать Ленина из «объятий» идеологических страстей, поместить его «в историю ушедшего века, который, хотим мы того или нет, находился под властью его идей и его воли» (62).

В 2008 г. увидела свет и книга Роберта Пейна «Ленин. Жизнь и смерть», написанная еще в 1964 г. Английский автор, по его собственному признанию, предпринял попытку провести грань между Лениным-легендой и Лениным-человеком, каким он был наяву, живым, одушевленным, с огромными возможностями, с такой энергией, что даже после его смерти людям казалось, будто он продолжает излучать ту же силу, лежа в мавзолее. При этом «это история сломленного, измученного, невероятно щедро одаренного природой человека, единственного в своем роде, которого без колебаний можно назвать политическим гением». Однако вот что происходит с главной идеей книги. Пейн декларирует: «В конце жизни, осознав, что пришлось претерпеть русскому народу и на какие невыносимые жертвы он обрек людей, утверждая свою диктатуру над ними, Ленин вынужден был признать свою ошибку: оказалось, он вел народ неверным путем. “Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России...” – произнес он; более честной эпитафии не придумаешь. Мало кто из властителей, оставивших свой след в истории, способен произнести покаянные слова такой силы» (63). Если же взять 45-й том Полного собрания сочинений В.И. Ленина и открыть страницу 356, то можно про-

честь следующее: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации...». Это было сказано 30 декабря 1922 г. и касалось одного частного вопроса, но Пейн «накинул» эти слова на всю жизнь и деятельность человека.

Начиная с 1991 года, происходит пересмотр знаковых и в то же время хрестоматийных для ленинской политики событий – Брестский мир, военный коммунизм, новая экономическая политика. В фундаментальной монографии Ю. Фельштинского «Крушение мировой революции» самым подробным образом рассматривается история Брест-Литовского мирного договора, подписанного 3 марта 1918 года советским правительством со странами Четверного союза. Известно, что он вызвал серьёзный политический кризис: одни в ленинском окружении утверждали, что Брестский мир – это удар в спину германской революции, другие – что это предательство России и её союзников. Для Фельштинского, в отличие от установившейся позиции в нашей историографии по этой проблеме, и те, и другие, каждый по-своему, были правы. «Вопрос об эволюции взглядов Ленина после его прихода к власти в октябре 1917 года, – отмечает автор во введении к книге, – и о тех целях, которые Ленин ставил перед собой до и после переворота, является, видимо, основным при изучении истории Брестского договора и связанного с ним более общего вопроса: о мировой революции» (64).

Однако Фельштинский сразу же предлагает вывод, который будет обосновывать на протяжении всего своего исследования: «Можно утверждать, что Ленин всю свою сознательную жизнь вел борьбу и, начиная примерно с 1903 года, – борьбу за власть. Труднее ответить на вопрос, нужна ли была ему власть для победы революции или же революция виделась средством для достижения власти». Но в любом случае для этого автора очевидно, что без понимания психологии и целей Ленина невозможно понять русскую революцию, так как без него, «человека с маниакальным мышлением... гениального тактика политической борьбы», партия большевиков не стала бы ведущей социалистической группировкой (65).

Другой проблемой, вокруг которой не затихают дискуссии, является проблема «Ленин и военный коммунизм», и главное в ней – тема об изначальной военно-коммунистической направленности политики большевиков. В.П. Дмитренко писал о «вели-

чайшей заслуге» Ленина, который весной 1918 года осознал необходимость опоры на созданные капитализмом формы хозяйства (66). О том, что весной 1918 года обнаружились черты политики, близкой к нэповской, пишут и В.П. Булдаков и В.В. Кабанов (67).

С.А. Павлюченков, наоборот, считает, что весенняя политика связана с ноуменальным существованием «Очередных задач Советской власти». Этот исследователь ставит вопрос: зачем советской историографии требовалось культивирование «Очередных задач» в особую статью начального периода большевистской власти? И не утруждая себя особыми доказательствами, игнорируя факты, которые не укладываются в его изначальную установку, отвечает: «для обоснования принципиального тезиса о том, что неприглядный военный коммунизм был вызван к жизни гражданской войной, а не наоборот, и в конечном счете переложить всю ответственность за войну на контрреволюцию» (68).

Весьма странным выглядит его спор не только с В.П. Булдаковым и В.В. Кабановым, но и с Г.А. Бордюговым и В.А. Козловым, также попавшим, на его взгляд, в «ловушки» «Очередных задач Советской власти» и утверждавшим, что «мирная передышка весны 1918 г., заключение Брестского мира позволили сделать первый черновой набросок долговременной экономической и политической программы, соединяющей устремленность к социалистическим целям с грубой прозой реальной действительности» (69). По мнению Павлюченкова, эти авторы чересчур поспешно расправились с противоречащими этой точке зрения аргументами. И он, намеренно опуская весь подробный строй фактов и аргументов своих оппонентов, которые предваряют ими любой свой вывод, противопоставляет им ту или иную цитату, без всякой аргументации и фактов. Посмотрим, как это делается.

Два историка, на основе обстоятельного рассмотрения множества фактов, делают ряд заключений о том, что «тенденция распространения уравнилельных “военно-коммунистических” мер из сферы потребления в сферу производства по сути дела блокируется установкой Ленина на восстановление сдельных форм оплаты труда», что идея поголовного объединения населения в потребительские коммуны «блокируется достигнутым весной 1918 г. компромиссом с руководителями кооперации», что ленинский проект партийной программы, в котором предполагалось «тотальное огосударствление всех сторон общественной жизни» перечеркивается его же замечанием: «Надо ли преувеличивать зна-

чение такого рода программ?» Товарообмен весны 1918 года оценивается как «мера весьма далёкая от будущей продовольственной разверстки» (70).

Всему этому Павлюченков противопоставляет цитату М.И. Фрумкина о том, что «вся постанова товарообмена исключала возможность проведения государством товарообменных операций». Но почему, из-за чего никак не объясняется, равно как и почему А.И. Свидерский 27 апреля в выступлении на сессии московских продовольственников сообщил о серии готовящихся проектов по организации крестьянской бедноты в то время, как утверждают Бордюгов и Козлов, до взятия немцами и гайдамаками Ростова и перекрытия каналов продовольствия с юга России, Ленин ни о какой продовольственной диктатуре речи не вёл. Таким странным образом проведя полемику, в итоге Павлюченков всё же подчёркивает: «В чем безусловно правы Бордюгов и Козлов, так это в том, что остановить Гражданскую войну было нельзя. Порожденная социальными противоречиями царизма и войной разруха рано или поздно толкнула бы город на деревню» (71).

Что касается нэповского периода, то здесь обращает на себя серьёзное внимание попытка историка-экономиста С.В. Цакунова продолжить изучение ленинской доктрины, но в аспекте её модификации. В его книге показывается, как под воздействием реальностей нэповского общества ленинское окружение вынуждено было изменять официальную доктрину и как последняя воздействовала на принятие ключевых экономических решений. Автор пытается соединить в своём анализе три подхода: доктринальный, когда изучаются публичные высказывания политических лидеров по тем или иным стратегическим вопросам; политологического, когда принятие тех или иных политических решений рассматривается с позиции взаимодействия интересов основных «играющих» на политическом поле социально-политических групп; социологического, когда производимые коррекции доктрины рассматриваются с точки зрения «обратной связи» от «низов» к «верхам» (72).

В анализе «доктринальных текстов» Ленина и наиболее ярких представителей его окружения выделяется базовый уровень доктрины, при которой следование ей непосредственно оценивается как принадлежность к политической группе. Все члены победившей партии большевиков являлись по принадлежности марксистами и стояли на позициях революционного марксизма. Этот базовый уровень был сформулирован в ленинской работе «Госу-

дарство и революция», а также второй программе партии, принятой на VIII съезде весной 1919 года. Этот уровень доктрины определял внешние рамки политического действия «вождей» и своим непосредственным результатом имел некоторые общие границы практического творчества по «строительству нового общества». В то же время этот уровень, пишет Цакунов, не позволяет понять мотивацию действий большевистских вождей и объяснить многие исторические события. Официальная доктрина имела свою «окраску» в устах каждого из близкого ленинского окружения, находившегося на вершине власти. Сравнение их высказываний позволяет обнаружить различные подтексты, реальные политические мотивации, представляющие соединение общественных и личностных устремлений. Поэтому так важно исследование неопубликованных рукописей и работ, хранящихся в архивах.

Кроме этого, автор внимательно прочитывает исправленные стенограммы речей и выступлений, резолюций партийных пленумов, конференций, съездов и сравнивает их с официально опубликованными. Добавим к этому пристальное внимание к комментариям, заметкам на полях. Всё это «позволяет легко увидеть, что марксистская фразеология на самом деле служила часто лишь внешней оболочкой, за которой скрывался второй, мотивационный уровень доктрины, призванный реализовать реальные устремления её авторов, в первую очередь в сфере властных отношений в обществе в целом и в узкой группе “вождей”» (73).

С.В. Цакунов предложил исследователям зафиксировать следующий вектор эволюции большевистской доктрины – до сталинской концепции социализма в одной стране. Уже осенью 1922 года у Ленина, как и у Бухарина, рождаются «элементы теории социализма “особого рода”», «государственного социализма». При таком строе на основе синтеза государственной собственности и власти, на базе предпосылок, созданных, с одной стороны, высоким уровнем органического строения капитала, требующего государственного вмешательства в экономическую жизнь, а, с другой стороны, являющихся результатом специфических «азиатских», «восточных» этатистских императивов, возникает особый правящий слой. Он вовсе не является функцией от потребностей «возрождающейся буржуазии», равно как и пролетариата, а есть «вещь в себе и для себя». Она не «перерождается» под влиянием импульсов, идущих из сферы «гражданского общества», а, наоборот, «перерождает», подминает под себя последнее (74).

Новая апологетика и оккультизм

В заключение главы необходимо хотя бы кратко зафиксировать ещё две новые тенденции в осмыслении фигуры Ленина. Во-первых, в постсоветских условиях резко поднялась, как реакция на волгогоновский поворот, новая волна апологетики Ленина. Её старт отчетливо просматривался в 1995 году на научной конференции «Ленин и современность», посвященной 125-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина. Она прошла 20 апреля в Государственном историческом заповеднике «Горки Ленинские» под эгидой Союза Коммунистических партий (СКП КПСС), общества «Ленин и Отечество», Ассоциации российских учёных социалистической ориентации. Направленность всей конференции была задана вступительным словом О. Шейнина, заявившего, что коммунисты никогда не уходили от ответственности за свои прошлые ошибки, «но нельзя забывать и о тех героических усилиях большевиков, которые под руководством Ленина совершили Октябрьскую революцию, одержали победу над фашизмом, подняли вместе с народом разрушенное народное хозяйство» (75).

С докладами выступили академик П.В. Волобуев – «Ленин о перспективах общественно-политического развития России», профессор Р.И. Косолапов – «Использование ленинского наследия для решения современных проблем», философ Б.Ф. Славин – «Антидогматизм Ленина». Другие же выступления – А. Харламенко, Н. Морозовой, В. Михайлова, В. Кузнецова, В. Хорунжего, Е. Лигачева, О. Ульяновой – свелись в основном к публицистике и резкой критике Е. Гайдара, Ю. Афанасьева, М. Захарова, А. Собчака, В. Солоухина, А. Латышева и других «клеветников» Ленина. В 1992 и 1995 годах вышли книги председателя Астраханского областного фонда защиты памяти Ленина В.А. Чебыкина, а в 1996 году появилась книга известного философа Ф.Д. Волкова под многоговорящими заголовками как всей книги – «Великий Ленин и пигмеи истории», так и глав – вроде «Ленин – величайший гений всех времен и народов» (76).

Другая книга в этом же ряду – работа преподавателей Барнаульского государственного педагогического университета В.Н. Гончарова и В.Н. Филиппова «Россия, Ленин и современный мир». Тон всей 460-страничной книге задается с первых строк Пролога: «Тема “Россия, Ленин и современный мир” будет всегда и в любой момент актуальна и необходима русским людям так же, как

всегда актуальна тема в сочетании Восток и Будда, Мекка и Магомет, Иерусалим и Иисус Христос. Но Россия и Ленин, помимо всего прочего, находятся в одной связи, как, например, Сократ и Древняя Греция, Леонардо да Винчи и эпоха Возрождения, Гегель и диалектический метод познания. Современный мир и Ленин неразрывны в контексте борьбы справедливого и несправедливого, добра и зла, лжи и правды, заблуждений и стремления к истине. Проблема Ленина – это не столько проблема конкретной личности, сколько вопрос всемирно-исторического значения мыслителя и творца Новой России и всего человечества. Правда, России и человеческому сообществу на планете Земля ещё предстоит дорасти до этого мыслителя, так же как дорастает оно до идей Будды, деяний Христа, пророчеств Магомета, учений Сократа, Гегеля, Маркса, Владимира Соловьева, В.И. Вернадского» (77). Авторы не пожалели гневных слов в адрес тех, кто «предает Ленина, а вместе с ним Россию и русский народ». В числе тех, кто вдохновлял и организовывал «антилениниану» называются имена Ю.Ф. Карякина, А.Н. Яковлева, Д.А. Волкогонова, В.А. Солоухина, А.И. Солженицына и др. И их методам анализа личности Ленина и его политического окружения, основанного на тенденциозном подборе фактов, был противопоставлен иной, на самом деле очень старый прием. Они были отнесены к стану «не просто врагов, но и лютых ненавистников России и русской нации, исполняющих волю сионских мудрецов по превращению новых и новых поколений россиян в стадо баранов». Аппелируя к известным «Протоколам сионских мудрецов» (были переизданы в Москве в 1993 году), авторы обвинили своих оппонентов в «глобальной геополитической, физической и Духовной диверсии» (78).

Вторая тенденция связана с тем, что Ленин стал объектом астрологических «доказательств» и прочих «выводов» специалистов по оккультным наукам. Например, Борис Шапиро-Тулин – прогнозист, академик Международной академии энергоинформационных наук – пишет: «Я довольно долго занимался биографией Ленина и обнаружил чёткую закономерность: Ленин – человек числа 7.

7-го числа Владимир Ульянов был исключен из Казанского университета и отправлен под надзор полиции.

7-го числа в ссылку к Ленину приезжает Надежда Константиновна – меняется личная жизнь вождя.

7-го он прибывает в Берлин – свою первую эмиграцию.

7-го он возвращается в Россию, где началась первая русская революция. Седьмого же Ленин уезжает, когда революция закончилась провалом» (79).

В 1995 году В.А. Клещевский, используя знаки зодиака и восточный гороскоп, предлагает разгадку «Тайны Ленина», а «Аргументы и факты» помещает пространный материал о мавзолее, согласно которому тело Ленина, находящегося в саркофаге, излучает 600–700 рентген чёрной невидимой энергии (80).

Так ко всяким версиям о «числах», «заключенном враге русского народа», «немецком шпионе» прибавилась и «чёрная невидимая энергия», исходящая из мавзолея. Кстати, соответствующие службы федерального правительства России проверили радиационную обстановку и отвергли досужие домыслы. Не отстают в этом отношении от российских коллег и некоторые западные историки. Так, некто Николас Федорофф в очерке «Ленин» для, казалось бы, солидного научного журнала совершает множество сенсационных открытий из биографии Ленина. Автор утверждает, к примеру, что в СССР была собрана масса документов, но они не говорят ни слова о том, как ещё до революции Ленин «проводил много времени у проституток в пригороде Казани», как был арестован «в связи с изнасилованиями башкирских женщин во время ссылки в Сибирь» (81). Вполне серьёзно рассказывается душераздирающая история о происхождении Ленина. Его кличка была «кровавый», и родился он 10 февраля 1870 года в деревне около Одессы в семье Ильки и Сары Голдманов под именем Хаим. Отец – портной, мать – шляпница в годы правления Александра III были уличены в контрабандном бизнесе и сосланы на вечное поселение в 1877 году. Один из конвоиров, сопровождавших ссыльных, был калмык, у которого был родственник – Илья Ульянов, который полюбил Хаима и попросил его родителей отдать их сына (Ульянов недавно потерял сына и был одинок). Родители согласились и Ульянов законным образом усыновил Хаима и дал ему имя Владимир (82). Калмыцкую родословную Ленина отрицают и В.А. Перфилов и В.М. Костягина, указывая, что у нее нет документальных оснований (83).

Исторический контекст и личностные аспекты биографии

И тем не менее, начиная с 2000-х годов, ориентация на всестороннее изучение одной из самых заметных политических фигур в истории России усиливается. В фундаментальной монографии Е.Г. Плимака «Политика переходной эпохи: опыт Ленина», опубликованной в 2004 г., предпринята попытка создания интеллектуальной биографии политика в контексте исторической ситуации в России и мире на рубеже XIX–XX вв. По мнению автора, отрыв личности Ленина от реалий эпохи – главная ошибка защитников и ниспровергателей создателя Советского государства. В переломные годы в истории человечества происходит коренная и очень болезненная ломка прежних форм общественной, политической, культурной жизни, что одними воспринимается как крах цивилизации, другими – как очищение и освобождение. «Революции, – пишет Плимак, – втягивая в политическую жизнь огромные массы людей, необыкновенно ускоряя и усложняя ход событий, вместе с тем обнажают узость, неполноту и ограниченность прежних представлений, с которыми вожди и теоретики революций приступали к тем или иным действиям, выдвигали те или иные лозунги, пытаясь руководить событиями или людьми» (84). Ленин сумел предложить выход из кризисной ситуации, который в то время не казался утопическим. Автор не отрицает личных ошибок Ленина – преувеличение капиталистического характера российской экономики, примитивное представление о государстве только как об орудии подавления масс, односторонняя оценка народничества, установление сомнительного принципа партийности.

Плимак считает, что «именно официальные хранители ленинского наследия сыграли с вождем Октября злую шутку. Они спрятали в свое время в секретные архивные фонды все “порочащие” Ленина документы. Открытие архивов в постперестроечные времена породило массу “разоблачителей” Ленина, выполнявших заказ новых власть имущих. Были высказаны такие суждения: Ленин – политик, постоянно отдававший приказы о расстрелах, он же – глава правительства, выславший из России десятки мыслителей, он же – погромщик церкви, он же – побудитель “доликидации” меньшевиков и эсеров, он же – инициатор знаменитой в сталинские годы 58-й статьи и прочее в том же духе. И никто из

“разоблачителей” не занимался всерьез анализом обстановки, породившей большевизм, анализом действий и взглядов Ленина, их эволюцией». Это происходит от того, что берутся только порочащие Ленина факты, причем выдернутые из исторического контекста и без какой-либо попытки их научного осмысления» (85).

Общий вывод Плимака сводится к тому, что «творец нэпа Владимир Ильич рано ушел из жизни, в этом громадная трагедия нашего народа. Напомним хотя бы тот факт, что использовавшая, по существу, нэповскую “двухукладную” модель КНР, “начав переход к рыночной экономике почти одновременно с нами... сумела в 20 раз (!) увеличить объем производства и уровень благосостояния населения”. Нужны ли еще доказательства жизнеспособности ленинских идей...» (86).

Заметным событием в российском лениноведении стал выход в 2005 г. книги В.Т. Логинова «Владимир Ленин. Биография. Выбор пути» (87). Значительная часть книги посвящена личностным аспектам биографии, к примеру, отношение к Богу, влиянию отца – Ильи Николаевича Ульянова, этого выдающегося русского просветителя. Автор избегает привычных для постсоветского времени упрощений и заказного антикоммунизма, поскольку следует доскональному анализу источников, особенно мемуарных. Весь строй книги свидетельствует о тенденции перевода дискуссии о Ленине и его наследии в конструктивное русло, отказа от конъюнктурного стремления свести все к бессмысленному разоблачительству. Новая книга В.Т. Логинова «Неизвестный Ленин», вышедшая в 2011 г., посвящена только одному 1917 г. – возвращению вождя в России, корниловскому мятежу, подготовке к восстанию и созданию Совнаркома.

В.Т. Логинов отмечает, что даже портреты Ленина, данные в мемуарах, как правило, отражают позитивное или негативное отношение мемуаристов к вождю большевиков. А тех, кто относился к Ленину нейтрально, практически не было. Логинов приводит пример с описаниями ленинской внешности, относящихся к одному времени, но диаметрально противоположных: «Василий Водовозов, о котором мы еще не раз упомянем в последующих главах, и самарский присяжный поверенный Григорий Клеменц были знакомы с Лениным примерно в одно и то же время – в 1890–1892 годах. И вот портрет, написанный Водовозовым в эмиграции в 1925 году: “Все лицо в целом поражало каким-то смешением ума и грубости, я сказал бы, какой-то животностью. Бросался в глаза лоб – умный, но покатый. Мясистый нос. В.И. был

почти совершенно лысый в 21–22 года. Что-то упорное, жестокое в этих чертах сочеталось с несомненным умом”.

Вспомним и портрет, нарисованный Клеменцом в 1924 году: “Это был молодой человек небольшого роста, но крепкого сложения, со свежим румяным лицом, с едва пробивавшимися усами и бородкой – рыжевато-голубого цвета – и слегка выющимися на голове волосами, тоже рыжеватыми. На вид ему было не более 23 лет. Бросалась в глаза его большая голова с большим белым лбом. Небольшие глаза его как будто постоянно были прищурены, взгляд серьезный, вдумчивый и пристальный. На тонких губах играла несколько ироническая, сдержанная улыбка...”

И, судя по сохранившейся фотографии Владимира Ульянова, относящейся к 1891 году, на которой хорошо были видны и отнюдь не “мясистый” нос, и совсем не “покатый” лоб, и даже прическа, а не “лысина во всю голову”, портрет Клеменца достаточно точен. Ну а портрет Водовозова написан им лишь для того, чтобы сделать общее заключение об “аморализме” облика Ленина, хотя тут же следует оговорка: “Конкретных фактов, доказывающих аморализм Ленина, относящихся ко времени моего знакомства, я не знаю...”» (88).

Интересно, что факты, доказывающие аморализм Ленина, всплывают почти исключительно в мемуарах его политических противников. Так, часто цитируемые ленинские фразы «Революцию в перчатках не делают», «партия не пансион для благородных девиц» и «иной мерзавец может быть для нас именно тем полезен, что он мерзавец», восходят к следующему месту в мемуарах В.С. Войтинского: «Любимой темой агитации в тесном товарищеском кругу была для Ленина борьба с предрассудками, остатками “либеральных благоглупостей”, которые он подозревал у новичков. Это была неуклонная, чрезвычайно ловкая, талантливая проповедь революционного нигилизма.

– Это смешно! Если на эту точку зрения становиться, то мы должны все бежать в полицию и заявить: мы, мол, такие-то, арестуйте нас, дайте нам пострадать за народное дело!..

– Революция дело тяжелое. В беленьких перчатках, чистенькими ручками ее не сделаешь...

– Партия не пансион для благородных девиц. Нельзя к оценке партийных работников подходить с узенькой меркой мещанской морали. Иной мерзавец может быть для нас именно тем полезен, что он мерзавец.

Когда при Ленине подымался разговор о том, что такой-то большевик ведет себя недопустимым образом, он иронически замечал:

— У нас хозяйство большое, а в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится.

Рожков передавал мне, что однажды он обратил внимание Ленина на подвиги одного московского большевика, которого характеризовал, как прожженного негодяя. Ленин ответил со смехом: — Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится. Вот вы, скажите прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя переселить, а Виктор пошел. Это человек незаменимый» (89).

Но для того, чтобы оценить достоверность этого свидетельства, необходимо обратиться к биографии Войтинского. Владимир Савельевич Войтинский был младше Ленина на 15 лет, член РСДРП с 1905 г., первоначально был большевиком. В 1906–1907 гг., к которым и относится приведенный выше рассказ о Ленине, он был членом Петербургского комитета РСДРП, организатором и председателем Петербургского Совета безработных и в этом качестве действительно контактировал с Лениным. Однако в близкий круг Ленина, с которым вождь делился самым сокровенным, Войтинский, судя по мемуарам других соратников Ленина, никогда не входил, да и в немногих адресованных ему ленинских письмах никаких следов близости нет. Да и по возрасту Войтинский и Ленин относились к разным поколениям.

Вот что писал, например, Ленин Войтинскому 20 декабря 1913 г. по поводу присланной им статьи: «Дорогой коллега! Получив статью “За общее знамя”, должен по совести сказать, что она решительно никуда не годится. Откровенность и прямота прежде всего — не так ли? Автор абсолютно не понял положения дел в России и дал себя увлечь... как бы это помягче выразиться?.. “амикошонству”, что ли, с пошехонскими меньшевиками» (90). Близостью и дружбой тут и не пахнет.

Дело в том, что после 1907 г. пути Ленина и Войтинского разошлись. Владимир Савельевич отказался от ленинского предложения эмигрировать после поражения Первой русской революции, продолжил партийную работу в Екатеринославе, где в 1908 г. был арестован и сослан на 4 года каторги в Сибирь. В 1914–1916 годах участвовал в литературных проектах «сибирских циммервальдистов» во главе с И.Г. Церетели и перешел от большевизма к меньшевизму. На совместном совещании большевиков и меньшевиков 4 апреля 1917 года, на котором Ленин огласил свои

Апрельские тезисы, выразил своё несогласия с ленинской линией и открыто перешел в лагерь меньшевиков. С лета 1917 года Войтинский был комиссаром Временного правительства на Северном фронте и участвовал в организации похода П.Н. Краснова и А.Ф. Керенского на революционный Петроград. После провала похода Войтинский был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, но в январе 1918 г. был освобожден. Затем эмигрировал в Грузию, а после того, как Красная Ария свергла правительство Грузии, эмигрировал в Европу и в начале 1920-х годов осел в Германии, где и опубликовал свои мемуары. В тот момент Войтинский был уже непримиримым врагом Ленина. Несомненно, ленинские признания в «аморализме» Войтинский передавал с чужих слов. И ответить на вопрос, насколько точно он передал свидетельства других лиц, сказать невозможно. Мемуары Войтинского проникнуты явной антиленинской тенденцией, и вполне вероятно, что насчет аморализма Ленина мемуарист стусил краски.

Н.А. Рожков, на которого ссылается Войтинский, будучи профессиональным историком, тоже входил с 1905 года в состав фракции большевиков и вместе с Войтинским в 1906–1907 гг. был в составе ее Петербургского комитета. Но уже в 1906 г. у него были острые разногласия с Лениным по аграрному вопросу. В числе близких к Ленину лиц Рожков никогда не был, поэтому сомнительно, что Ильич сделал Николаю Александровичу столь интимное признание. А позднее в сибирской ссылке Рожков также сблизился с группой И.Г. Церетели и окончательно перешел на меньшевистские позиции. С мая по июль 1917 г. Рожков был товарищем (заместителем) министра Временного правительства, а в августе стал членом ЦК партии меньшевиков. После Октябрьской революции он неоднократно подвергался репрессиям и открыто выражал уверенность в скором крахе Советской власти, хотя борьбы против нее не вел и работал в советских учреждениях. В любом случае, Рожков вряд ли может считаться авторитетным свидетелем насчет ленинских высказываний по вопросам морали. Тем более, что 13 декабря 1922 г., когда рассматривался вопрос о высылке Рожкова за границу, Ленин писал Сталину: «Надо дожидаться, когда Рожков, хотя бы через несколько лет, сделает искреннее заявление в нашу пользу. А до тех пор я предложил бы послать его, напр., в Псков, создав для него сносные условия жизни и обеспечив его материально и работой. Но держать его надо под строгим надзором, ибо этот человек есть и будет, вероятно, нашим врагом до конца» (91).

Упомянутые В.С. Войтинским «подвиги» московского большевика Виктора отсылают нас к делу о получении наследства «красного фабриканта» Н.П. Шмита. Он умер в 1907 г. в тюрьме при невыясненных обстоятельствах и завещал свое немалое состояние – 280 тыс. рублей – РСДРП. Чтобы легализовать получение наследства, сестры Николая Павловича, Екатерина Павловна и Елизавета Павловна, вышли за предложенных партией женихов. Младшая сестра Елизавета Павловна, сама сочувствовавшая большевикам, в конечном счете вышла замуж за большевика Виктора Константиновича Таратуту. Но это был не фиктивный, а вполне прочный брак по любви. Но поскольку совершеннолетия Елизавета достигала только в 1908 г., хотя и была уже в фактическом браке с Таратутой, ей подыскивали, по заданию Ленина, другого фиктивного жениха, А.М. Игнатьева, хотя и члена боевой организации большевиков, но дворянина, за которого не стыдно было бы выйти дочери и сестре фабрикантов и который не был ни в розыске, ни под полицейским надзором. Брак же с выходцем из мещан Таратутой, профессиональным революционером, который жил на нелегальном положении после побега из ссылки, зарегистрировать было невозможно. Игнатьев же зарегистрировал брак с Елизаветой в октябре 1908 г. (срочный брак потребовался, потому что Елизавета была на последних месяцах беременности) и полученное наследство передал партии. Таким образом Войтинский фактически спутал Таратуту с Игнатьевым. Елизавета же вернулась к Виктору, с которым они имели трех детей (92). Кроме того, разговор Ленина с Рожковым о наследстве Шмита, на который ссылается Войтинский, не мог происходить ранее 1908 г. А уже в апреле этого года Рожков был арестован. Поэтому реальность этого разговора вызывает большие сомнения. Да и странно было бы несовершеннолетнюю (20-летнюю к концу 1907 г.) девушку называть «купчихой».

Лагоинов считает, что культ Ленина не насаждался сверху, а естественным образом складывался в народе: «На смену иконам Богородицы с младенцем и изображениям государя императора с наследником, а то и рядом с ними, в “красных углах” российских изб появились портреты Ленина. Образ его, как бы отделившись от реальной личности, становится своего рода символом новой эпохи, “новой веры”, борьбы бедных против богатых за справедливость. И для миллионов он превращается в объект чуть ли не религиозного поклонения. Вот почему в СССР любой серьезный государственный акт, как и любой политический лидер, получали легитимизацию лишь при «благословении» его Лениным. И по

табели о рангах каждый лидер значился либо «верным учеником», либо «славным продолжателем» его дела. И кстати, вот почему искать корни современных российских проблем в прошлых деяниях Ленина по меньшей мере недобросовестно, ибо это уже совсем другая история. Это то же самое, что винить Христа в крестовых походах и кострах инквизиции, хотя и в том, и в другом случаях клялись словом и именем Божиим» (93).

Логинов отвергает обвинения Ленина в приверженности к террору, утверждая, что отказ от насилия против насильников мог лишь продлить существование таких режимов и таких общественных отношений, которым насилие над человеком сопутствовало неизбежно и неотвратно. «Насилие – дурное средство. Само по себе оно отвратительно. Однако решимость применить его в правом деле, в борьбе с насильниками могла стать признаком нравственного мужества. И вряд ли можно винить теоретиков рабочего движения XIX столетия в том, что XX век круто обошелся со многими благими идеями» (94).

Логинов вполне сочувственно цитирует мнение о Ленине сотрудника французской военной миссии в России Жака Садуля: «Меня часто спрашивают, любят ли, на мой взгляд, Ленин и Троцкий власть ради власти. В том, что касается Ленина, никакие сомнения недопустимы. Власть для него не самоцель, но только средство привести к победе Идею. И мне также кажется, как бы ни было заметно удовольствие, которое испытывает от своей власти Троцкий, что он бы не оставил ее за собой, если бы должен был через нее служить иному, чем большевизму, делу» (95). Пожалуй, эту же характеристику можно отнести и к Троцкому.

В русле серьезных непредвзятых подходов находятся и исследование Б.Ф. Славина «Ленин против Сталина. Последний бой революционера» (М., 2010), в которой анализируются последние годы жизни руководителя государства.

«Немецкое золото»

История о шпионаже и спонсировании Западом большевиков берет начало с июля 1917 г., когда совпали известные события 3–5 июля и наступление Русской армии на фронте. Пропагандистская атака, начатая тогда Временным правительством против Ленина, заостряла общественное внимание на том, что большевики уда-

рили в спину наступающим войска и сорвали победу русского оружия, которая могла вообще покончить с войной. А.В. Шубин в своей книге «Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года» (М., 2014) посвятил специальную главу «Были ли Ленин немецким шпионом?», в которой самым тщательным образом, используя статистические выкладки разбирает и убедительно опровергает мифические версии о шпионаже, «делах» Парвуса и Ганецкого. Г.Л. Соболев и А.И. Колганов в своих работах также развенчивают миф о «немецком золоте», который в 2000-е гг. стал предметом не только весьма многочисленных публикаций, но и занял весьма немалое время на телевидении (96). История о политическом авантюристе Парвусе, вознамерившемся на деньги германского Генерального штаба и руками Ленина устроить в России революцию, получила широчайшее распространение. Приведенные историками факты и сведения о том, как фальсифицировались документы о «немецком золоте», свидетельствуют, что к происхождению русской революции эта финансовая помощь никакого отношения не имеет.

В этой связи любопытна позиция политика и историка В.А. Никонова, который, не обращая внимания на работы историков, в 2011 г. пишет: «Гельфанд вошел в историю прежде всего как спонсор Ленина и большевиков. Возможно, применительно к постфевральскому периоду так оно и было. Но до 1917 года до Ленина деньги от Парвуса если и доходили, то весьма опосредованными путями и в крайне незначительных размерах» (97). Миф о «немецком золоте» подхватывает и Я.А. Бутаков в своей книге «Брестский мир: ловушка Ленина для кайзеровской Германии», вышедшей в 2012 г. Там упоминаются так называемые «документы Сиссона», собранные американским журналистом и на которых правительство пыталось строить обвинение большевикам. На самом деле, «бумаги Сиссона» являются фальшивкой, сделанной журналистом Ф. Оссендовским и проданной им в конце 1917 г., уже после падения Временного правительства, специальному посланнику президента США в России Э. Сиссону за 25 тыс. долларов. Их опубликовали в Вашингтоне в 1918 г. В настоящее время «бумаги Сиссона», будто бы доказывающие получение большевиками значительных германских субсидий, всеми серьезными историками признаются подделкой, после того, как в середине 50-х годов их изучил известный американский историк и дипломат Дж. Кеннан (98). Бутаков повторяет утверждения о германских субсидиях большевикам, равно как и об американских субсидиях Троцкому, не приводя каких-либо доказательств (99).

В.В. Корнеев и Я.В. Козлов достаточно убедительно раскритиковали серию интервью официального лица, директора РГАСПИ А.К. Сорокина «Российской газете». Они указывают, что Сорокин давно известные письма Ленина выдает за новонайденные автографы, причем связанные с темой «немецких денег для большевиков». Так, Сорокин цитирует слова Ленина: «Денег на поездку у нас больше, чем я думал, чем на 10–12 января, ибо нам здорово помогли товарищи в Стокгольме». Однако весь пассаж из письма И.Ф. Арманд читается так: ««Денег на поездку у нас больше, чем я думал, человек на 10–12 хватит, ибо нам здорово помогли товарищи в Стокгольме». Кроме того, авторы уличают Сорокина в использовании поддельных «бумаг Сиссона», когда он отсылает читателей к документу, где «упоминается о перечислении на имя Ленина денег из банка Дисконто Гезельшафт». Вот этот документ:

«Копенгаген 18 июня 1917 г.

Господину Руффнеру в Гельсингфорсе.

Милостивый государь.

Настоящим уведомляю Вас, что со счета “Дисконто-Гезельшафт” списано на счет Ленина в Кронштадте 315 000 марок по ордеру синдиката. О получении сообразоволище сообщить Нюландсвай, 98, Копенгаген. Торговый дом В. Гансен и Ко. С уважением – Свенсон».

Как справедливо отмечают Корнеев и Козлов, этот документ хорош всем, кроме одного – он относится к коллекции «бумаг Сиссона», подложность которых давно доказана. Подобные ошибки авторы статьи объясняют как политической пристрастностью директора РГАСПИ, так и тем, что он не является специалистом ни по Ленину, ни по истории революции 1917 года (100).

Британский историк Кэтрин Мерридейл в своей новой книге «Ленин в поезде» описывает ленинское путешествие из Цирюха до Петрограда, где вождю большевиков была устроена торжественная встреча. Она опирается на воспоминания очевидцев и показывает, что подавляющее большинство наблюдателей тогда ошибались, оценивая будущую роль Ленина. Одни, как некоторые представители германского руководства, считали его за «полезного идиота», тогда как именно в этом качестве Ленин в действительности числил германский Генштаб, пропустивший его в Россию. Русские же политики из либерального и умеренно-социалистического лагеря думали, что Ленин растерял свое влияние и что у него почти нет сторонников. А многие полагали, что

сразу по прибытии в Петроград он будет либо посажен в тюрьму, либо убит. И все, как известно, ошиблись. Мерридейл развенчивает миф как о «пломбированном вагоне», так и немецком золоте для большевиков и доказывает, что в октябре 1917 года большевики оказались выразителями народных чаяний и требований (101).

Семейные спекуляции

В.А. Перфилов и В.М. Костягина отмечают, что во времена Сталина «из учения Ленина были изъяты дух творчества, гуманизма, идеи демократизма и опоры на массы. Ленинизм стараниями идеологов был превращен в священное писание, наборы мертвых цитат, которые использовались как доказательства самых нелепых положений. Главное место в пропаганде заняла проповедь, выработка веры в ленинизм, как новое застывшее учение. Нормальным явлением стала подделка документов перед их публикацией, фальсификации становились обыденностью. Решительно вымарывались описания внешности Ленина, черт его характера, отношения к людям. Ревизовались в нужном направлении его политические взгляды, изменялись его оценки лидеров партий и движений» (102).

В книге Перфилова и Костягиной даны ответы на наиболее часто встречающиеся вопросы о жизни и деятельности Ленина и его родных и близких, а также о его родословной, бытовых привычках и судьбе Н.К. Крупской и других родственников Ленина после его смерти. При этом широко используются фонды Дома-музея В.И. Ленина в Ульяновске. Здесь также опровергаются многие существующие мифы ленинской биографии. Например, о близкой дружбе семейств Керенских и Ульяновых в Симбирске. По мнению авторов книги, «самым главным аргументом против утверждения о том, что семьи Ульяновых и Керенских дружили, следует считать ответ А.И. Ульяновой-Елизаровой, старшей сестры В.И. Ленина, данный ею во время пребывания в Ульяновске в июне 1929 г. и записанный научным сотрудником Дома-музея В.И. Ленина А.Г. Медведевой: “Керенский бывал редко, официально, но с семьей”» (103). Тот факт, что Ф.М. Керенский навещал И.Н. Ульянова вместе со своей семьей, все же наводит на мысль, что между ними все же существовали какие-то более или менее близкие отношения, вроде «дружбы домами». Хотя это

лишь гипотеза, как и многое другое в жизни Ленина. Да и никакого криминала в дружбе семейств Ульяновых и Керенских, если она и существовала, нет. И она никак не могла отразиться на взаимоотношениях Ленина и А.Ф. Керенского. Ведь в момент смерти И.Н. Ульянова А.Ф. Керенскому, как отмечают Перфилов и Костягина, было всего 4 года. А Ленин был старше своего будущего противника на целых 11 лет, так что никакой дружбы между ними быть не могло.

Обозреватель «Коммерсанта» Е.М. Жирнов обнаружил ранее не публиковавшиеся фрагменты мемуаров сестры Ленина Марии Ильиничны Ульяновой. В его статье приводится также дневниковая запись сотрудника Наркомата оборонной промышленности А.Г. Соловьева о похоронах М.И. Ульяновой в июне 1935 года: «У гроба, сгорбившись, сидела Крупская. Я высказал ей свое сочувствие и печаль. Она поблагодарила. Я поинтересовался, отчего так рано умерла. Крупская тяжело вздохнула и сказала, что не могла пережить тяжелых условий, творящихся вокруг нас. Присмотритесь, говорит, повнимательнее: неужели не замечаете нашей совершенно ненормальной обстановки, отравляющей жизнь» (104). Здесь мы видим яркое противопоставление эпохи Ленина и эпохи Сталина по линии массовых репрессий среди членов партии.

В мемуарах М.И. Ульяновой содержится характеристика болезни Ленина в период эмиграции, а также приведен его распорядок дня, свидетельствующий о чрезвычайной педантичности вождя большевиков: «Большое влияние на здоровье Владимира Ильича в положительном смысле оказывал и правильный образ жизни. Он не любил нарушения его (например, обеда не вовремя и т.п.), и в дальнейшем, особенно в заграничный период его жизни, распорядок во времени питания был введен самый строгий. Обедать и ужинать садились в точно назначенный час, не допуская в этом никакой оттяжки. На эту точность влияло и то обстоятельство, что за границей все учреждения, в том числе и библиотеки, закрываются в определенные часы дня на обед и ужин, а также и то, что все время у Владимира Ильича было точно рассчитано, уложено в определенные рамки» (105).

Касаясь жизни старшего брата в советский период, М.И. Ульянова отмечает, что «Владимир Ильич утомлялся от работы невероятно. Время его было заполнено до отказа: заседания (их бывало иногда по несколько в день), приемы, доклады, публичные выступления, телефонные переговоры и проч. и т. д. В то же время Владимир Ильич находил время просматривать русские и ино-

странные газеты и следить за книжными новинками. Читал он уже вечером или поздно ночью. На стульях около его кровати лежала обычно кipa книг, которые ему надо было просмотреть. С заседания Совнаркома Владимир Ильич приходил вечером, вернее, ночью, часа в 2, совершенно измотанный, бледный, иногда не мог даже говорить, есть, а наливал себе только чашку горячего молока и пил его, расхаживая по кухне, где мы обычно ужинали» (106).

Касаясь последней болезни Ленина, М.И. Ульянова утверждала: «...Все врачи были убеждены, что ничего, кроме переутомления, у Владимира Ильича нет, но он и тогда, по-видимому, плохо верил в правильность их диагноза. Если во время ранения он рвался к работе и плохо слушал врачей, которые старались удерживать его от нее, потому что чувствовал себя хорошо (“перемудрят” – было любимое его выражение в то время), то теперь Владимир Ильич был склонен расценивать свое состояние более пессимистически, чем это делали врачи. Так, по поводу обмороков, бывших с ним зимой 1922 года, он сказал как-то позднее Н.А. Семашко: “Это первый звонок”» (107).

М.И. Ульянова опровергает версию, что последняя болезнь Ленина была последствием сифилиса: ««Все врачи признавали, что заболевание Владимира Ильича очень серьезное, хотя одни высказывались более оптимистически, другие – наоборот. Профессор Россолимо, например, в разговоре с Анной Ильиничной на другой день консилиума заявил, “что положение крайне серьезно и надежда на выздоровление явилась бы лишь в том случае, если в основе мозгового процесса оказались бы сифилитические изменения сосудов”. Но этого не было. Очень мрачный прогноз ставил и Ф.А. Гетье, хотя, по словам Троцкого, он «откровенно признавался, что не понимает болезни Владимира Ильича». Но с нами он не говорил об этом или говорил не так определенно... Но сам Владимир Ильич смотрел на свое состояние очень мрачно. Он считал, что не поправится, он был уверен, что с ним паралич...» В другом месте она отмечает, что «произведенная реакция Вассермана дала безусловно отрицательные результаты» (108).

Но позиция публикатора мемуаров М.И. Ульяновой Е.М. Жиринова выглядит несколько странной. Он утверждает: «Воспоминания Марии Ильиничны Ульяновой обрывались на том времени, когда Ленин надиктовал письма и статьи, известные как его политическое завещание. Возможно, о ее работе над откровенными мемуарами стало известно Политбюро, и ей посоветовали пре-

кратить это политически вредное занятие. Ведь эпизоды о нищете Ленина в эмиграции придавали весомости рассказам о том, что Ленин взял немецкие деньги на революцию. Подробное описание болезни основателя советского государства выставило учреждение, ответственное за здоровье советских вождей, – Лечсанупр Кремля в самом неприглядном виде. А то, как она отрицала, что у Ленина был сифилис, только привлекало внимание к этой теме. Мало того, описание болезни в 1922 году, в период, когда страдавший от болезни Ленин вернулся к работе, давало врагам советской власти документальную почву для того, чтобы именовать политику большевиков больной.

Однако, скорее всего, ей было невероятно горько и тяжело писать о последних месяцах жизни любимого брата. Ведь на ее глазах человек, который смог изменить в России абсолютно все, менялся до неузнаваемости» (109).

Разумеется, обе гипотезы имеют право на существование. Мария Ильинична могла прекратить работу над мемуарами как после указания Политбюро, так и потому, что ей было морально тяжело описывать последние месяцы страданий ее горячо любимого брата, лишённого почти всех коммуникаций с внешним миром и тяжело переживавшего невозможность заниматься любимым делом – политикой. Однако весьма странно выглядит утверждение, будто свидетельство о полунищете жизни Ленина в эмиграции может подкрепить версию о том, будто вождь большевиков брал деньги на революцию от германского Генштаба. Не менее странной выглядит и мысль о том, будто опровержение версии о наличии у Ленина сифилиса нежелательно, поскольку привлекает внимание к этой сколькой теме. То, что у Ленина подозревали именно сифилис, было хорошо известно от лечивших его иностранных врачей. Ведь они назначали ему содержащие ртуть препараты, с помощью которых тогда боролись с сифилисом. И столь же непонятно, почему признание того, что в какой-то период своей болезни Ленин вернулся к работе, позволяло противникам большевиков считать их политику того времени «больной».

Также необходимо опровергнуть другой распространенный миф, будто отец Ленина был начальником отца будущего главы Временного правительства. На самом деле Ф.М. Керенский был директором Симбирской мужской гимназии, а И.Н. Ульянов – директором народных училищ Симбирской губернии. Таким образом, между ними по службе никогда не существовало отношений господства – подчинения.

За рубежом уважительное отношение к Ленину сохраняется у тех историков и философов, которые находятся в левой части политического спектра. Венгерский историк Тамаш Краус в своей новой книге «Ленин. Социально-теоретическая реконструкция» стремится показать актуальности наследия Ленина и Октябрьской революции. Он задается вопросом, почему сегодня происходит столь сильная дискредитация основателя Советского государства? Основную причину Краус видит в том, что «Ленин» – синоним антикапиталистической альтернативы сегодняшнему режиму, сегодняшней системе российского полупериферийного капитализма». Он считает, что Ленин верил в объективные законы революционного развития и в неизбежность саморазрушения цивилизации западного мира (110).

Харизматический образ

Немецкий историк Бенно Энкер в своей книге «Формирование культа Ленина в Советском Союзе» (111) раскрывает историю становления харизматического образа вождя в истории большевистской партии и в первые годы советской власти, а также то, как этот образ отразился в сознании широких народных масс. Он делает упор не на религиозный, а на политический характер ленинского культа. Как подчеркивает Энкер, «признание того факта, что мы в нашем исследовании имеем дело с “искусственным” политическим мифом, а точнее – с культом, заставляет сделать вывод, что его понятие уже не может быть выведено исключительно из внутренних “законов” мифа или религии или же связанных с ними научных дисциплин. Согласно этому мы, скорее, должны видеть в создании ленинского культа некое “социальное действие” в духе Макса Вебера, «которое в соответствии со своим смыслом, предполагаемым одним или несколькими действующими лицами, имеет отношение к поведению других людей и по характеру своего осуществления ориентирован на них» (112). Исследователь приходит к выводу, что «питательная почва для формирования культурной модели “вождя” сложилась еще при ленинском режиме. Его образ к концу 20-х гг. и стал той моделью политического руководства, который был усвоен и использован Сталиным при создании режима собственной власти» (113). Книга Энкера отличается усложненной терминологией в духе структу-

рализма. Автор не столько показывает механизм формирования ленинского культа, сколько стремится поставить этот культ в широкий контекст других мифологических структур.

Как справедливо отмечает В.А. Поцелуев, вскрывая корни ленинского культа, «обожествление Ленина шло не только за счет хвалебного воспевания его жизни и деятельности, но и за счет забвения его соратников, не говоря уже о политических оппонентах, оклеветанных и расстрелянных, имена которых даже не упоминались в академических и энциклопедических изданиях, так же как пропали настоящие фамилии революционных кумиров» (114).

А.А. Майсурия представляет крайне левую часть российского политического спектра. В своей книге «Другой Ленин», вышедшей в 2006 г., он руководствуется следующим подходом к своему герою: «При жизни это был веселый, эксцентричный и отчасти легкомысленный человек. После смерти его сделали полной противоположностью самому себе. И только теперь, спустя восемьдесят лет после кончины, он снова делается хоть немного похожим на себя самого» (115). Публицистическая и эмоционально окрашенная книга Майсурия – это своеобразный цитатный монтаж. Причем, цитаты автор предпочитает либо пересказывать, либо определенным образом редактировать, чтобы сделать их доступнее для читателя. Вот пример, относящийся к ранней юности Ленина: «Кучер, который как-то раз отвозил Владимира в имение матери, заметил его двоюродному брату: “Ну и забавник! – Кто? – Да брательник твой. С ним не заметишь, как доедешь и на ленивых лошадях... Уж больно занятный! Я и не видывал таких парнишек – на все у него загвоздки да прибаутки”» (116). Майсурия волнует не историческая точность, а эмоциональное восприятие его героя. Он повторяет и созданные вокруг Ленина мифы, например, о том, будто в свое время Володя Ульянов оказал большое влияние на 5-летнего Сашу Керенского.

Для Майсурия Ленин прежде всего – человек свободный. Он сочувственно цитирует статью редактор сменовеховского журнала «Россия» И.Г. Лежнева «После Ленина», написанную после кончины вождя: «И вот Ленин. Человек – свободный и независимый. В чем эта свобода? В том, что между ним и фактом нет средостений. Вот человек и вот факт – и нет между ними никаких средостений, никакого традиционного барахла привязанностей, пристрастий, окостенелых догматических навыков мысли. Эта внутренняя свобода и независимость, умение глядеть правде прямо в глаза, как бы неказиста порой она ни была, умение эту

правду высказывать со всей прямоотой, простотой и жестокостью, безо всяких паточных оговорок, безо всякого смягчающего и вуалирующего миролюбчества, безо всякого самодовольного самоуслаждения – величайший дар Ленина, который усвоить будет, пожалуй, труднее всего, ибо это дар революционера в себе самом, а не только во внешней борьбе, что, конечно, несравненно легче и площе». Автор книги дает к цитате такой комментарий: «“Борец за свободу товарищ Ленин!” – так гордо окрестили в 1920 году первый советский танк... В позднесоветские времена это словосочетание уже немного удивляло и резало слух. Ленин – борец за свободу? Почему за свободу? Разве за свободу? Странно как-то, непривычно... Но, возможно, главный движущий закон истории в том и заключается, что люди всегда стремятся к большей свободе... И количество свободы в ходе истории тоже постоянно растет, хотя это и не всегда представляется очевидным. А в России XX века люди где только не искали свободу! В начале столетия – в революциях, в конце – в реставрации... И, разумеется, в отстранении от всех этих мировых событий, в частной жизни. Остается только спросить: где они ее нашли?..» (117).

Автор книги напоминает нам и о том, что Ленин пришел к власти под лозунгом свободы как от самодержавия, так и от буржуазного подкупа. Комментируя фразу Н.К. Крупской «Будь Ильич жив, он, наверное, уже сидел бы в тюрьме», будто бы сказанную ей в 1926 г. в узком кругу, Майсурян замечает: «Однако ее товарищи по оппозиции еще находились на свободе. Очевидно, Крупская считала, что ее муж выступил бы гораздо резче, чем это делали они» (118). Указанная фраза впервые была процитирована в книге Л.Д. Троцкого «Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?», впервые опубликованной в 1936 г. (119). В принципе, аутентичность этой фразы можно поставить под сомнение. В то же время, книга Троцкого вышла еще при жизни Н.К. Крупской, и неизвестно, что она когда-либо опровергала это свидетельство Троцкого. Вместе с тем, близость Н.К. Крупской к зиновьевской оппозиции Сталину середины 20-х годов общеизвестна, равно как и ее нелюбовь к Сталину. Поэтому представляется вполне вероятным, что данную фразу или близкую к ней по смыслу Крупская действительно произнесла.

Как полагает Майсурян, в последние месяцы жизни Ленина больше всего волновал намечавшийся конфликт в партии между «старой гвардией» и неофитами, все решительнее продвигавшимися к руководящим должностям: «Для Ленина ясно обрисова-

лись две основные силы, противостоящие друг другу: старая гвардия и партийные новички. Взгляды последних – пестрая мешанина, вплоть до сменовеховских. В общем, это типичное “болото”. А то, что у этого болота нет вождей, – дело временное. “Было бы болото, а черти найдутся”, – говорил в таких случаях Ленин. Пока все заметные посты – в руках старой гвардии, но новички страстно мечтают о равноправии с ней. Собственно говоря, острейшая (а с 1936 года – и кровопролитная) борьба этих двух сил и стала содержанием следующей эпохи советской истории. Владимира Ильича беспокоил вопрос: сможет ли горстка революционеров удержать власть, не дать нахлынувшему морю новичков затопить, опрокинуть себя?

Ленин со всем напряжением искал выход... и не находил его. То, что он предлагал, – всемерно затруднить прием в партию, уменьшить ее численность... все это были лишь полумеры. Остановить “наводнение” партии новичками они не могли» (120).

Для Майсурына Ленин – фигура трагическая, и не только из-за его последней болезни, но и из-за того, что потом многие его соратники пали жертвами диктатуры Сталина, революция пошла не по тому пути, о котором думал Ильич, и сам он не мог предотвратить становившееся ему все более ясным роковое развитие событий.

Касаясь отношения Ленина к религии и не отрицая его атеизма, Майсуриян подчеркивает, что Ленин охотно шел на идейные и образные заимствования из христианства: «Так, “Коммунистический манифест” он определял как “евангелие” социал-демократии, а революционную борьбу называл борьбой “за создание рая на земле”».

Отношение к идеям христианства

Но самый, пожалуй, яркий пример заимствования идей христианства – слова апостола Павла (из Второго послания к фессалоникийцам): «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». Ленин много раз повторял эту мысль, даже называя ее «основным законом» нового общества, «первым, основным, коренным началом»: «Нетрудящийся не должен есть». «“Кто не работает, тот да не ест” – это понятно всякому трудящемуся... Девять десятых населения России согласны с этой истиной». Ленин развивал мысль

апостола: «У нас... один только лозунг, один девиз: всякий, кто трудится, тот имеет право пользоваться благами жизни». Вошла фраза из Нового Завета и в текст советской конституции. Видимо, это заимствование у христианства было не случайным, а вполне сознательным. Ленин высказывал даже некоторую симпатию к раннему христианству. «Христиане, – писал он в 1917 году, – получив положение государственной религии, “забыли” о “наивностях” первоначального христианства с его демократически-революционным духом». В 1921 году Ленин замечал, что «в рядах большевиков могут быть и верующие» (121).

Проблеме отражения религии и христианских канонических текстов в трудах Ленина посвящена специальная работа М.Ю. Смирнова. Он много внимания уделяет письму Ленина для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г., где содержится требование «дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства... удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше». Это письмо, опубликованное только в 1990 г., вызвало шок у почитателей Ленина. Как подчеркивает Ю.М. Смирнов, «резкость фразеологии этого письма вызвала некоторые сомнения в его аутентичности. Дело в том, что ни рукописного наброска, если таковой был, ни его фотокопии не существует. В архиве хранится машинописный текст, выполненный по стенографической записи (тоже не сохранившейся и не имевшей фотокопии), сделанной под диктовку Ленина по телефону его секретарем М. Володичевой; ленинской подписи или какой-либо авторской правки в этом тексте нет. На страницах письма нет предполагаемых замечаний членов Политбюро, имеется лишь не требовавшаяся пометка Молотова; присутствуют расхождения между стилем ленинской письменной речи и рядом словесных оборотов в этом тексте» (122).

Здесь же автор статьи приводит две ленинские цитаты, заставляющие сомневаться в аутентичности стенографических записей его речей: «Просьба состоит в том, чтобы никогда не полагаться ни на стенографическую, ни на какую иную запись моих речей, никогда не гоняться за их записью, никогда не печатать записи моих речей... Я ни единого раза не видал сколько-нибудь удовлетворительной записи моей речи. Отчего это происходит, судить не берусь, от чрезмерной ли быстроты моей речи, или от ее не-

правильного построения, или от чего другого, но факт остается фактом. Ни одной удовлетворительной записи своей речи, ни стенографической, ни иной какой, я еще ни разу не видал» (123).

Тем не менее, Ю.М. Смирнов не ставит под сомнение аутентичность ленинского письма Молотову. Действительно, ведь Ленин ставил под сомнение только точность стенографических записей своих речей, когда, обращаясь к аудитории, он действительно мог говорить быстро и эмоционально, что сказывалось на качестве стенографической записи. В данном же случае речь шла о записи под диктовку, когда Ленин произносил текст достаточно медленно. Кстати, это обстоятельство объясняет, почему письмо не содержит стилистических признаков ленинского эпистолярного жанра. Ведь это письмо Ленин не писал, а проговаривал.

В то же время, автор статьи пытается оправдать Ленина в связи с процитированным выше письмом В.М. Молотову по поводу репрессий против духовенства, утверждая что в данном письме «репрессивные установки звучали в контексте, явно не предполагающем полного уничтожения религиозной жизни в стране» (124). Ю.М. Смирнов отмечает, что в определенные исторические периоды Ленин признавал за религией прогрессивную роль, поскольку «было время в истории, когда... борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы одной религиозной идеи против другой» (125).

У Ленина, как показывает Ю.М. Смирнов, «наибольшую враждебность... вызывали не столько религиозная вера людей или, тем более, вероисповедные доктрины (к ним он был в целом равнодушен и способен ограничиться лишь чисто теоретической полемикой), сколько вполне понятные претензии религиозных организаций на весомую роль в общественных настроениях, на хозяйственное и политическое влияние – в этом отношении компромиссов он не признавал и употреблял все свои возможности для безжалостного подавления таких претензий» (126).

Ю.М. Смирнов обращает внимание на то, что высказывания Ленина по религиозным вопросам зависели от изменения политической обстановки в России: «До завершения основных событий Гражданской войны советская власть еще не позволяла себе демонстративного разрушения храмов и массовых репрессий верующих» (127). Как подчеркивает автор, «отсутствует какое-либо неприязненное (тем более издевательское) отношение Владимира Ильича к самим библейским фразеологизмам. Скорее можно заметить, что он использует библеизмы для усиления собственных

суждений по тем или иным поводам, т. е. применяет хорошо известные современникам фразы из Библии для большей выразительности изложения своих взглядов или в полемике... Такое обращение к библейским словам и выражениям вполне объясняется возможным его взглядом на Библию как историко-культурный памятник, вобравший опыт и мудрость народов и веков» (128). Всего в текстах Полного собрания сочинений В.И. Ленина было обнаружено не менее 740 случаев употребления библейских фраз и выражений (129).

Возвращаясь к Майсуряну, отметим, что он уверен – культ Ленина зародился еще при его жизни, потому что «народное сознание вполне серьезно видело в Ленине святого, наподобие прежних православных святых». И приводит в качестве примера заговор, которым «красная колдунья» – 24-летняя солдатка изгоняла болезни «священными именами Троцкого и Ленина» (130). При этом сам Ленин своим культом скорее тяготился: «Малейшие проявления “священного трепета” перед властью вызывали у Ленина раздражение. Дело было тут, как мы понимаем, вовсе не в его личной скромности – такое возвышение противоречило всему смыслу революции. По воспоминаниям Владимира Бонч-Бруевича, в 1918 году выздоровевший после покушения Ленин искренне возмущался реакцией общества на свою болезнь. “Мне тяжело читать газеты, – жаловался он. – Куда ни глянешь, везде пишут обо мне... А эти портреты? Смотрите, везде и всюду... Да от них деваться некуда!.. Зачем все это?..”» (131).

«Кающийся дворянин»

Внук В.М. Молотова В.А. Никонов в упоминавшейся книге «Крушение России. 1917» анализирует события Февральской революции. Тем не менее, фигуре Ленина он уделяет значительное внимание. Никонов цитирует слова известного русского и немецкого философа Ф.А. Степуна: «Октябрь родился не после Февраля, а вместе с ним, может быть, даже и раньше его; Ленину потому только и удалось победить Керенского, что в русской революции порыв к свободе с самого начала таил в себе и волю к разрушению. Чья вина перед Россией тяжелее – наша ли, людей Февраля, или большевистская, – вопрос сложный» (132). Как считает Никонов, Ленин был прав в том, что для победы революции доста-

точно завоевать народную поддержку для начала только в столице страны (133). Марксизм-ленинизм Никонов считает отдельной и самой влиятельной теорией пессимистического направления. Ленин, по его мнению, «главную особенность России... видел в том, что переход капитализма в империализм проходил в условиях незавершенной буржуазной революции при сохранении крепостнических пережитков». Решающую роль в революции Ленин, по мнению Никонова, «отводил партии большевиков, которая с первых дней войны развернула борьбу за революционный выход из империалистической войны и превращение ее в войну гражданскую» (134).

Ленина и большевиков Никонов считает одними из главных разрушителей Российской империи, которую он значительно идеализирует. Так, Никонов утверждает, будто Россия «только за четыре века, предшествовавшие революции... воевала 167 раз, чаще, чем кто бы то ни было. Причины были разные, но чаще — давали отпор тем, кто привык или пытался разговаривать с ней с позиции силы» (135). Но тогда получается, что с позиции силы с Россией пытались говорить и горцы Кавказа, и поляки в период трех разделов Польши, и Казанское и Астраханское ханство в период их завоевания Иваном Грозным, и Турция во время последней русско-турецкой войны 1877–1878 годов. И столь же наивна точка зрения Никонова насчет того, что «идея избранности Святой Руси, маргинальная в интеллигентской традиции, была сильна в народном сознании, составляла идеологический фундамент, который скреплял общество и власть, давал им смысл существования и основу для духовного самоуважения» (136). Степень распространенности этой идеи в народном сознании как раз и показала революция 1917 года. Не говоря уже про совсем трагикомические ошибки: «13-летний Николай был рядом со своим любимым дедом императором Александром II в тот день 1 марта 1881 года, когда бомба террориста Степана Халтурина прервала жизнь “царя-освободителя”» (137). Но даже школьники знают, что Степан Халтурин никакого отношения к покушению 1 марта 1881 г. не имел.

Никонов инкриминирует Ленину лозунг поражения своего правительства в Первой мировой войне: «Везде самые ярые оппозиционеры из числа социал-демократов объявили о безоговорочной поддержке своих правительств. За небольшими, но, как выяснится, существенными исключениями: лидера небольшой партии большевиков Владимира Ленина, ряда его единомышлен-

ников, а также некоторых представителей социалистической и либеральной интеллигенции, желавших провала “тюрьме народов”» (138).

Ленина Никонов относит к «кающимся дворянам», которые, по его мнению, возглавляли в России наиболее радикальные партии социалистического и анархистского толка (139). К «кающимся дворянам» он отнес также Герцена, Бакунина, князя Кропоткина, Лаврова, Плеханова и Керенского. Заметим, что вряд ли А.Ф. Керенского, «трудовика» до марта 1917 года, можно счесть лидером радикальной социалистической партии. Заклеймил историк и спонсоров большевиков из представителей торгово-промышленного класса: «Они полагали, что смогут манипулировать радикалами, как пешками, в своих интересах, а потому помогали Ленину издавать “Искру” и содержать школу подрывной деятельности на острове Капри» (140).

Никонов подвергает сомнению оценку числа пролетариев и полупролетариев в России, сделанную Лениным – 50,7 % населения, или 63,7 млн человек вместе с членами семей, с включением не только фабрично-заводских рабочих, но и деревенской бедноты, а также прислуги, мелких служащих и люмпенов. Эти цифры автор книги полагает сильно завышенными, равно как и цифры пролетариев, исчисленные советскими и российскими исследователями – 12–14 млн в начале XX века и 18–22 млн в канун Первой мировой войны. Сам Никонов полагает, что более реальна оценка в 2,5–4,0 млн промышленных рабочих, с исключением из числа пролетариев сельских батраков, кустарей и торгового персонала (141). Что ж, нельзя исключить, что Ленин несколько преувеличивал численность российского пролетариата. Но делал он это не только и не столько из пропагандистских, сколько из практических соображений. Почти все перечисленные Лениным группы населения стали опорой большевиков в ходе революции и Гражданской войны.

Как считает Никонов, Ленин «прекрасно знал психологию масс и был в состоянии электризовать дружественные аудитории и вызывать шок в недружественных» (142). В то же время, по мнению Никонова, Ленин ошибочно считал революцию 1917 года результатом главным образом победы национально-освободительных движений: «Одно из распространенных объяснений революции 1917 года: Российская империя пала под ударами национально-освободительных движений угнетавшихся свободлюбивых народов, разделив тем самым неизбежную судьбу всех

империалистических диктатур. Эта идея питается из нескольких источников. Прежде всего, из наследия Владимира Ленина, из его определения России как тюрьмы народов и его теоретической установки на право наций на самоопределение, восходящей корнями к австро-марксизму с его представлениями о нации как этнической общности» (143). Однако Ленин в победе революции 1917 года главное значение придавал не национальному, а классовому фактору, хотя и не отрицал роль национально-освободительных движений. Критика же Ленина Никоновым обусловлена тем, что последний подходит к истории революции 1917 года с неоимперских позиций и возмущается, что до сих пор «наше прошлое часто рассматривается как история “последней лоскутной империи”, которая сводилась к завоеваниям, колонизации и угнетению, с добавлением детерминистских ноток об обреченности империй» (144). Ленин, несомненно, никогда бы не согласился с отрицанием наличия у Российской империи подобных несимпатичных черт. В то же время, Никонов прав, когда утверждает: «в хмурые октябрьские дни 1917 года власть буквально валялась на мостовой. Ее подобрал Ленин, который обладал волей к власти, превосходившей волю всех его оппонентов» (145).

Фантомные отношения с героем

Биография Ленина, написанная известным литературным критиком Львом Данилкиным в ЖЗЛ, судя по опубликованным фрагментам книги и интервью автора, обещает стать одним из главных событий ленинианы 2017 года. Образ вождя большевиков представлен здесь в постмодернистском духе, когда любой исторический персонаж или историческое событие могут быть произвольно вынуты из контекста своего времени и помещены совсем в другой временной контекст. При этом факты могут произвольно перетасовываться или даже сознательно искажаться, с целью создания иной реальности, к которой стремится писатель. Упор сделан не на политическую деятельность Ленина, а на отдельные черты его повседневной жизни, через которые высвечивается образ в целом.

По признанию критика, за пять лет, которые он потратил на эту биографию, у него «возникли с... клиентом фантомные, но все же отношения. Да, он был неприятным, много кого обидев-

шим и много зла допустившим человеком; иногда прямо-таки отталкивающим... Когда меня спрашивают: так что же за человек был Ленин... Не знаю. Если бы я оказался на месте большевика Евгения Преображенского, который летом 1923 случайно попался на глаза Ленину в Горках... Он знал, что нельзя Ленину показываться, но не смог увернуться. Когда он подошел к инвалидному креслу, он что-то такое почувствовал... они не были друзьями, просто коллеги... но он инстинктивно, в ответ на рукопожатие, поцеловал его в голову и едва сдержал слезы. Думаю, я поступил бы так же» (146).

Данилкин настаивает, что Ленин с детства любил кидаться калошами, и это в дальнейшем определило как стиль его полемики с оппонентами, так и особенности его критического подхода в политике, экономике и философии. Поскольку перед нами все же скорее художественное произведение, а не документальная биография, автору может достаточно вольно обходиться с фактами, и это ему, как писателю, а не историку, никак не может быть поставлено в вину. Так, он делает Ленина, А.Ф. Керенского и последнего царского министра А.Д. Протопопова одноклассниками в симбирской гимназии, чего, естественно, не могло быть. А казнь Александра Ульянова сравнивается со смертью Лоры Палмер из сериала «Твин Пикс». После смерти брата, дескать, Володя Ульянов понял, что придется продолжить столь любимую им в детстве игру в индейцев и «войти самому в этот Черный Вигвам, параллельный мир, который поглотил брата. Вряд ли примитивное желание отомстить. Просто оказалось, есть некая важная работа (брат удостоверил, что смертельно важная!), и все его, тоже исключительные, как у брата, способности указывали на то, что теперь он, ВИ, остался единственным человеком, который эту работу может сделать» (147).

Книга Данилкина написана в жанре «травелога», по географическому принципу. По убеждению Данилкина, «Ленин был бешеным путешественником», поскольку он прошел и проехал десятки тысяч километров между Восточной Сибирью и Гринвичским меридианом, забирался на десятки европейских горных вершин. Данилкин настаивает, что «ни Сталин, ни Мартов, ни Троцкий не делали ничего подобного, это его, ленинский, закидон» (148). Здесь, разумеется, так и подмывает возразить, что большую часть своих путешествий он совершал не вполне добровольно, что царское правительство предоставило ему солидный travel-grant. И что тот же Троцкий, например, путешествовал

гораздо больше, чем Ленин, еще и по всем фронтам Гражданской на поезде мотался, и получил в итоге travel-grant не только от царского правительства, но и от Сталина. Но Данилкину нужен для его замысла именно Ленин – великий путешественник. Хотя, надо признать, почти все путешествия Ленина были вынужденными (ссылка, эмиграция) и диктовались обстоятельствами его политической борьбы.

Н.К. Крупская, как полагает Данилкин, относилась к Ленину «с ироническим уважением». Февральскую революцию он называет «психозом». Призыв вернувшегося в Петроград в апреле 1917 года Ленина совершить еще одну революцию, социалистическую, привел к тому, что у встречавшей его толпы «снесло крышу», а другие вожди большевиков, вроде Сталина и Каменева, «на это смотрели как приват-доцент Голубков в “Бега” на Чарноту, который обыгрывает в карты Корзухина-Евстигнеева – с ужасом, обхватив голову руками» (149). Вряд ли эти слова адекватно передают позиции Каменева и Сталина по отношению к новой революции, которые отнюдь не совпадали друг с другом. Что же касается отсылки к карточной дуэли Чарноты и Корзухина, то самое забавное здесь то, что одним из прототипов Корзухина был сам Ленин, а одним из прототипов Чарноты – противник Ленина в советско-польской войне Ю. Пилсудский (150).

К отрицательным качествам Ленина критик относит то, что его герой «был манипулятором и знал, как провоцировать дискуссии и дискредитировать оппонентов, навязывая им – в глазах публики – точку зрения, которой те, возможно, и не придерживались». Это, кстати сказать, обычный полемический прием, хотя и не сказать, что честный. В то же время, Данилкин признает за Лениным прежде всего положительные черты, подчеркивая, что «он не был одержимым личной властью и не считал, что у него есть монополия на истину» (151). Свидетельство же умственной нормальности Ленина: «Доказательство того, что он не был чокнутым деспотом, очень простое: его не развратила абсолютная власть, он остался философом у власти, таким Сократом». По этой логике получается, что любой деспот, использующий свою абсолютную власть для собственного обогащения является сумасшедшим. С этим вряд ли согласятся как сам диктатор, так и его подданные». Данилкин также приписывает Ленину изобретение глазированных сырков, которые вообще-то появились в 1930-е годы (152).

Чтобы подчеркнуть «буржуазный» образ жизни Ленина в парижский период эмиграции, Данилкин делает нищими основную массу русских эмигрантов: «Возможно, идея по-хамелеонски перенять стиль парижского буржуа и была тактически верной, однако подобного рода образ жизни резко контрастировал с общепринятым в эмигрантской среде, где щеголять в брюках с бахромой и ночевать в ящике из-под мыла никогда не считалось признаком эксцентричности» (153). Конечно, русская эмиграция в Европе в период между двумя русскими революциями отнюдь не роскошествовала, но в нищих не превращалась и в ящиках не ночевала. Создается впечатление, что Данилкин перепутал русскую эмиграцию 1910-х годов с генералом Чарнотой из булгаковского «Бега», который лихо щеголяет по Парижу в одних подштанниках. А еще автор характеризует Ленина как «одного из “крестных отцов” русской политической мафии» (154). С реальностью это имеет мало общего, зато создает образ, максимально перекликающийся с современностью.

В общем, в случае Данилкина перед нами роман о Ленине, замаскированный под биографию. А главный герой – полностью сконструированный персонаж, с реальным Лениным имеющий мало общего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Валентинов Н.* Недорисованный портрет / Сост. Н. Канищева, О. Лежнева. – М., 1993.

2. См.: *Иоффе Генрих.* История русской революции в «НЖ» // Новый журнал. 1996. Кн. 202.

3. См.: Там же. С. 258.

4. Там же. С. 260.

5. Там же. С. 259.

6. Там же. С. 261.

7. *Майсурян А.А.* Другой Ленин. С. 64.

8. *Иоффе Генрих.* История русской революции в «НЖ». С. 261.

9. Там же. С. 262.

10. См.: Был ли Ленин немецким агентом? Документы. СПб., 1994; *Хальвег Вернер.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. – М., 1990.

11. Был ли Ленин немецким шпионом? С. 8. Автор предисловия предлагает в этой ситуации пользоваться косвенными свидетельствами и ждать, когда станут доступными архивы немецкого Генштаба и материалы русской контрразведки «Сведения французской службы контрразведки о жизни и деятельности Ленина и его пребывании за границей», а также собранные ею

перлострации писем и телеграмм Ленина за май–октябрь 1917 года. Версии о Ленине как германском шпионе отдаст дань и Л.А. Данилкин, излагая ее по В.Л. Бурцеву и оговариваясь, правда, что подтверждающие ее документы пока не найдены: «отъезд Ленина из Франции был следствием визитов, которые в начале 1912-го нанесли в Париж представители польских партий, ранее заключившие с австрийским правительством договор о взаимодействии против России в будущей войне; приглашение якобы было сделано всем оппозиционным партиям, но приняли его только большевики. Именно эти поляки – злокозненные, как инопланетяне, и просочившиеся под всеми радами, кроме бурцевских, – и предложили Ленину пасть в пограничном тогда Кракове, у самых ворот в Россию и в зоне слепого пятна российской полиции, – чтобы в первый же день открытой войны Ленин активировал свою большевистскую сеть агентов. Документы, разумеется, отсутствуют; но похоже ли это на правду?» (Данилкин Л. Владимир Ленин. Ленин в Париже, 1908–1912. Глава из книги //Новый мир. 2016. № 8). Таким образом, этот автор вопрос о возможных связях Ленина с германской и австрийской разведками оставляет открытым, предлагая решать его читателям самостоятельно.

12. См.: Ленину о Ленине. Письма 1918–1921 гг. (Публикация Г.А. Бурдюгова). В кн.: Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992. С. 12–27; Смерть Ленина: народная молва в спецдонесениях ОГПУ (Публикация Л.П. Кошелевой и Н.В. Тепцова). – Там же. – М., 1993. С. 9–26. Последняя публикация любопытна в свете спора о том, кто был вторым человеком в большевистской иерархии при жизни Ленина. Народ, причём самые различные его слои, считали таким человеком Л.Д. Троцкого. Его фамилия фигурировала чуть ли не в каждой сводке в качестве потенциального преемника Ленина, Сталин же ни разу не упомянут. Для одних Троцкий был «заступником пролетариата» и одновременно защитником частной собственности; у других было отрицательное чувство из-за еврейского происхождения Троцкого. Вероятно, Троцкий действительно был по своему реальному весу и популярности вторым после Ленина человеком в партии и государстве в годы революции 1917 года и Гражданской войны, когда он возглавлял Красную Армию. Однако с окончанием Гражданской войны и избранием Сталина в 1922 году генеральным секретарем партии именно он занял второе место в партийно-государственной иерархии. А после того, как в 1923 году Ленин из-за болезни стал недееспособен, Сталин фактически возглавил иерархию в СССР. Троцкий же, против которого со Сталиным объединились Зиновьев и Каменев, практически утратил свое влияние и оказался на маргинальной позиции в Политбюро и в партии, что предопределило его поражение в развернувшейся борьбе за власть. Как раз во время внутривнутрипартийного кризиса 1923 г., еще при живом Ленине, командующий Московского военного округа Н.И. Муралов пришел к Троцкому и предложил ему силой сместить с поста и расстрелять Сталина, Зиновьева и Каменева и провозгласить вождем Троцкого. В войсках округа Муралов был популярен, а Троцкий был популярен как в Красной Армии, так и среди той части населения, которая поддерживала большевиков. Популярность Муралова и авторитет Троцкого гарантировали успех переворота. Красная Армия не выступила бы против

своего вождя, а наоборот, поддержала бы его. Однако Троцкий отказался совершать военный переворот (*Коломнин С.* Солдат революции, так и не ставший маршалом // *Братишка*, 2009. Март. № 3. С. 13). Он мыслил исключительно в идеологических категориях мировой коммунистической (пролетарской) революции. Для того чтобы продолжать дело мировой революции, ему надо было стать главным вождем партии большевиков, полноправным членом которой он стал только с середины 1917 г. Борьба на этом фронте была для Троцкого заведомо проигрышной. Ведь не только весь партийный аппарат контролировался Сталиным, но и среди старых партийцев преобладало настороженное отношение к Троцкому. Последний ни в коем случае не собирался захватывать власть путем военного переворота и становиться бо-напартом-диктатором. Ведь тогда бы он ничем не отличался от какого-нибудь латиноамериканского каудильо. Это означало бы конец русской революции и крах всех надежд на мировую революцию. А Троцкому власть нужна была не сама по себе, а лишь для того, чтобы иметь возможность проводить определенные идеи, причем в мировом масштабе. И в этом отношении он безнадежно проигрывал Сталину, для которого власть представляла безусловную ценность сама по себе. Троцкий вспоминал: «В январе 1925 г. я был освобожден от обязанностей народного комиссара по военным делам. Больше всего боялись... моей связи с армией. Я уступил пост без боя... чтобы вырвать у противников орудие инсинуаций насчет моих военных замыслов» (*Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. – М., 1991. С. 491–492).

13. А. Латышев с сентября по ноябрь 1991 года входил в состав временной депутатской комиссии парламентского расследования причин и обстоятельств государственного переворота в СССР и использовал эту возможность совсем в других целях – не для предоставления всем исследователям свободного и равного доступа к секретным ленинским документам, а для соборных 70 статей и публикаций около 100 ленинских работ, многие из которых носили, как теперь очевидно, заведомо коммерческий характер, с заведомо политизированными, а не научными комментариями.

14. *Pipes Richard* (Ed.), with the assistance of *Brandenberger David*. The Unknown Lenin: From the Secret Archive. Annals of Communism. – New Haven, Yale University Press, 1996.

15. См.: *Логинов Владлен*. Несостоявшаяся сенсация // *Свободная мысль*. 1997. № 12. С. 86–93.

16. Там же. С. 87.

17. Там же.

18. См.: *Латышев А.Г.* Рассекреченный Ленин. – М., 1996. С. 27.

19. См.: *Domenic Lieven* // *Slavic Review*, Summer 1998. Vol. 57. Number 2. P. 456–457.

20. *Rabinowitch Alexander*. Richard Pipes's Lenin // *The Russian Review* 57 (January 1998). P. 110.

21. См.: Там же. P. 112–113.

22. *Майсурия А.А.* Другой Ленин. С. 419.

23. См.: *Трукан Г.А.* Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. – М., 1975; *Он же*. Революция, которая потрясла мир // *История СССР*. 1990. № 1.

24. См.: *Трукан Г.А.* Путь к тоталитаризму. 1917–1929 гг. – М., 1994.
25. *Гимпельсон Е.Г.* «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. – М., 1973.
26. См.: *Гимпельсон Е.Г.* Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством. Ноябрь 1917–1920. – М., 1977.
27. *Гимпельсон Е.Г.* Политическая система и нэп: неадекватность реформ // Отечественная история. 1993. № 2. С. 30, 34, 36.
28. *Гимпельсон Е.Г.* Влияние Гражданской войны на формирование советской политической системы. 1918–1920 гг. // История СССР. 1989. № 5. С. 4, 8.
29. См.: *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. – М., 1995. С. 47.
30. *Волкогонов Д.* Ленин. Кн. 1. – М., 1994. С. 17–18.
31. Там же. С. 10, 12–14, 27–28, 34.
32. См.: *Штурман Д.* Московские новости, которые не стареют // Новое русское слово. – New York, 1993, January 29. С. 7.
33. См.: Комсомольская правда. 1994, 25 июня.
34. См.: Правда. 1994, 20 августа.
35. См.: *Medvedev R.A.* In the Lenin Archive // The Nation. 1995, January. P. 134–137.
36. См.: *Hagen Mark von.* Afterword // Там же. P. 137–138.
37. *Булдаков В.П.* Историографические метаморфозы «красного Октября». В кн.: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М., 1996. С. 196. Как отмечает А.А. Майсурян, негативное отношение Ленина к буржуазному парламентаризму определялось тем, что «парламентские учреждения вроде Учредительного собрания не выдерживали раскаленной атмосферы общественной борьбы и лопались в ней по швам». (*Майсурян А.А.* Другой Ленин. С. 287).
38. См.: *Козан А.И.* Большевистские вожди: к вопросу об интеллигентности и прагматизме. В кн.: Октябрь 1917 года: вопросы истории. – Н. Новгород, 1993; *Ильясов Ф.Н.* Большевизм: норма или отклонение? // Вестник Российской академии наук. Т. 66. № 1, 1996.
39. *Булдаков В.П.* Историографические метаморфозы «красного Октября», С. 197.
40. *Краус Тамаш.* Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота. 1917–1928. – Будапешт, 1996. С. 16–17.
41. *Дедков И.И.* «Как я документально установил» или «Смею утверждать». О книге Д.А. Волкогонова «Ленин». В кн.: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. С. 137.
42. Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. – М., 1995.
43. См.: там же. С. 16, 58.
44. *Плимак Евгений.* Современные споры о Ленине // Свободная мысль. 1996, № 2. С. 84–85.
45. Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. С. 16.
46. *Плимак Евгений.* Указ соч. С. 85.
47. Ленинизм и Россия. – Екатеринбург, 1995. С. 245.

48. Там же. С. 5–7, 34–35.
49. Там же. С. 52–53.
50. Там же. С. 66, 82, 84.
51. См.: там же. С. 214, 241.
52. См.: там же. С. 112–115, 125, 146, 157–158.
53. См.: там же. С. 238–241.
54. Там же. С. 263, 270, 271–274.
55. *Островский Э.В.* Основы философских знаний. – М., 1998. С. 101.
56. *Левицкий С.А.* Очерки по истории русской философии. – М., 1996. С. 430.
57. См.: *Anderson Kevin.* Lenin, Hegel, and Western Marxism: A Critical Study. – Urbana, University of Illinois Press, 1995. Отметим, что автор, тщательно изучив пометки Ленина, подчёркивает величайшую скрупулезность и тщательность протечения им Гегеля.
58. *Harding Neil.* Leninism. – Durham, Duke University Press, 1996.
59. См.: *Фишер Л.* Жизнь Ленина. В 2-х т. Пер. с англ. – М., 1997; *Service R.* Lenin: A Political Life. – L., 1985, 1990, 1995; *Idem.* Lenin: A Biography. L., 2010. Vol. 1–3.
60. См. также об этом: *Эктон Э., Гэтредл П.* Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза. В кн.: Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. – М., 1996. С. 38–39.
61. *Resnik Abraham.* Lenin: Founder of the Soviet Union. – London, 2004; *Reed Christofer.* Lenin: A Revolutionary Life. – London, 2005.
62. *д'Анкосс Элен Карпер.* Ленин. – М., 2010. Также американский историк Пол Ле Бланк, придерживающийся левых социалистических взглядов, склонен высоко оценивать Ленина как творца революции. Он также считает, что его идеи о революционной организации выросли на почве развития всего революционного развития России (*Le Blanc P.* Lenin and the Revolutionary Party. – N.Y.: Humanity Books, 1993).
63. *Пейн Роберт.* Ленин: жизнь и смерть. Перевод с англ. О.Л. Никулиной. М., 2008. См. также обстоятельную рецензию на эту книгу Ольги Богуславской в журнале «Знамя» (2003. № 1).
64. *Фельштинский Юрий.* Крушение мировой революции. Очерк первый: Брестский мир. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. – London, Overseas Publications Interchange, 1991. С. 7.
65. Там же. А.А. Майсурян отмечает, касаясь психологии вождя большевиков, что «нет сомнений, что Ленин ощущал себя “как рыба в воде” именно в такие дни, когда все вокруг рушилось и летело кувыркком. “Хорошая у нас в России революция, ей-богу!” – с удовольствием писал он в октябре 1905 года. А в долгие годы затишья и успокоения Ленин тосковал по революции, не мог дождаться ее прихода» (Другой Ленин. С. 162). Ленина влекла стихия борьбы. В мирное время он чувствовал себя неуютно.
66. *Дмитренко В.П.* «Военный коммунизм», нэп... // История СССР. 1990. № 3. С. 6.
67. *Булдаков В.П., Кабанов В.В.* «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 45.
68. *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм – в плену большевистской доктрины. В кн.: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. С. 225.

69. *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. – М., 1991. С. 52.

70. См.: Там же. С. 55, 56–57. Кстати, Павлюченков почему-то не замечает принципиальной работы критикуемых авторов: *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* Историческая развилка весны 1918 года // Вопросы истории КПСС. 1991. № 8–9.

71. См.: *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм – в плену большевистской доктрины. С. 228.

72. *Цакунов С.В.* В лабиринте доктрины. – М., 1994. С. 9.

73. См.: Там же. С. 117–119.

74. Там же. С. 106–107.

75. См.: Правда. 1995. 21 апреля.

76. См.: *Чебыкин В.А.* Осторожно: фальсификация ленинского образа. – Астрахань, 1992; *Он же.* Самокритичный Ленин. – Астрахань, 1995; *Волков Ф.Д.* Великий Ленин и пигмеи истории. – М., 1996.

77. *Гончаров В.Н., Филиппов В.Н.* Россия, Ленин и современный мир. – Барнаул, 1996. С. 3.

78. Там же. С. 405.

79. См.: Speed info. 1995. № 8. С. 12.

80. См.: *Клещевский В.А.* Тайна Ленина. – Томск, 1995; Аргументы и факты. 1995. № 20.

81. См.: *Feodoroff Nicholas. V. Lenin* // Political History of Russia. Vol. 8, Number 2/3. P. 99.

82. Там же. P. 102–103.

83. *Перфилов В.А., Костягина В.М.* Жизнь Владимира Ильича Ленина. Вопросы и ответы. С. 15.

84. *Плимак Е.* Политика переходной эпохи: опыт Ленина. – М.: Весь мир, 2004. С. 7.

85. Там же. С. 11–12.

86. Там же. С. 316. Цит.: *Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батников С.А.* Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 гг. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. С. 8.

87. *Логинов В.Т.* Владимир Ленин. Биография. Выбор пути. – М.: Республика, 2005. Новая расширенная версия этой книги, посвященной раннему этапу жизни Ленина см.: *Логинов В.Т.* Владимир Ленин: как стать вождем. – М.: ЭКСМО, 2011.

88. *Логинов В.Т.* Владимир Ленин. Биография. Выбор пути. С. 5–6. Цит.: *Водовозов В.* Мое знакомство с Лениным // На чужой стороне. – Прага, 1925. № 12. С. 175; Коммуна. – Самара, 1924. 24 апреля.

89. *Войтинский В.С.* Годы побед и поражений. Т. 2. – Берлин: Изд-во 3. Гржебина, 1924. С. 102–103.

90. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 48. С. 238–239.

91. Хрестоматия по истории России. 1917–1940 / Под ред М.Е. Главацкого. – М.: Аспект Пресс, 1994. С. 264.

92. *Логинов В.Т.* Владимир Ленин. Биография. Выбор пути. С. 10.

93. Там же. С. 380. Как считает Л.А. Данилкин, среди крестьян «Ленин воспринимался как Спаситель, большевики – как кто-то вроде первых хри-

стиан, занимающихся, пусть неосознанно, строительством Нового Иерусалима» (*Басинский П.* Это что за большевик? Интервью с Л. Данилкиным // *Российская газета*. 2017, 18 января).

94. Подробности дела о наследстве Н.П. Шмита см.: *Шестернин С.П.* Реализация наследства после Н.П. Шмита и мои встречи с Лениным // *Старый большевик*. Сб. 5 (8). – М., 1933. С. 146–159.

95. Неизвестный Ленин – М.: Эксмо, Алгоритм, 2010. С. 572. Цит.: *Садиль Ж.* Записки о большевистской революции (октябрь 1917 – январь 1919). – М., 1990. С. 146. Этот труд В.Т. Логинова дважды переиздавался: Владимир Ленин. На грани возможного. – М.: Алгоритм, 2013; 3-е изд.: Ленин в 1917 году. На грани возможного. – М.: ЭКСМО, 2016. 96. *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». М. – СПб., 2002; *Колганов А.И.* Миф о «немецком золоте» // *Альтернативы*. 2006. № 2.

97. *Никонов В.А.* Крушение России. 1917. – М., 2011. С. 288.

98. *Kenan G.* The Sisson Documents // *Journal of Modern History*. Vol. XXVIII, 1956, № 2. P. 133, 143–153. О подложности «документов Сиссона» пишут и В.А. Перфилов и В.М. Костягина (*Жизнь Владимира Ильича Ленина*. Вопросы и ответы. С. 161). Они также подчеркивают: «Даже ряд специалистов, полагавших, что большевикам были переданы какие-то деньги, отрицают вербовку Ленина и других членов партии германской разведкой. Известный французский разведчик Л. Тома, активно дискредитировавший большевиков в 1917 г., впоследствии признавался: “Ленин не был платным агентом Германии в том смысле, что не получал от немецких властей задания действовать определенным образом в обмен на денежное вознаграждение или на заранее оговоренную выгоду”... В настоящее время можно с полным основанием утверждать, что современное состояние источников не дает оснований для выводов о получении большевиками, и Лениным в частности, немецких денег». (Там же. С. 162. Цит.: *Попова С.С.* Французская разведка ищет «германский след» // Сб. Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. – М., 1994. С. 264–273).

99. *Бутаков Я.А.* Брестский мир: ловушка Ленина для кайзеровской Германии. – М.: Вече, 2012. С. 168, 169, 208.

100. *Корнеев В.В., Козлов Я.В.* Очернение Ленина. Как это делают официальные «историки» на страницах «Российской газеты» // *Политическое просвещение*. 2014. № 5. Цитируются интервью А.К. Сорокина «Российской газете» от 3 и 22 апреля 2014 г.

101. *Merridale C.* Lenin on the Train. – L.: Allen Lane, 2016. См. также: Голицына Н. Бацилла большевизма. Интервью с Кэтрин Мерридейл // *Радио Свобода*, 2016, 15 декабря, <http://www.svoboda.org/a/28171686>.

102. *Перфилов В.А., Костягина В.М.* Жизнь Владимира Ильича Ленина. Вопросы и ответы. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 5.

103. Там же. С. 101.

104. *Жирнов Е.М.* «Владимиру Ильичу уже успели впрыснуть морфий» // *Коммерсантъ-Власть*. 2012, № 27, 9 июля. С. 48.

105. Там же.

106. Там же.

107. Там же.
108. *Жирнов Е.М.* «Это они меня за дурака считают» // *Коммерсантъ-Власть*, 2012. № 28, 16 июля. С. 48.
109. Там же.
110. *Краус Т.* Ленин. Социально-теоретическая реконструкция / пер. с венгерского С. Филиппова. – Москва: «Наука», 2011. См. также: *Краус Т., Арсланов В., Васильев М., Соловьев С.* Ленин в современной Восточной Европе // *Скепсис*, 2012. 2 июня.
111. *Enker B.* Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1997 (Beiträge zur Geschichte Osteuropas, Bd. 22). Русский перевод: Энкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. Пер. с нем. А.Г. Гаджикурбанова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
112. *Энкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. С. 18. Здесь цит.: *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie. 5. Aufl. – Tübingen, 1980. S. 1.
113. *Энкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. С. 402.
114. *Поцелуев В.А.* Великий Ленин. «Вечно живой». С. 9.
115. *Майсурия А.А.* Другой Ленин. – М.: Вагриус, 2006. С. 3.
116. Там же. С. 9.
117. Там же. С. 470.
118. Там же. С. 436.
119. *Троцкий Л.Д.* Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? – М.: НИИ культуры Министерства культуры РСФСР, 1991. С. 90.
120. *Майсурия А.А.* Другой Ленин. С. 464.
121. *Смирнов М.Ю.* Религия и Библия в трудах В.И. Ленина: новый взгляд на старую тему // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 2011. № 2. С. 107.
122. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 38. С. 73; Т. 44. С. 246–247.
123. *Смирнов М.Ю.* Религия и Библия в трудах В.И. Ленина. С. 112.
124. Там же. С. 108. Цит.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 48. С. 231–232.
125. *Смирнов М.Ю.* Религия и Библия в трудах В.И. Ленина. С. 112.
126. Там же. С. 111.
127. Там же. С. 125.
128. Там же. С. 121.
129. *Майсурия А.А.* Другой Ленин. С. 423–424.
130. Там же. С. 365.
131. *Никонов В.А.* Крушение России. 1917. – М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 3. Цит.: *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. – СПб., 2000. С. 311.
132. *Никонов В.А.* Крушение России. 1917. С. 11.
133. Там же. С. 13–14.
134. Там же. С. 24.
135. Там же. С. 25.
136. Там же. С. 41.
137. Там же. С. 91.
138. Там же. С. 120.
139. Там же. С. 127.

140. Там же. С. 137.

141. Там же. С. 182.

142. Там же. С. 225.

143. Там же. С. 226.

144. Там же. С. 672.

145. *Басинский П.* Это что за большевик? Интервью с Л. Данилкиным // Российская газета. 2017, 18 января.

146. Там же.

147. Там же.

148. Там же.

149 См.: *Соколов Б.В.* Булгаков. Мастер и демоны судьбы. – М.: Яуза; Э, 2016. С. 340–354.

150. *Басинский П.* Это что за большевик?

151. Там же.

152. Там же.

153. *Данилкин Л.* Владимир Ленин. Ленин в Париже 1908–1912. Глава из книги // Новый мир. 2016. № 8.

Глава 2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ: ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

В советской историографии долгое время господствовал объективистский, псевдомарксистский подход в описании Ленина и ленинизма, как правило, выводящий личность лидера и биографические подробности за рамки объяснения исторического процесса. После 1991 года и в этой области положение стало быстро изменяться. Тон задали работы американских исследователей профессора Принстонского университета Р. Такера, профессора Веслеанского университета Ф. Помпера, ставшие достоянием российского историков, и московского философа Е.Б. Шестопала. Все они придерживаются следующей исходной позиции. В конкретных ситуациях люди ведут себя отнюдь не в соответствии с требованиями общественного производства, но в зависимости от своего культурного уровня и соотносящегося с ним видения мира, психологического склада и состояния, стиля мышления и подсознательных импульсов, существенно влияющих на их реакцию и поступки. Личность может играть значительную роль в истории не только тогда, когда она более или менее адекватно выражает (или стремится выражать) интересы масс, но и тогда, когда руководствуется сугубо абстрактными идеями и идеалами, а иногда и вовсе только своими личностными интересами и амбициями, которые рационально могут даже не сознаваться ею самой. Но если К. Хорни и Е.Б. Шестопал ограничились общей разработкой проблемы, если Р. Такер, выявляя связь между историей и личностью, искал личностную детерминанту политической деятельности, в том числе её бессознательную мотивацию, применительно к Сталину, то Ф. Помпер, предметом своего исследования избрал того же Сталина, наряду с ним Троцкого, а главное, фигуру Ленина (1).

Выстраивание идентичности

Согласно концепции Помпера, личность Ленина формировалась под постоянным воздействием его собственных волевых усилий. Он «выстраивал свою идентичность» в непрестанном боре с самим собой, жизненными коллизиями и людьми. Нравственный императив семьи Ульяновых, провозглашавший жертвенное отношение к другим в качестве высшей добродетели и долга, формировал в детях чувство внутренней раздвоенности, поскольку самопожертвование вовсе не соответствовало самой природе детского характера (2).

Хрестоматийно известная реакция Ленина на смерть брата Александра и других членов семьи обнаружила в нём способность, ставшую затем принципиальной чертой его стиля политического поведения, без колебаний отвергать «сентиментальную приверженность к прошлому», если она препятствует осуществлению намеченной цели. Историк приводит пример конфликта при первой же встрече Ленина и Плеханова, когда тот решительно отверг разработанный Лениным и Потресовым план издания «Искры», обвинив их при этом в оппортунизме. Когда же ценой компромисса была достигнута договоренность, этот «травматический эпизод» помог ему обрести новый уровень сознания, понять, что сентиментальность ведет к зависимости и поражению, и что политическое сотрудничество возможно без чувства любви и дружбы (3).

Именно в преодолении трудностей и конфликтов у Ленина формируется «жесткий менталитет», обусловивший ярко выраженную авторитарную направленность его теоретической мысли и своеобразный стиль поведения в отношении к своим политическим противникам как людей недостойных – предателей, провокаторов, лжецов (4). В этой доминирующей черте личности был элемент политической консервативности, нашедший выражение в организационных принципах партии, устроенной по авторитарному образцу (5).

Помпер не останавливается при этом на возможных внешних причинах партийного строительства – нелегальное существование организаций, преследование со стороны самодержавия, а затем и война. Он также не разделяет распространенное в западной литературе суждение о том, что Ленин лишь использовал марксистскую риторику для прикрытия своих политических манев-

ров. Напротив, считает он, Ленин искренне верил в возможность научного анализа ситуации и своей деятельности, всегда стремился опереться на науку (6).

Наконец, автор признает, что ярко выраженное стремление к власти не привело Ленина к мании величия. Однако оно неизбежно рождало приверженность к яковинско-бланкистским методам революционной политики. Для него партия всё больше превращалась в единственный инструмент прогресса, «служанку жесткой богини диалектики истории» (7).

Запретная родословная

Начало 90-х годов ознаменовалась повышенным вниманием историков и к другим ранее запретным личностным аспектам жизни Ленина, прежде всего к его родословной. Особенность момента заключалась в том, что некоторые историки из родословной напрямую всё чаще и чаще стали выводить политическое поведение Ленина. Новый этап традиционного, но закрытого в советские времена спора начался с опровержения одного важного утверждения. Речь идёт о публикации научного сотрудника Музея В.И. Ленина в Ульяновске Е. Томуль «За строкой архивных документов», которая ещё в 1990 году доказывала, что дед Ленина по материнской линии был малороссом. В ответ на это в 1992 году М.Г. Штейн и И.И. Иванова, Г.М. Дейч представили документы о еврейском происхождении А.Д. Бланка (8).

Одновременно, на основе материалов немецких историков Г. фон Рауха и А. Брауэра, появились публикации о немецких родственниках Ленина (9), а в 1995 году издательством Ассоциации генеалогов-любителей опубликована работа В.А. Могильникова «Предки В.И. Ульянова-Ленина», составленная по правилам русской генеалогической науки поколенная роспись рода Ульяниных (Ульяновых) (10). Этот автор, продолжая работу исследователей конца 60-х годов, выявивших три поколения крепостных крестьян рода Ульяниных, живших в селе Андросове, продолжил роспись ещё на два поколения. Поколенную роспись рода он начал с жившего в XVII веке Андрея Ульянина, крепостного крестьянина помещика Панова, и закончил представительницей 10-го поколения – Надеждой Владимировной, правнучкой Дмитрия Ильича Ульянова. В комментариях к росписи Могильникова

А.Н. Онучин обратил внимание на то, что «...родословная Ульяниных/Ульяновых даёт два примера перехода из одного сословия в другое, факт для царской России далеко не обыденный. Из крепостного состояния через личносвободное сословие астраханских мещан к сословию потомственных дворян – такова история рода» (11).

Безусловно, интерес к проблеме происхождения Ленина не был чисто научной проблемой в контексте общей политической кампании, смысл которой был очевиден – развенчание Ленина как личности, с её изначальной нелюбовью к России, ко всему «истинно русскому». В своей версии генеалогии Ленина писатель В.А. Солоухин, используя данные М.Г. Штейна, пришёл к следующему выводу: «В перечислении М. Штейна признаков “русскости” (по культуре, по языку, по воспитанию) не хватает маленького словечка – “по духу”. Домашнее ли воспитание, гены ли виноваты тут, но словечка этого явно не хватает» (12). А виновником ненависти к России сделала его мать, которая «натаскивала своих детей на революционную деятельность, на ненависть к Российской империи и – в дальнейшем – на уничтожение ее» (13), и в которой не было ни грамма русской крови, поскольку «если Анна Ивановна Грошопф (бабушка В.И. Ленина по материнской линии – *Е.К.*) была шведкой, в матери Ленина на 50 процентов еврейской и шведской крови. Если же Анна Ивановна была шведской еврейкой, то Мария Александровна, получается, чистокровная, стопроцентная еврейка» Через мать передалась «лютая ненависть» Ленина к церкви и православию (14).

К сожалению, писатель скрыл от неискующих читателей документы, которые не вписывались в его схему, в частности, письмо деда Марии Александровны, М.И. Бланка, на имя Николая I от 18 сентября 1846 года, опубликованное тем же М.Г. Штейном. Смысл его заключался в обосновании необходимости христианизации евреев (15).

Не обошёл вопроса о родословной и Д.А. Волкогонов, посвятивший ей в своей книге «Ленин» целый раздел. Однако рассказывая о предках Ленина по материнской линии он допускает ряд ошибок – искажает имя бабушки Ленина (называет её Анной Григорьевной вместо Анны Ивановны), фальсифицирует эпизоды семейной жизни (утверждает, к примеру, что после выхода в отставку А. Бланк на денежное приданое жены купил имение Кокушкино, хотя это приданое было прожито ещё до смерти Анны Ивановны) (16). Автор также сообщает, что «один из известных

биографов Ленина Д.Н. Шуб провёл специальное исследование национальных корней лидера русской революции и установил, что А.Д. Бланк был сыном торговца-еврея из города Старокоп-стантинова Волынской губернии Мойше Ицковича Бланка, жена-того на шведке Анне Карловне Остедт» (17).

Итак, если Солоухин выводит «нерусскость» Ленина из его генов, то Волкогонов также склоняется к такому же мнению, но обрамляет его компилятивным толкованием генеалогии и симптоматичными оговорками: «...При оценке судьбы и деяний Ленина было бы ошибочным придавать повышенное значение национальному элементу. В нём содержались лишь этнические потенции, которые реализовались в действительности под решающим влиянием социально-политических условий» (18). И для доказательства своего тезиса автор апеллирует к упоминавшемуся нами письму А.И. Ульяновой-Елизаровой И.В. Сталину. Многие исследователи обратили внимание на предупреждения Анны Ильиничны о том, что умолчание документов о еврейских корнях в генеалогии Ленина обернётся против партии и её вождя, что и показала, в частности, книга Солоухина.

Не все исследователи приняли тезис о еврейском происхождении Ленина. М.Е. Бычкова на основе архивных изысканий пришла к выводу о существовании двух Александров Бланков: дед Ленина происходил из православного купеческого рода, начал службу в 1824 году и в 40-е годы дослужился до чина надворного советника, дававшего право на потомственное дворянство, а другой Бланк был на 3–4 года старше, учился медицине, но получить право на дворянство не мог, поскольку не был на государственной службе (19). Версию о еврейском происхождении Ленина отрицает и его племянница О.Д. Ульянова.

Значительный вклад в раскрытие «тайн» родословной вносит новая книга М.Г. Штейна «Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима», вышедшая в 1997 году. В ней обобщены результаты его собственного исследования и труды других авторов, занимавшихся этой проблемой. Однако в вышедшей в следующем году книге О. Абрамовой, Г. Бородулиной и Т. Колосковой «Между правдой и истиной. (Об истории спекуляций вокруг родословия В.И. Ленина)» были оспорены некоторые подходы М.Г. Штейна, в частности, негативные характеристики прадеда Ленина по материнской линии – М.И. Бланка. Три автора внимательно изучив новые документы, в том числе некоторые из Архива Президента РФ, подробно рассматривают неизвестные детали

биографии прадеда. В конечном итоге они поставили под сомнение подлинность тех документов, которые дали основание М.Г. Штейну вынести суровый приговор М.И. Бланку. Общий же их вывод сводится к утверждению о том, что по материнской линии на генеалогическом древе Ленина есть русская, шведская, немецкая и еврейская ветви. Однако эти авторы разделяют и точку зрения О.Д. Ульяновой, единственной прямой наследницы Ульяновых, о том, что «пока вопрос о предках В.И. Ленина по линии его деда – потомственного дворянина Александра Дмитриевича Бланка – требует дополнительного исследования» (20).

Безусловно, окончательно прояснить вопрос могут лишь документы об А.Д. Бланке, которые находятся в Архиве Президента РФ и недоступны пока для исследователей. Как справедливо отмечают О. Абрамова, Г. Бородулина и Т. Колоскова, «вся история изучения родословной Ленина – яркое доказательство того, что ограничение доступа к документам или их изъятие, принудительное забвение тех или иных фактов способно лишь породить мифы и фальсификации. То, что... стало известно в ходе изучения историографии семейной генеалогии Ленина, лишний раз подтверждает истину: “Нет лжи безжалостней, чем умолчание...”» (21).

Тем не менее естественные академические споры о родословной стали основанием для новых концепций о Ленине как политике. Первый толчок к их появлению дал сам Штейн, приведший в своём сочинении следующее высказывание основателя аналитической психологии К.Ю. Юнга: «...Причинной связью с родителями едва ли можно объяснить, чем является ребенок как отличная от родителей индивидуальность. Можно даже рискнуть предположить, что не родители, а скорее генеалогия родителей (деды и прадеды, бабки и прабабки) являются подлинными прародителями детей и больше объясняют их индивидуальность, чем сами непосредственные и, так сказать, случайные родители» (22).

Опираясь именно на это положение и раскрывающие его факты, Г.Х. Попов провозгласил новое понимание личности Ленина: «...Не оставив Ленину ни земель, ни фабрик, ни капиталов, предки оставили ему гораздо более важное – добротную генетическую наследственность. Откуда же тогда ряд очевидно отрицательных черт Владимира Ильича? Судя по всему, от прадедушки Моисея Ицковича Бланка», который «добивался усиления враждебного отношения николаевского режима к ни в чем не повинным евреям. Царизм реализовал даже идею Бланка о запрете евреям носить национальную одежду». Далее следует вывод:

«Какая степень ненависти, остервенения, злобной мстительности должна была быть у этого прадеда Владимира Ильича! И как много аналогий возникает при сравнении отношения Бланка к евреям с отношением Ленина к своим политическим оппонентам!» (23).

Очевидно, что неискушенный читатель запомнит последнее утверждение и, быть может, не вспомнит, что, например, ещё «Положение о евреях» 1804 года запрещало им носить национальную одежду за пределами черты оседлости, а «Положение» 1835 года подтвердило этот запрет. М.И. Бланк к этому не имел никакого отношения. По хрестоматийной же «Истории евреев в России» Ю. Гессена известно, что ходатаями перед императором, добивавшихся издания высочайшего повеления о запрещении носить еврейскую одежду, были поэт и педагог С. Залкинд, библиофил М. Страшун, писатель М.А. Гинцбург (24).

«Еврейскому следу» в родословной Ленина посвящена книга американского историка, эмигранта из СССР Йоханана Петровского-Штерна «Еврейский вопрос Ленину» (25). Он не сомневается в том, что М. Бланк был прадедом Ленина. Как отмечает Петровский-Штерн, профессиональные историки сочли соответствующие находки убедительными, в то время как О.Д. Ульянова вплоть до своей смерти в 2011 г. продолжала отрицать еврейские корни Ленина. Хотя, в любом случае, следует оговориться, достоверно неизвестно, знал ли сам Ленин о еврейском происхождении своего предка. Как подчеркивает Петровский-Штерн, «сестра Ленина Анна обнаружила еврейские корни Александра (Бланка, деда Ленина. — *Е.К.*) только после смерти Ленина, в 1924 г.». Тем не менее, исходя из предположения, что не имеет принципиального значения, был ли известен Ленину этот факт или нет, а важно отношение Ленина к русским евреям в целом и к еврейскому происхождению в частности, Петровский-Штерн выстраивает теорию, согласно которой Ленин терпеть не мог, когда людей определяют по этно-национальному признаку, равно как и любых манипуляций еврейским вопросом только потому, что это препятствовало партийной централизации. Он верил, что для того, чтобы стать руководящей партией рабочих, РСДРП должна отбросить все устаревшие формы автономно действующих партийных организаций и групп. Как утверждает историк, «Ленин считал Бунд неправильной и ненастоящей марксистской организацией, граничащей, как он заявлял, с национализмом, клерикализмом и капитализмом», и стремился привлечь его в РСДРП

только потому, что хотел поставить под контроль своей партии все рабочее движение в России. И точно также стремление к централизации привело Ленина к убеждению, что «признание права наций на самоопределение не исключало борьбы против их самоопределения. Ленин провозгласил, что партии следует прикладывать максимальные усилия, чтобы доказать глубокую ошибочность проведения в жизнь этого принципа».

По мнению Петровского-Штерна, большевистские руководители в дальнейшем скрывали еврейское происхождение Ленина, потому что учитывали широкое распространение в СССР антисемитских настроений. В частности, «Сталину совершенно не нужно было, чтобы кто-либо ставил под сомнение его, сталинскую, или ленинскую принадлежность к русскому народу. Ведь именно его русскость (хотя и не она одна) служила оправданием его власти как лидера всероссийской коммунистической партии». А потому «образ Ленина служил отличным подспорьем в деле русификации, новой линии в проводимом коммунистической партией культурном строительстве». Историк подчеркивает, что российские ксенофобы и неофашисты стремятся сделать из Ленина еврея, каковым он никогда не был. Он так же делает вывод выводу о глубоких расистских и антисемитских предрассудках российского официоза: «Анна Веретенникова (урожденная Бланк) могла беспрепятственно размышлять о якобы немецких корнях семейства Бланков, объясняющих, как ей казалось, удивительную ленинскую пунктуальность и трудолюбие. Но обсуждение ленинской родословной, связанной с кочевниками-калмыками и семитами-евреями, представлялось немыслимым, поскольку затрагивало национальную – а то и расовую – “чистоту” иконически русского Ленина».

Глубинную причину замалчивания еврейской родословной Ленина исследователь видит «в национальной политике Советского Союза, которая зиждилась на особом – главенствующем и центральном – положении русских в вертикально ориентированной системе советских этносов и национальных меньшинств. Для партии культ русского Ленина был фундаментом, на котором возводилось здание русского национального централизма, главенствующей роли русских в многонациональной стране и в мировом коммунистическом движении. Появление Бланков могло дать трещину по всему фундаменту, поскольку бросало тень сомнения на официально стопроцентную ленинскую русскость». Петровский-Штерн также отмечает «поразительное сходство

в отношении высших советских руководителей и русских ультраправых к еврейским корням Ленина». Его общий вывод сводится к следующему: «К тому времени, когда Мария Александровна Бланк стала Марией Ульяновой, Бланки уже были духовно, религиозно, лингвистически и культурно русскими людьми. Если кому-нибудь вздумается назвать мать Ленина еврейкой, его следует считать психически больным, а не националистом. Всецело занятый вопросами власти и партийного централизма, Ленин вообще мало интересовался евреями. Евреи занимали незначительное место среди его культурных или политических интересов, а скорее всего не занимали никакого места вовсе. Положительное или отрицательное отношение Ленина к евреям зависело исключительно от его сиюминутных партийно-политических задач. Его взаимоотношения с еврейскими марксистами (бундовцами) лишней раз доказывают, что Ленин скорее презирал, чем уважал евреев. Впрочем, его отношение к другим этническим группам было не лучше».

Необходимо подчеркнуть, что в книге Петровского-Штерна содержится убедительная критика построений В. Солоухина, В. Кожина, А. Солженицына, А. Арутюнова и других российских публицистов, которые из еврейских корней Ленина выводят тезис о русской революции как о «еврейском заговоре».

По поводу позиции Ленина в отношении евреев интересные свидетельства приводит израильский журналист И. Окунев, основываясь на интервью с шофером Ленина М.Е. Кузьминым: «Ни один народ в России не находился при самодержавии в таком унижительном положении, как евреи. У них здесь не было своей земли, они были рассеяны по всей стране. Наша революция дала евреям России все права гражданства, сделала их равноправными гражданами, раз и навсегда ликвидировала позорную черту оседлости и процентную норму в учебных заведениях. Только теперь советская Россия стала для них настоящей Родиной, и я знаю, что ей они служат верно и преданно...

Отбросив все негативные черты, присущие евреям, а они, безусловно, у них есть, как и у любого народа, не могу, тем не менее, не преклоняться перед их умом, стойкостью, преданностью делу. Я глубоко уважаю моих товарищей по партии. Вполне возможно, это не очень кому-то нравится, но для меня главное, что они безоговорочно преданы нашему делу...

В России всегда все использовалось для того, чтобы сеять темную, дикую, злобную ненависть к евреям. В стране, где пра-

вит капитал, власть всегда стремится обособить одну национальность от другой, пробудить у них взаимную отчужденность, потому что единство народа для нее страшнее всего. Если иные евреи и становились шинкарями, то только потому, что были при царизме лишены возможности иметь другую достойную работу, например, заниматься сельским хозяйством, обрабатывать землю. Двери учебных заведений для них были закрыты. Они не имели и рабочих специальностей, потому что различным ремеслам им не у кого было учиться. А для того чтобы торговать, нужно иметь прежде всего голову на плечах, а она у них есть. Нелегкая жизнь на протяжении веков, упорная борьба за выживание и существование способствовала развитию у них умственных способностей. Они в большинстве своем народ умный, сообразительный, посвоему ловкий...

Они стали уезжать туда (в Америку. – *Е.К.*) еще в начале века, когда она только начинала обустраиваться. Поняли, что в России их жизнь бесперспективна, а там у них будет возможность проявить свои способности, обстроиться, претворить в жизнь мечты и планы. Тогда они бежали туда от бесправия и погромов. Там их уже никто не преследовал, не мешал им, не чинил препятствий и притеснений, не ущемлял в правах. Они становились полноправными гражданами наравне с другими народами, селившимися в Америке. А то, что они продолжают уезжать туда и после революции, то к этому побуждают все те же погромы, которые организует в Украине Петлюра, но с этим мы скоро покончим» (26).

В.Т. Логинов принимает вслед за А.И. Ульяновой тезис о еврейском следе в родословной Ленина: «О результатах розысков, подтвердивших ее предположение, А.И. Ульянова сообщила Сталину в 1932 и 1934 годах. “Факт нашего происхождения, предполагавшийся мною и раньше, – писала она, – не был известен при его [Ленина] жизни... Я не знаю, какие могут быть у нас, коммунистов, мотивы для замолчания этого факта”. “Молчать о нем абсолютно” – таков был категорический ответ Сталина. Да и сестра ее Мария Ильинична тоже полагала, что факт этот “пусть будет известен когда-нибудь через сто лет”. Сто лет еще не прошло, но уже опубликованные данные позволяют с достаточной уверенностью прочертить родословную семьи Бланков...».

Логинов также настаивает, что предок Ленина Мойше (Дмитрий) Бланк давно порвал с еврейской общиной и в письме императору Николаю I в 1846 г. предлагал для ускорения ассимиляции евреев запретить им носить национальную одежду и обязать их

молиться в синагогах за российского императора и императорскую фамилию. По мнению Логинова, реализуя эти предложения, император в 1850 г. запретил ношение еврейской одежды, а в 1854 г. ввел текст соответствующей молитвы в синагогах (27).

Любовный треугольник

Различными кривотолками окружены личные отношения Ленина с И.Ф. Арманд. Серьёзная печать не без умысла и не без участия историков подхватила сначала слухи об их общих детях (28), затем высказывание Волкогонова о том, что Ленин любил в своей жизни только «двух человек: свою мать и Инессу Арманд. Крупская же была для него просто удобна» (29), наконец, растиражировала высказывания А.Г. Латышева из его статьи «Возлюбленная Ленина» о том, что «только ради революции оставил Ленин любимую женщину», и версию, что «Сталин угрожал Крупской в случае её малейшего неповиновения объявить официальной женой вождя Инессу Арманд» (30).

К сожалению, пока продолжает оставаться на обочине иной подход, который последовательно отстаивает ульяновский историк Ж. Трофимов. Однозначно отвергая слухи об «отцовстве» Ленина, он выступает за осторожность и деликатность в подходе к сложной истории о существовании «любовного треугольника Ленин – Крупская – Арманд». Если он и существовал, то, по мнению Трофимова, совсем не в том виде, как это представляется любителям «клубнички». В этой связи заслуживают подробного цитирования некоторые положения из его малоизвестной работы: «Естественная влюбленность И. Арманд по отношению к Ленину, как эрудированнейшему из всего окружения человеку, стойкому, смелому и талантливому лидеру большевиков, прорвавшаяся в какой-то период её жизни и как чисто “женское” чувство к нему, как к мужчине, по всей видимости, так и осталось где-то глубоко в душе, так сказать, не востребованной.

В свою очередь ум, энергия, одушевленность благородными идеалами, смелость, настойчивость в достижении общественных целей и, наряду с этим, женское обаяние не оставляли равнодушными окружавших Инессу Федоровну товарищей. Это понимали и близкие Владимиру Ильичу женщины – жена и теща. Они сами любили её, принимали и теплое отношение к ней и Владимира Ильича.

И при всей, казалось бы, сложности положения Владимир Ильич, как представляется по его письмам, сумел избежать искушений судьбы, установив раз и навсегда единственно приемлемые для порядочных людей границы взаимоотношений с И. Арманд, оставаясь для неё до конца не только учителем и соратником, но и очень близким, внимательным и преданным другом.

В отношении же Н.К. Крупской факты позволяют сделать лишь такой вывод: благородство поведения Владимира Ильича и Инессы Федоровны не дали повода для отпечатка пресловутого “треугольника” в душе Надежды Константиновны: её теплое отношение к Инессе Арманд как в первое время их общения, так и в периоды их наибольшего сближения, когда вышедшая из тюрьмы и бежавшая от преследований, пораженная чахоткой Инесса Федоровна нуждалась в заботе и помощи, а потом – и до конца её жизни. Ничто не остановило и переписки двух женщин (это ли не факт против версии о соперничестве?). А теплота и нежность переписки Надежды Константиновны с осиротевшими детьми И. Арманд достойны восхищения и способны удивить самую любящую мать.

Троим, вошедшим в историю революции выдающимся людям, личные взаимоотношения которых волею судьбы попали под увеличительное стекло, в которое устремились взоры многих посторонних, ничто человеческое не было чуждо. Однако даже при отсутствии всей переписки (которая, кстати, имеет право на свою тайну), факты говорят о безусловной порядочности этих людей, сумевших сохранить в сложной жизненной ситуации по отношению друг к другу честность, доброту, благородство» (31).

Трактовки культа вождя

В 1990-е годы довольно быстро утвердилось новое для России направление исследований – изучение культа Ленина. Обычно явление культа личности приписывают архаичным обществам, восточным деспотиям или рассматривают как атавистический феномен массового сознания, проявление отсталости или низменных, примитивных человеческих эмоций и инстинктов, не соответствующих природе рационального человека и жизни индустриального общества. Однако, как показали исследования Б. Энкера, О.В. Великановой, Н. Тумаркин, применительно к фи-

гуре Ленина культ лидера был одной из черт российской истории первой половины XX века. Сравнивая Россию с другими странами, где в то же время проявился культ лидера (Германия, Италия, Китай, США и др.), Великанова призывает учитывать различную природу культа. Она выделяет три основных случая его проявления, хотя ни один из них не выступает в чистом виде:

культ как сконструированный, навязанный сверху властью молчаливым пассивным массам посредством манипулирования общественным мнением, интенсивной пропагандой;

культ как спонтанное явление, возникающее «снизу», исходящее от масс при определённых обстоятельствах, например, кризис;

культ как порождение исключительных качеств личности лидера (теория харизмы) или его воли (32).

Культ Ленина эта исследовательница рассматривает в комплексе различных аспектов: аспекте религиозного символа с такими атрибутами, как вездесущность, бессмертность и совершенство высшего существа, аспекте родового символа – символ отца, защитника, покровителя, «волшебного помощника», аспекте политического символа, выполняющем мобилизационную функцию и олицетворяющем коммунистическую партию, советскую власть, социализм, аспекте национального символа, аспекте образца для подражания, наконец, даже в аспекте сексуальной ипостаси образа лидера (33).

Таким образом, в предложенной трактовке культ Ленина не обусловлен только специфическими условиями породивших их обществ, но подлежит изучению в более широком антропологическом и культурном аспектах.

Следует отметить, что в этой и других работах Великанова опирается на факты периода, за который носитель культа никак не может нести ответственность. Гораздо важнее для историографии нашей проблемы феномен культа непосредственно ленинского периода. Известно, что на Западе эта проблема была сформулирована в самом начале 20-х годов, ещё при жизни Ленина. Для международного социализма понятие «культ личности» представляло извращение как научно обоснованного мировоззрения, так и демократических принципов, хотя понятно, что тогда культ вождя не был пройденным опытом незрелого рабочего движения.

Серьёзный научный вклад в изучение этой темы внёс немецкий историк Б. Энкер. Результаты его изучения впервые были опубликованы в Штуттгарте в 1987 году, но только лишь в 1992

году они широко вошли в контекст российских исследований проблемы (34). Автор предложил довольно интересную теорию вопроса, абсолютно лишённую политизированных тонов, а также такой поворот, который касается исключительно периода при жизни Ленина. Одного этого качества достаточно для того, чтобы подробнее рассмотреть предложенную им концепцию.

Прежде всего, в определении предпосылок формирования культа Ленина Б. Энкер обращается к истокам партии большевиков, а затем прослеживает становление этого культа на всех этапах революционного 1917 года и Гражданской войны, вплоть до начальной стадии нэпа, совпавшей по времени со смертью Ленина. При этом за основу берутся идеи Р. Такера, А. Потресова и М. Вебера об условиях зарождения самого института вождизма, в котором Ленин исполнял роль «харизматического вождя». В частности, он цитирует фразу Потресова о том, что ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали «секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей», «господства над ними».

Энкер считает, что уже с начала XX века Ленин являлся олицетворением им же пересаженной на русскую почву концепции харизматического вождизма. А возможности для этого создавала потребность масс в харизматических вождях, более того, это стало аксиомой большевистской теории революции и партии. При этом революционная традиция народничества не являлась для Ленина единственной основой легитимации. Важным было и западное, особенно немецкое, социалистическое движение с его концепцией руководящего ядра. Сплав ярких качеств вождей русского народничества и немецкого социализма – Желябова и Бебеля – вот идеал вождя, о котором говорит Ленин в работе «Что делать?». Однако от немецкой социал-демократии, чьи вожди черпали свой авторитет в знании закономерностей процесса исторического развития, большевики скоро отошли. По мнению Энкера, в личности Ленина воплотился тип вождя, характеризующийся волюнтаристским вмешательством в историю и доходящей до самопожертвования энергией. Вождь «партии нового типа» вёл борьбу с «экономизмом» не в последнюю очередь и потому, что он сознавал, какое убаюкивающее воздействие оказывает повседневная рутинная профсоюзная, муниципальная и парламентская деятельность в условиях западной социал-демократии. И даже в 1920 году Ленин всё ещё оставался приверженцем принципа харизматического вождизма, действующего с самого

первого дня существования большевизма и обеспечившего ему победу, ибо в нём были заложены качества, которые Ленин считал основополагающими для большевистской партии: героизм и преданность революционному делу; умение держать связь с массами; правильность руководства, в чём массы должны убедиться на собственном опыте (35).

В то же время Энкер обращает внимание на то, что бесспорная харизма Ленина может сопровождаться моментами почти полной изолированности вождя даже в рядах собственной партии. То есть, что харизма является, скорее, личной аурой вождя, на которую могут не влиять интересы текущей политики. Во всяком случае, такое положение возникло в апреле 1917 года, по возвращении Ленина в Петроград из эмиграции. И именно находясь в ситуации «пророка в пустыни», Ленин в полном соответствии с типом харизматического революционера ещё раз заявил, что прежние большевистские формулы больше не действуют. Одновременно апробируется ранее наработанная организационная практика революционной партии – хорошо налаженный и запрограммированный аппарат являл собой стальной каркас реальной политики, призванный обеспечивать деятельность «народного трибуна», присутствие которого ощущалось, однако, как и в прежние десятилетия, лишь в статьях и призывах. «Аппарат и революционная харизма Ленина, – заключает Энкер, – образовывали единство и в концепции политической практики большевиков» (36).

В то же время и в статье, и в книге достаточно объективно интерпретируется самый выигрышный и наиболее часто обыгрываемый для подтверждения культа Ленина факт празднования 22 апреля 1920 года 50-летия вождя. Фиксируя велеречивость Зиновьева, назвавшего Ленина «апостолом коммунизма», а его работу «Что делать?» – «евангелием искровцев», пафосность Горького, разукрасившего свою юбилейную статью словами «священный», «легендарная фигура», автор всё же не обходит факта принятия специального постановления Политбюро РКП(б), назвавшего горьковскую статью «антикоммунистической». Отсюда следует и важное объективное признание, что все-таки времени Гражданской войны, героическому периоду революции культ Ленина ещё не был присущ в полной мере.

Что происходит с харизмой Ленина в иных условиях, при нэпе, во время острой внутрипартийной борьбы? Энкер настаивает на том, что теперь уже едва было место революционной харизме

Ленина. Если прежде декреты сводились к призывам, адресованным к энтузиазму масс и поднимавшим их на самостоятельные действия, то теперь декреты должны были проводиться в жизнь через надёжную бюрократию и контролироваться аппаратом ЦК. Именно так ставил задачу XI съезд партии, сделавший Сталина генсеком. Теперь власть начинает олицетворяться рациональной бюрократией.

Однако автор обходит принципиальный вопрос о том, что сам Ленин был непосредственным автором всех этих решений, т. е., получается, что он сознательно отказывается от инструмента управления, связанного с собственной харизмой. У Энкера этот момент остается непроявленным, и это подрывает стройность и целостность его концепции. Правда, эти слабости анализа компенсируются очень точными наблюдениями о последнем периоде жизни вождя – май 1922 года – январь 1924 года. Но нельзя забывать, что в этом хронологическом отрезке Ленин и его культ уже становятся объектом политических действий будущих наследников.

Итак, Энкер справедливо замечает, что болезнь вождя лишает его «ауры индивидуальности», и происходило это таким образом: руководство партии с самого начала создало вокруг болезни Ленина атмосферу государственной тайны и «раскинуло сеть вымышленных и противоречивых слухов». А когда в 1923 году выступила «левая оппозиция» и Троцкий, то тут культ Ленина в образе так называемого «ленинизма», соединенный с мифом о тождественности Ленина и «старой гвардии», стал политическим инструментом в борьбе с критиками режима. Ключевая же формула была выдана Бухариным, заявившем, что «основа всех ошибок Троцкого – его отход от ленинизма». В этой дискуссии ссылка на Ленина означала для большинства в ЦК конечную истину. При этом отношение к Ленину в моменты былых разногласий в партии стало мерилом для допуска отдельных большевиков на «Олимп», где было разрешено восседать «ближайшим ученикам вождя». От этого зависела теперь политическая судьба, а затем и сама жизнь любого из старых большевиков (37).

В заключение, в ряду других работ, затрагивающих проблему личностных факторов политической биографии и культа Ленина, назовем исследование В.П. Булдакова, который, видимо, под влиянием современных PR-овских технологий, ищет следы работы самого Ленина над собственным имиджем. «Мягкие шляпы и котелки по дороге в Петроград сменила простецкая кепка – голов-

ной убор шансонье парижских рабочих кабачков. Для российских пролетариев человек в потертой, но всё же господской “тройке”, нелепо соседствующей с дурацким картузом, вряд ли стал ближе. Но дело в том, что Ленин выбился из привычного, “классово” различного зрительного ряда: по внешнему облику он теперь не походил ни на кого, а потому мог встать над всеми. Окончательному “слиянию с массой” препятствовала, вроде бы, природная картавость речи – в глазах низов признак принадлежности то ли к еврейскому племени, то ли к грассирующему барскому сословию. Но вождь не должен быть усредненным подобием “человека толпы”. Ему нужны черты, которые в определённых ситуациях вывышаются. Невзрачный, малорослый человек со ступнями почти женского размера вырос до фигуры, которой более подходящим стал пьедестал в виде броневи́ка или тех гигантских колёс, на которые взгромодили один из первых ему монументов железнодорожные рабочие. Человек – это стиль. В стиль своей вздыбленной эпохи Ленин вписался не исторически привычным императором на коне, а “лично скромным” магом-повелителем и людей, и машин» (38). Здесь поведение Ленина явно модернизируется с учетом позднейшей деятельности имиджмейкеров, которых в России начала XX века еще не было. Хотя цилиндр, например, Ленин, как и любой другой революционер того времени, точно, не мог носить. Ведь в глазах угнетенных классов цилиндр был символом буржуазии.

В книге красноярского исследователя В.И. Замышляева используется сравнительный метод анализа, сопоставление Ленина с современными политиками России 1990-х гг. (39). Учению Ленина во взаимосвязи с анализом его личности посвящена книга В.А. Поцелуева (40). Показывая Ленина как нестандартную личность, автор критически оценивает ленинизм, считая не органичным России. Как обязательный элемент ленинской доктрины насилие и террор, концепция захвата власти, для чего и была создана партия нового типа.

Всю историографию ленинианы Поцелуев разделяет на три направления: а) ортодоксально-традиционное, б) реставраторско-подновленное, в) перестроечно-новаторское, относя себя к последнему (41).

Поцелуев полагает, что «теория, созданная Ульяновым-Лениным, весьма привлекательна, ибо содержит в себе наиболее желанные мечты человечества. Однако реальные пути и практические методы их достижения противоречили главному – человеческому благосостоянию и даже самой человеческой жизни» (42).

В книге «Великий Ленин» автор не скрывает, что стремится показать «пагубные результаты нарушения традиционного общественного бытия, определяющей основой которого является производительная (экономическая) деятельность людей, а не их действия по распределению материальных благ, созданных другими» (43). Главным виновником подобного порядка вещей он считает, конечно же, Ленина. При этом Поцелуев предпочитает забыть, что в первые годы Советской власти фактически существовало коллективное руководство, и, даже если какие-то меры, принятые в то время, следует признать ошибочными, то ответственность за них несет не один Ленин, но и другие члены Политбюро.

Однако наибольший азарт проявляет неофит Поцелуев, цитируя с полным доверием книгу американского историка Э. Саттона, разоблачающего большевиков, будто бы совершивших революцию на деньги германского Генштаба. Видимо, автор не знает, что эта версия давно уже разоблачена как фальшивка под названием «документы Сиссона» (44). Поцелуев отказывает Ленину в оригинальности. Он утверждает, что «Ленин не открыл кардинальных законов бытия, но вовремя, умело используя историческую ситуацию, применил основные элементы концепции благосостояния масс, разработанные талантливейшими мыслителями многих народов во все времена предыдущей истории человечества» (45).

Известный журналист Л.Е. Колодный в книге «Ленин без грима», где он много внимания уделил ленинским местам в Москве, характеризует своего героя как учителя Сталина, в том числе и в таком малоприятном деле как уничтожение людей: «Сталин действительно лучший ученик вождя. Уничтожать людей он научился у Ильича. Который, по примеру, римлян – разделял и властвовал. Россию разделил на классы, узаконил массовый террор, создал концлагеря, правил, опираясь на партию и чекистов. Сталин царил по той же схеме. Но пошел дальше. Построил систему концлагерей, обрушил “большой террор” на свою партию, армию, номенклатуру» (46). Получается, что до Ленина классов в России вообще не было, а очевидно, существовало морально-политическое единство всего российского народа вокруг царя. Само название «Ленин без грима» выдает разоблачительный пафос автора. Колодный также подчеркивает любовь Ленина к парикам и гриму в периоды, когда он находился на нелегальном положении. Зато «когда избавился от необходимости прибегать к парикам, за дело взялись партийные публицисты и представили миру Ильича

в образе пролетарского вождя, пророка ленинизма, в гриме святого трудящихся всех стран» (47). Однако Ленин никогда не рассматривал свою версию марксизма в качестве религии, а наоборот, был убежден в сугубой научности марксизма.

Отношение Колодного к Ленину проявляется, например, в этой фразе: «Ни писать, не говорить мучительница-болезнь не дала, как палач, пытала с каждым днем все сильнее, вызывая адскую боль и вопли, пугавшие детей и собак. Так кричали в застенках Лубянки» (48). Ради классного словца Колодный Ленина не щадит, не останавливаясь перед прямой выдумкой. Никакой адской физической боли Ленину болезнь не приносила. Но он испытывал огромные моральные страдания из-за невозможности говорить и писать.

Обвинение в расстреле царской семьи

Противники Ленина обвиняют его в убийстве царской семьи и адмирала А.В. Колчака, бывшего верховного правителя России. Как отмечают В.А. Перфилов и В.М. Костягина, «одной из наиболее распространенных фальшивок, навязанных общественному мнению, является утверждение, что В.И. Ленин был инициатором расстрела царской семьи. Несмотря на ее широкое распространение, нет ни одного документа, подтверждающего это. Обвиняя Ленина, необходимо исходить, прежде всего, из презумпции невиновности, строго придерживаться документов, подвергать сомнению свидетельства людей, не являвшихся очевидцами. Сегодня главный обвинительный документ в адрес Ленина – это строчки из “Дневника в изгнании” Льва Троцкого. На вопрос Троцкого, кто решал вопрос о расстреле царской семьи, Свердлов якобы ответил: “Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях. Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразно, но и необходимо”».

Как считает исследователь А. Латышев, Троцкий здесь лжет. В ответ на запрос копенгагенской газеты «National Tidende» о том, что «здесь ходят слухи, что бывший царь убит. Пожалуйста, сообщите фактическое положение дел», В.И. Ленин 16 июля 1918 г. посылает телеграмму в редакцию газеты на английском языке:

«Копенгаген. Слух неверен, бывший царь невредим, все слухи – только ложь капиталистической прессы. Ленин».

Текст телеграммы означает, что Ленин не предполагал возможности расстрела Николая II (не говоря уже обо всей семье). Имеется и другое доказательство стремления Ленина сохранить жизнь узникам. Это телеграфная связь, которую он поддерживал с тогдашним командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом Р. Берзиным. В монографии Энтони Саммерса и Тома Менголда «Досье на царя» приводится телеграмма Берзина Ленину от 27 июня 1918 г. В ней главком информировал, что 21 июня он проинспектировал Ипатьевский дом: Николай II жив, и все сообщения о его гибели – чистая провокация. Три телеграфиста с екатеринбургского почтамта подтвердили созданной по приказу Колчака комиссии Соколова переданные Лениным слова, когда тот связывался с Берзиным по прямому проводу: «Взять под свою охрану всю царскую семью и не допускать каких бы то ни было насилий над ней, отвечая в данном случае своей собственной жизнью». Как правило, российские историки и публицисты эти не вызывающие сомнений документы не используют.

Активный участник тех событий уральский чекист М. Медведев оставил воспоминания, которые также не привлекаются исследователями. Он свидетельствовал: «Вернувшегося из Москвы в Екатеринбург Ф. Голощекину не удалось получить от Свердлова санкции на расстрел царя. Ленин, несмотря на все попытки Свердлова, приводившего доводы Голощекина об опасности эвакуации царя из Екатеринбурга, настаивал, что нужно перевести царскую семью в безопасное место. И Свердлов вынужден был сказать на прощание Голощекину: “Так и скажи, Филипп, товарищам – ВЦИК официальной санкции на их расстрел не дает”» (49).

Необходимо обратить внимание на то, что дневниковая запись Л.Д. Троцкого об убийстве царской семьи была сделана 9 апреля 1935 г., т. е. почти 17 лет спустя после убийства царской семьи. Естественно, память могла подвести Льва Давыдовича. Хотя, с другой стороны, ошибки могли скорее касаться даты, когда он узнал о расстреле царской семьи (согласно протоколу от 18 июля 1918 г., он присутствовал на заседании Совнаркома, когда было объявлено о расстреле царской семьи, тогда как в дневнике Троцкий утверждал, что узнал о судьбе царской семьи уже после падения Екатеринбурга, оставленного Красной Армией 25 июля и занятого Народной армией Комитета учредительного собрания и чехами 28 июля 1918 г.). В то же время, расстрел царя для

Троцкого был знаковым событием. Ведь он собирался выступить главным обвинителем на планировавшемся процессе над Николаем II. Поэтому для Троцкого решение Ленина расстрелять царскую семью (если оно действительно было им принято) имело большое значение и должно запомниться на всю жизнь. С другой стороны, приписывать Ленину инициативу в убийстве царской семьи Троцкому как будто не было очевидных резонов. Если Троцкому действительно сообщил о решении Ленина расстрелять царскую семью Я.М. Свердлов, теоретически можно предположить, что приказ о расстреле отдал сам председатель ВЦИК, без ведома Ленина, а потом в разговоре с Троцким возложил ответственность за расстрел царской семьи на председателя Совнаркома. Однако подобная версия представляется маловероятной, поскольку Троцкий сам мог завести с Лениным разговор об обстоятельствах расстрела царской семьи, и тогда обман Свердлова раскрылся бы.

С другой стороны, телеграмма Ленина в Копенгаген, так и не отправленная по адресу из-за отсутствия связи, сама по себе не является однозначным свидетельством непричастности Ленина к гибели царской семьи. Даже если бы Ленин в тот момент уже принял решение о расстреле последнего русского царя, он не мог объявить о нем раньше, чем расстрел состоялся, и до официального опубликования информации об этом в России. Тем более, что телеграмма вообще могла составляться «для истории», чтобы доказать, что Ленин не был в курсе планов расстрела царской семьи. Также и слова М.А. Медведева (Кудрина) о том, что Свердлов сказал Ф. Голощекину, что ВЦИК официальной санкции на их (царя и его семьи. – *Е.К.*) расстрел не дает», не могут быть бесспорным доказательством непричастности Москвы к расстрелу. Ведь могла быть и неофициальная санкция – вы расстреливайте как бы от своего имени, а мы потом ваши действия публично одобрим. И так и произошло в действительности. А вопрос о том, получили ли руководители Екатеринбурга тайный приказ из центра о расстреле царской семьи, остается открытым.

Сторонники того, что именно Ленин принял решение о расстреле царской семьи, основывают свое мнение, частности, на материалах колчаковского следователя Н.А. Соколова, обнаружившего копию зашифрованной телеграммы в Москву из Екатеринбурга, датированной 21 часом 17 июля, в которой сообщается о расстреле всей семьи: «Секретарю Совнаркома Горбунову с обязательной проверкой. Передайте Свердлову, что всё семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при

эвакуации. А. Белобородов» (расшифровать ее Соколов смог уже в эмиграции, во Франции) (50). Кроме того, в воспоминаниях коменданта Ипатьевского дома Я.М. Юровского, непосредственно руководившего расстрелом царской семьи: «16.7. была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых. 16-го в шесть часов вечера Филипп Голощёкин предписал привести приказ в исполнение» (в рукописном варианте записки Юровского) речь шла о телефонограмме). По мнению Г.З. Иоффе, эта телеграмма (или телефонограмма) была получена в Екатеринбурге не в 6 часов вечера, а в самом конце дня, и была ответом на телеграмму из Екатеринбурга, в свою очередь, переправленную из Петрограда в Москву главой Петросовета Г.Е. Зиновьевым. Полный текст зиновьевской телеграммы гласит: «Подана 16 VII–18 г. в 19 ч. 50 м. Принята 16 VII в 21 ч. 22 м. Из Петрограда, Смольного НР 142, 28. В Москву. Кремль – Свердлову, копия Ленину. Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: “Сообщите в Москву, что установленный Филипповым суд по военным обстоятельствам не терпит отлагательства. Ждать не можем. Если ваши мнения противоположны, сейчас же, вне всякой очереди, сообщите. Голощёкин, Сафаров. Неситесь по этому поводу сами с Екатеринбург. Зиновьев”» (51).

Как считает Иоффе, на эту телеграмму наверняка был дан ответ: «Телеграмма была получена в Москве около 10 часов вечера, и, вероятно, в это время или несколько позднее с ней ознакомились адресаты – Свердлов и Ленин. По тексту телеграммы нельзя установить, кто должен подлежать “Филиппову суду”: только Николай II или вся семья? Однако из других телеграмм, которые на другой день (17 июля) были отправлены из Екатеринбурга в Москву, можно сделать вывод: речь шла только о бывшем царе... Для того чтобы полностью замкнуть цепь зла между Москвой и Екатеринбургом, необходимо ещё одно звено: ответная телеграмма Ленина или Свердлова. А между тем её нет. Однако невозможно допустить, чтобы Ленин или Свердлов никак не прореагировали на полученную через Петроград телеграмму. Остаётся предположить, что телеграмма или телефонограмма, о которой писал Юровский, и была этим ответом. Только, как я уже отмечал, этот ответ должен был прийти в Екатеринбург в самом конце дня 16 июля. Что содержалось в нём? Несогласие на «Филиппов суд»? Согласие на него? Согласие на расстрел одного бывшего царя? Или всей семьи и приближённых? Это никому неизвестно (во всяком случае, сегодня)».

Иоффе оговаривается, что «современным людям трагедия рисуется сакральной борьбой между Тьмой и Светом, окончившейся победой Тьмы. Но для самих носителей Тьмы – революционных вожаков из Кремля и Уралоблсовета – многое представлялось иначе. Для них расстрелы классовых врагов были неизбежными и оправданными действиями» (52). Сам Иоффе склонен считать, что Ленин и Свердлов санкционировали расстрел только бывшего царя, но не его семьи. Историк опирался на первую телеграмму, посланную после расстрела из Екатеринбурга в Москву с просьбой разрешить опубликовать сообщение о расстреле царя: «Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбургу и раскрытия Чрезвычайной комиссией большого белогвардейского заговора, имеющего целью похищение бывшего царя и его семьи (документы в наших руках), по постановлению Президиума Областного совета в ночь на 16 июля (так в телеграмме, явная описка, должно быть: 17 июля. – *Е.К.*) расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надёжное место». Иоффе полагает, что «можно с большим основанием сказать, что если ответ Ленина или Свердлова на зиновьевскую телеграмму, полученную 16 июля в 21 час 22 минуты, действительно был дан, и если она содержала санкцию на “Филиппов суд”, то почти наверняка речь шла только о Николае Романове. В противном случае Президиуму Уралоблсовета не было смысла прибегать ко лжи, сообщая, что семья бывшего царя отправлена «в надёжное место». Но они солгали, утаили факт расправы над всей семьёй и близкими к ней людьми».

Однако нельзя исключить и такой вариант, что фраза об эвакуации была частью заранее обговоренной игры, согласно которой семья должна была погибнуть при эвакуации. Да и несколько странно, что, будто бы осмелившись самовольно, без санкции Москвы, расстрелять не только царя, но и членов его семьи, руководители Уральского совета теперь боялись без санкции Москвы сообщить о расстреле. С другой стороны, снятие с Москвы ответственности за казнь царской семьи, будто бы совершенной по инициативе Уральского совета, облегчала Ленину попытки прорвать дипломатическую блокаду со стороны Антанты и нейтральных государств.

Тем не менее, нынешнее состояние источников не позволяет сделать однозначный вывод об ответственности Ленина за гибель царской семьи. Выводы, которые в данном случае делают исследователи, зависят от интерпретации имеющихся источников, а

сторонники и противники Ленина склонны интерпретировать их противоположным образом. Надо также иметь в виду, что даже если принять версию об ответственности Ленина за гибель царской семьи, это было сделано не из мести за казнь брата, А.И. Ульянова, и из будто бы присущей Ленину ненависти к исторической российской государственности, как утверждали его враги, а, как правильно отмечает Г.З. Иоффе, диктовалась логикой классовой борьбы и отнюдь не воспринималась как преступление Лениным и большевиками.

Неслучайно в заключении Следственного комитета России в 2011 году по делу расстрела семьи Романовых указывалось, что «следствие не располагает документальными доказательствами причастности Ленина либо кого-то другого из высшего руководства большевиков к расстрелу царской семьи» (53). Это означает, что юридически значимых улик против Ленина в этом деле так и не появилось.

Ю.З. Кантор полагает, что Ленин был главным виновником расстрела Колчака, основываясь исключительно на содержании ленинской записки в Реввоенсовет 5-й армии: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так под влиянием... опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин» (54). Как полагают В.В. Корнеев и Я.В. Козлов, «лишь человек с большой фантазией может утверждать, что в тексте данного документа имеется прямой приказ о расстреле Колчака». По их мнению, ленинская записка была написана в конце февраля 1920 г. В то же время, они не исключают возможности иной датировки этого документа: «Факты и обстоятельный разбор источников показывают, что безапелляционное заявление Ю. Кантор относительно прямой причастности В.И. Ленина к судьбе адмирала Колчака, по крайней мере, выглядит достаточно спорным» (55).

Однако более вероятным представляется датировка ленинской записки до расстрела А.В. Колчака, происшедшего 7 февраля 1920 г. Дело в том, что вторым пунктом в записке следует вопрос «где Тухачевский?» Он связан с тем, что в конце декабря 1919 г. М.Н. Тухачевский был назначен командовать 13-й армией Южного фронта, но командующий фронтом А.И. Егоров так и не верил ему командование армией. В связи с этим Тухачевский 19 января 1920 года обратился в Реввоенсовет Республики с прось-

бой освободить его от «безработицы». И уже 24 января не без участия Ленина он был назначен командующим Кавказским фронтом и вступил в эту должность 3 февраля. Так что записка Ленина могла появиться только около 19 января и во всяком случае еще до расстрела Колчака (56).

Г.З. Иоффе, не рассматривая пассаж о Тухачевском, обратил внимание на то, что «текст ленинской телеграммы вызывает вопросы. Например, почему Ленин требует сделать все “архивадежно”? Почему такая секретность, если речь идет только о сообщении с информацией о состоявшемся расстреле? Под текстом телеграммы, хранящейся в архиве, имеется приписка: “Январь 1920 г.”. Кто ее сделал? И почему составители сборника “Неизвестные документы В.И. Ленина” в своем издании ее опустили? Впрочем, надо заметить, что еще в августе 1919 г. Совнарком и ВЦИК Советов объявили адмирала Колчака вне закона» (57).

Нередко пропагандисты «антিলенинианы», не утруждая себя поисками конкретных исторических аргументов, переходят к набору громких, но бессодержательных лозунгов. Так, философ И.Б. Чубайс утверждает: «Ленин – это не Россия. Ленин – это анти-Россия, убийца России. Конечно, памятники нужны, история нужна. Но как же относиться в истории к тем, кто историю уничтожал? Ленин уничтожал историю, поэтому ему не место в такой истории. Ленин – это вечный позор. Мы все советское должны знать, и за все советское они ответят» (58).

«Соблазнение России»

Одним из наиболее популярных явлений «антিলенинианы» стала книга известного публициста и тележурналиста Л.М. Млечина «Ленин. Соблазнение России», вышедшая в 2012 г. (59). Автор называет Ленина «самым выдающимся соблазнителем России в XX столетии». При этом Млечин не отказывает вождю большевиков и в некоторых положительных качествах: «Прирожденный политик, он был щедро наделен энергией, страстью, умом. Он всю жизнь посвятил одной цели – взять власть в стране, дожидаться мировой революции и построить коммунистическое общество.

Никто не умел так точно оценивать ситуацию, улавливать настроения масс и менять свою политику. Он не стеснялся признаваться сам себе в ошибках, не боялся отступлений и резкой сме-

ны курса, иногда – на сто восемьдесят градусов». При этом, по мнению Млечина, Ленину была присуща «невероятная способность... убеждать окружающих в собственной правоте и вербовать союзников». «Гениальное ленинское искусство соблазнения» состояло в том, что «он обещал то, на что не осмелился никто иной: немедленное решение всех проблем! Его обещания вызвали волну благодарного восхищения. Те, кто пошел за ним, кто почитал его как вождя, вовсе не задумывались: а осуществимо ли все это?».

И автор, естественно, легко доказывает полную неосуществимость ленинских обещаний: «А ведь ничто из того, что он пообещал, не сбылось. Вместо Первой мировой вспыхнула кровавая и еще более жестокая Гражданская война. Землю у крестьян – правда, уже после Ленина – вновь отобрали, загнав всех в колхозы и, по существу, восстановив нечто, напоминающее крепостное право. Ни равенства, ни справедливости советские люди тоже не дождались. Но когда они стали это осознавать, было уже поздно. Советская система не терпела протестов и бунтов и жестоко карала любое проявление недовольства».

Но, по мнению Млечина, виноват не только Ленин, но и народ, или, по крайней мере, та его часть, которая получила выгоды от установленного Лениным режима: «К тому же возник новый соблазн. Две революции, Гражданская война и массовая эмиграция открыли массу вакансий. Режим, установленный большевиками, создал свою систему кадровых лифтов. Классовый подход изменил принципы выдвижения. Право на жизненный успех, на большую карьеру получили те, кто в конкурентной среде едва ли пробился бы. Стало ясно: если ты – часть системы, ты живешь лучше других. У системы появились защитники, кровно заинтересованные в ее сохранении».

Но, как обратили внимание рецензенты, Млечин в своей книге почти не цитирует самого Ленина, а главным образом цитирует мемуары, дневники и письма, преимущественно тех, кто был настроен враждебно по отношению к Ленину и большевикам. При этом анализ в книге практически отсутствует. Неудивительно, что, прибегая к такому приему, автор легко доказывает основные тезисы своей теории соблазнения России Лениным. Тем более, что большая часть свидетельств к Ленину непосредственного отношения не имеют (60). Справедливым кажется суждение В.А. Перфилова и В.М. Костягиной: «После Ленина, на его беду, осталось столько воспоминаний, что при желании можно создавать любой

облик Ленина, в зависимости от поставленной цели» (61). Они также подчеркивают, что е противниками Ленина «человеческое в облике Ленина сводится на нет различного рода убийственными характеристиками: необразован, малокультурен, ограничен, агрессивен, жесток, фанатик, германский шпион и т. д.» (62).

Млечин настаивает, что «в личной жизни Ленин – скорее ханжа. В политике – абсолютно аморален. Считал, что вправе нарушать любые нормы морали и нравственности ради великой цели. И в этом его преступление перед Россией. Он, верно, полагал, что сам-то судит по справедливости» (63). Ленин тем самым делается ответственным за все грехи революции. Будто не было других революционных вождей, и будто контрреволюция действовала в белых перчатках. Как личность же Ленин в книге почти не присутствует. Он лишь зеркало, в котором отражаются чужие суждения о нем.

«Антилениниана» представлена также тенденциозным подбором источников. Примером такого рода может служить биохроника Е.Н. Гуслярова «Ленин в жизни». В коротком предисловии к нему составитель утверждает, что «Статистика знает, что больше, чем о Ленине, написано только о Христе». При этом в состав хроники включены не только проверенные факты, но и то, что обычно характеризуется как легенды, слухи и сплетни, поскольку «живой человек характерен не только подлинными событиями своей жизни, – он не менее характерен и теми легендами, которые вокруг него создаются, теми слухами и сплетнями, к которым он подает повод. Нет дыма без огня, и у каждого огня свой дым...». В частности, Гусляров подбором соответствующих цитат стремится убедить читателей в «примитивизме» Ленина: «Ленин первым освободил себя от тех моральных ограничений, которые отличают развитого человека... Ленин был примитивен и в сильнейших желаниях своих. Вернее, желание было у него одно – власть. Власть личная, упоительная и безграничная. И к ней он шел также прямолинейно. Самое примитивное средство в большой и бескомпромиссной политике и в то же время самое действенное – снаряд, начиненный слепой взрывчатой силой. Ленин и был таким снарядом» (64). Беда в том, что из бескрайнего моря литературы о Ленине можно подобрать цитаты для абсолютно любого образа Ленина – хоть монстра, хоть доброго гения.

Представляется показательным, что в последние годы в книгах популярно-публицистического жанра представлены как лениниана, так и «антилениниана». К первой относятся работы

Майсурия и Данилкина, ко второй – работы Колодного и Млечина. Это свидетельствует о том, что, несмотря на проводимую на государственном уровне пропагандистской кампании против Ленина, интерес к этой личности сохраняется среди широкой публики. Вместе с тем, у людей теперь появляется возможность взглянуть на фигуру Ленина с разных сторон и с разных точек зрения, познакомившись с неоднозначными и замалчивавшимися в советские времена фактами его жизни и деятельности.

Имя России

В 2000-е годы политизация проблемы изучения Ленина как политика и человека никуда не исчезла. В сугубо антиленинском духе написана книга доктора исторических наук, «русского патриота» (как он сам себя определяет) В.М. Лаврова «В.И. Ленин. Имя России. Исторический выбор» (65). Избранная автором форма – не биография Ленина, а без какой бы то ни было системы собранные материалы, многие из которых не имеют отношения собственно к этой исторической фигуре. К примеру, чуть ли не половина книги посвящена русско-японской войне, П.А. Столыпину и Николаю II в годы Первой мировой войны. Рецензент книги Ю.В. Емельянов справедливо обратил внимание на так называемую «логику» Лаврова при разборе ленинских работ. К примеру, приведя ленинское определение материи («материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»), Лавров так «уличает» своего героя: Ленин «вслед за этим не задал вопроса о том, что же такое объективная реальность? Не задал потому, что отсутствует вразумительный ответ: ведь выходит, что материя – это объективная реальность, а объективная реальность – это материя, которая, в свою очередь, является объективной реальностью, то есть сказкой про белого бычка, тавтологией и игрой в термины, выдаваемой за великое и гениальное научное открытие». И хотя Ленин не отождествляет «материю» с «объективной реальностью», а считает ее «философской категорией для обозначения объективной реальности», Лавров явно не смог понять смысла этого определения (66).

Из того факта, что Ленин до прихода к власти в 1917 году, лишь полтора года работал адвокатом в Самаре, Лавров делает следующий глобальный вывод: «Для радикальных революционеров было характерно, что они не состоялись в традиционной трудовой жизни и устремлялись реализовывать себя в разрушении традиционного» (67). Между тем, все эти годы Ленин активно занимался литературным трудом, а в эмиграции иногда выступал с публичными лекциями. До 1917 года такую жизнь вели достаточно много русских интеллигентов, относящихся к лицам свободных профессий, но большинство из них не были революционерами.

Революцию Лавров оценивает исключительно с позиций самодержавия. Вот и получаются у него смешные пассажи, вроде того, что во время революции 1905 года «Ленин призывал к хулиганским, грабительским и террористическим действиям» (68). Но с этой точки зрения все революционеры в истории – хулиганы, грабители и террористы.

Кстати сказать, Лавров повторяет легенду, возникшую еще в советское время, будто старший брат Ленина Александр Ульянов мог бы избежать казни за подготовку покушения на Александра III, поскольку «лично обратившихся с соответствующей просьбой, однако Александр не захотел просить прощения и предпочел умереть» (69). Однако в действительности Александр Ульянов обратился с прошением о помиловании, где говорилось: «Я вполне сознаю, что характер и свойства совершённого мною деяния и моё отношение к нему не дают мне ни права, ни нравственного основания обращаться к Вашему Величеству с просьбой о снисхождении в видах облегчения моей участи. Но у меня есть мать, здоровье которой сильно пошатнулось в последние дни и исполнение надо мною смертного приговора подвергнет её жизнь самой серьёзной опасности. Во имя моей матери и малолетних братьев и сестёр, которые, не имея отца, находят в ней свою единственную опору, я решаюсь просить Ваше Величество о замене мне смертной казни каким-либо иным наказанием» (70). И лично у императора террористы-народовольцы помилования просить никак не могли, поскольку для этого они должны были удостоиться высочайшей аудиенции.

Ошибочно также утверждение Лаврова, будто бы произведения Ленина занимают первое место в мире среди переводной литературы. На самом деле индекс переводов ЮНЕСКО ставит Ленина только на 7-е место, тогда как первые три места уверенно занимают Агата Кристи, Жюль Верн и Уильям Шекспир (71).

В.Г. и К.В. Ткаченко, выступающие под псевдонимом К. и Т. Енко, занялись сравнением частной жизни вождей революции – Ленина, Сталина и Троцкого. Авторы полагают, что в XX веке «большие политики стали негативно относиться к влиянию на их решения со стороны своих жен и любовниц», и относит к их числу и героев своей книги. Они также утверждают, что Ленин и Сталин занимают соответственно 37-е и 98-е места в рейтинге ООН 100 мировых гениев всех времен и народов. То же утверждение повторяется и в некоторых других публикациях (72). По всей вероятности, речь идет не о рейтинге ООН, а о книге биографий американского астрофизика Майкла Харта «Рейтинг 100 самых влиятельных людей в истории», издававшейся в 1978 и в 1992 гг. (73). С первым изданием этой книги нам ознакомиться не удалось. Возможно, в первом издании Ленин и Сталин находились как раз на 37-м и 98-м местах. А во втором издании, вышедшем в 1992 г., Ленин оказался на 84-м месте, а Сталин – на 66-м. Отметим, что данный рейтинг – вполне субъективный и не основан на каких-либо критериях. Достаточно сказать, что возглавляет его пророк Мухаммед, а в издании 1992 г. У. Шекспира здесь заменил Э. де Вер, граф Оксфорд, который по одной из гипотез, был настоящим автором шекспировских пьес. Однако эта гипотеза не признается научным сообществом. Автор рейтинга – противник коммунистов и марксистов.

В то же время, в книге Харта речь идет скорее не о гениях, а о людях, существенно повлиявших на ход всемирной истории. При этом термин «гений» определяется здесь без какого-либо положительного контекста. Как утверждает Харт, «Влияние – не есть синоним положительной оценки, поэтому неудивительно, что среди ста биографий нашлось место и гениям зла, подобным Гитлеру» (74). В биографии, написанной М. Хартом, Ленин назван «политическим лидером, сыгравшим главную роль в установлении коммунизма в России». Здесь же утверждается, что «из-за быстрого распространения ленинской разновидности коммунизма во многих частях света его необходимо признать наиболее влиятельным человеком в истории». По мнению Харта, политика Ленина имела к Марксу лишь «косвенное отношение». Ленина он характеризует следующим образом: «Как лидер правительства он был хитрым и высокопрагматичным... Прежде всего Ленин важен как человек действия, который привел большевиков к власти в России и тем самым установил первое в мире коммунистическое правительство. Он был первым, кто применил на политиче-

ской практике идеи Карла Маркса. Создание этого первого плацдарма явилось поворотной точкой во всей современной истории». Сталин удостоился помещения в список 100 тех, кто в наибольшей степени повлиял на ход истории, как продолжатель дела Ленина. По мнению Харта, Ленин не только вымостил в СССР дорогу Сталину, но еще и его работы, политика и пример оказали огромное влияние на коммунистические движения во многих других странах». Он отмечает, что миллионы людей в СССР были уничтожены во время правления Ленина, до прихода к власти Сталина» (75).

Харт так объясняет понижения рейтинга Ленина с 1978 по 1992 г.: «Поскольку теперь кажется, что марксистско-ленинское движение не будет влиять на человечество в течение многих веков (как я боялся, когда готовил первое издание этой книги), выглядит неразумным включать Ленина в первую двадцатку людей в нашем списке. Однако все же кажется справедливым поставить его среди первых ста человек. Влияние Ленина на Россию достаточно большое, чтобы сравнить его по важности с Петром Великим. И если принять во внимание толчок, данный им другим странам, становится понятным, что Ленина нужно поставить даже выше Петра, хотя и ниже Сталина» (76).

Вклад Сталина в историю Харт связывает с тем, что он «в течение многих лет был диктатором Советского Союза». Он также называет Сталина «гением политической борьбы» и «одним из титанов истории: злой гений, которого не скоро забудут». Харт утверждал, что «самой главной характеристикой личности Сталина является его жестокость. Кажется, никакие другие чувства – например, жалость –нисколько не влияли на него. Он также был очень подозрительным человеком, на грани паранойи, но в то же время потрясающе способным: энергичным, настойчивым, практичным и невероятно умным». Однако влияние Сталина на историю, в отличие от Ленина, было краткосрочным: «За свою жизнь Сталин расширил границы Советского Союза, основал союзнические страны в Восточной Европе, превратил СССР в могучую державу, оказывающую влияние во всех уголках мира. Но за последние несколько лет советская империя на востоке Европы распалась, а сам Советский Союз раскололся на пятнадцать независимых государств» (77).

В.Г. и К.В. Ткаченко, полагая, что их герои развратниками не были, утверждают: «Политический деятель, умеренно занимающийся сексом, больше добивается успехов на своем пути, чем

политик-развратник» (78). Заметим, что подобное утверждение нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Работы, в которых анализировалось влияние количества любовниц (или любовников) у политика на успешность его политической деятельности, нам неизвестны. Хотя какое-то рациональное зерно в этой теории, возможно, есть. У политика, слишком увлекающегося сексуальными утехами, на политику уже не остается времени.

Авторы «Частной жизни вождей» к Ленину относятся негативно и характеризуют его соответственно: «Он был большим эгоистом, самолюбивым и крайне жестоким человеком. Несмотря на его огромное трудолюбие, мы можем сказать, что он был ещё и ленивым. Он не исполнял монотонной и скучной работы, всегда занимался творческой работой, а не “обязаловкой”, как это делало подавляющее большинство советских людей, работавших на социалистическое государство» (79). Лень Ленина они объясняют, исходя из политических соображений: «Ленин не захотел уделять много времени поискам своей второй половины, делал он это между занятиями своими революционными делами. В этом и проявлялась также его лень. И таким был Ленин во всем. Это случай, когда инстинкт лени определяет всю жизнь человека. Ведь Ленин ничего не создал, он всю свою жизнь только разрушал, уничтожая при этом людей. Так у него и получилось, что он по-настоящему не создал свою семью» (80). Между тем, утверждать, что Ленин ничего не создал, нельзя. Он, как бы к нему ни относиться, создал первое в мире социалистическое государство. В то же время, нельзя утверждать, что Ленин разрушил Российскую империю. Российское самодержавие, а вместе с ним и Российскую империю, похоронила Февральская революция, к которой Ленин никакого отношения не имел.

Подводя итог, можно проиллюстрировать противопоставление Ленина и Сталина, ленинизма и сталинизма, следующим примером. Предположим, что Ленин прожил бы не неполных 54 года, как было в действительности, а, как и Сталин, полных 74 года, и до самого конца сохранял бы полную дееспособность, ясность ума и способность руководить партией и государством. Не приходится сомневаться, что никто из вождей партии не посмел бы посягнуть на ленинскую руководящую роль, учитывая огромную популярность Ленина, граничащую с обожествлением, в партии и народе. В этом случае, Ленину, скорее всего, удалось бы сохранить единство партии, примирить различные фракции и не допустить конфликта Троцкого, с одной стороны, и Сталина, Зиновье-

ева и Каменева – с другой. Собственно, и сам этот конфликт начался и развился только потому, что Ленин тяжело заболел, и встал вопрос, кто будет практически руководить государством. Если бы Ленин остался у власти еще на 22 года, например, до 1944 г., то история нашей страны и всего мира была бы совершенно другой. Ленин бы принимал все стратегические решения. Троцкий бы, скорее всего, остался бы во главе Красной Армии. Сталин же, скорее всего, был бы рано или поздно перемещен с поста генерального секретаря и сосредоточился бы на сфере национальных проблем. Бухарин же, вполне возможно, курировал бы сферу идеологии. Коллективизация сельского хозяйства наверняка была бы проведена, но, учитывая позицию Ленина, Бухарина и Троцкого по этому вопросу, это было бы сделано в гораздо более щадящем для крестьянства режиме и не сопровождалось бы массовыми репрессиями и голодом. При жизни Ленина фракционная борьба не достигла бы такой степени остроты, как в первые годы правления Сталина, поскольку Ленину, как показывал опыт 1917–1922 годов, удавалось улаживать фракционные разногласия и убеждать всех в своей правоте. При этом представители фракции меньшинства репрессиям не подвергались. Можно не сомневаться, что Ленин ни в коем случае не развязал бы Большой террор 1937–1938 гг., направленный как против партийцев, так и против более широких слоев населения.

Скорее всего, если бы Ленин остался во главе Советского государства вплоть до 40-х годов XX века, Вторая мировая война или бы вовсе не возникла, или бы приняла бы совсем другой оборот, чем реальная Вторая мировая война 1939–1945 гг. Ленин никогда бы не пошел на заключение позорного пакта Молотов – Риббентроп с гитлеровской Германией, а по всей видимости сумел бы создать в той или иной форме систему коллективной безопасности в Европе с Англией и Францией. В этом случае Второй мировой войны, вполне вероятно, удалось бы вообще избежать. А если бы она все-таки разразилась, ленинский Советский Союз с самого начала войны выступал бы на стороне Англии и Франции и против нацистской Германии. Красная Армия, руководимая Троцким, подошла бы к войне в гораздо лучшем состоянии, по сравнению с тем, в котором она на самом деле оказалась в момент гитлеровского нападения в 1941 г. Она не только не была бы ослаблена репрессиями, но и была бы гораздо лучше подготовлена в отношении боеспособности, чем та Красная Армия, которой в действительности пришлось сражаться с вермахтом в 1941–1945 гг.

Подобный сюжет был бы хорош для романа в жанре альтернативной истории. Однако история не отпустила Ленину еще двадцати лет жизни, и фактически уже с 1922 года он из-за тяжелой болезни уже не осуществлял повседневного руководства государством и не мог нести ответственности за ту острую внутрипартийную борьбу, которая вспыхнула в последние месяцы его жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Pomper Philip*. Lenin, Trotsky and Stalin. The Intelligentsia and Power. – N.Y.: Columbia University Press, 1990.

2. Там же. Р. 66.

3. Там же. Р. 65.

4. Там же. Р. 67.

5. Там же. Р. 68.

6. Там же. Р. 233, 280.

7. Там же. Р. 355.

8. См.: *Иванова И.И., Штейн М.Г.* К родословной Ленина: История одной находки. Архивные материалы // Из глубины времен. Альманах (Санкт-Петербург). 1992. № 1; Черновики писем А.И. Ульяновой-Елизаровой к Сталину – «Вы... распорядились молчать... абсолютно» и «Изъятие... произвести без оставления... копий» // Отечественные архивы. 1992. № 4; *Цанлин В.В.* О жизни семьи Бланков в городах Старокопани и Житомире // Там же. № 2; *Дейч Г.М.* Родословная Ленина // Кубань. 1993. № 5/6; *Он же.* Еврейские предки Ленина: Неизвестные документы о Бланках. – Нью-Йорк, 1991.

9. См.: *Штейн М.Г.* О немецких родственниках В.И. Ульянова (Ленина) // Из глубины времен. Альманах (СПб.). 1994. № 3. Изыскания петербургского краеведа М.Г. Штейна о генеалогии Ленина обобщены в его книге: *Штейн М.Г.* Ульяновы и Ленины: семейные тайны. – М.: Olma Media Group, 2004.

10. См.: *Могильников В.А.* Предки В.И. Ульянова-Ленина. – Пермь, 1995.

11. См.: там же. С. 3.

12. См.: *Солоухин В.* При свете дня. – М., 1992. С. 35.

13. Там же. С. 39.

14. Там же. С. 48–49.

15. См.: «Крестный отец» Бланк. Неизвестное письмо прадеда Ленина на высочайшее имя // Петербургский литератор. 1992. № 5. С. 1, 8.

16. См.: *Волкогонов Д.А.* Ленин. – М., 1994. Кн. 1. С. 45.

17. Там же. С. 44. Кстати, автор сослался на книгу Шуба «Биография Ленина», которая вышла в Нью-Йорке в 1948 году. Однако читатель не найдет в ней сведений, которые приводит Волкогонов.

18. Там же. С. 52–53.

19. См.: *Бычкова М.Е.* История страны – это история семей, её населяющих // Поиск. 1993. № 37. С. 16.

20. *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В.И. Ленина). – М., 1998. С. 131.

21. *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Указ. соч. С. 40. Кстати, до сих пор недоступны российскому читателю и работы немецких историков Георга фон Рауха и Адальберта Брауэра о немецких предках Ленина – см.: *Rauch G., von. Lenins Luebecker Ahnen // Zeitschrift des Vereins für Luebeckische Geschichte und Altertumskunde. Bd. 40. – Lubeck. 1960; Brauer A. Lenins Vorfahren im Luebecker und mecklenburgischen Raum und ihre Anverwandten // Genealogie. Hf. 5. 1960*, равно как и исследование о шведской ветви родословной, которое провела Кристина Бакман – см.: *Бакман К.* Новое о шведских предках В.И. Ленина // *Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 160–166.*

22. *Штейн М.Г.* Указ. соч. С. 6.

23. См.: *Попов Г.Х.* Родословная Ленина // *Известия. 1998, 18 апреля.*

24. См.: *Тессен Ю.* История евреев в России. СПб., 1914. С. 107.

25. *Petrovsky-Shtern Y. Lenin's Jewish Question – New Haven and London: Yale University Press, 2010.* Русский перевод: *Петровский-Штерн Й.* Еврейский вопрос Ленину. Пер. с англ. Т. Менской. – Иерусалим: Мосты культуры, 2012.

26. *Окунев И.* Ленин о «еврейском вопросе» // *Алеф, Иерусалим, 2002, декабрь, № 894.*

27. *Логинов В.Т.* Владимир Ленин. Выбор пути: Биография. С. 16–18.

28. В частности, в известинской «Неделе» (1991. № 48. С. 15) писалось: «Говорили, говорили и по сей день говорят, что у Инессы шестой ребёнок, якобы от Ленина, и что один кинооператор своими глазами видел в Швейцарии могилу этого ребёнка». В статье А. Багдасаровой «Ради всего святого, говорите правду!» можно прочесть о том, что оказывается, когда лет 15 назад она «услышала, что у Владимира Ильича есть дочь и что она даже приезжала в Ульяновск в год столетия со дня его рождения, правда, только как дочь Инессы Арманд», то сразу поверила в это, «потому что раньше, изучая работы Ленина по искусству, никак не могла понять, с чего бы это, гуляя, они с Надеждой Константиновной завернули во ВХУТЕМАС. Теперь стало понятно: ведь там училась дочь (подразумевается дочь И.Ф. Арманд Варвара – Е.К.), и в первую свободную минуту заехал к ней узнать, как живёт, чем питается, кто окружает её. Вполне понятные отцовские чувства» // *Симбирский курьер. 1992, 22 апреля.*

29. См.: Интервью с Д.А. Волкогоновым // *Аргументы и факты. 1991. № 48. Октябрь.*

30. *Латышев А.* Возлюбленная Ленина // *ЛГ-Досье. 1992. № 8. Он же. «Совсем-совсем другая вещь...» // Демократическая газета. 1992. № 16. Апрель.*

31. *Трофимов Жорес.* Ленин – Крупская – Арманд: Любовный треугольник? – Ульяновск, 1992. С. 28–29.

32. См.: *Velikanova Olga. Making of an Idol: On Uses of Lenin. Zur Kritik der Geschichtsschreibung, Vol. 8. – Goettingen: Muster Schmidt Verlag, 1996* (Данная книга получила в зарубежной печати положительный отклик за интересные факты и критические замечания – за «несвязанность» западной ис-

ториографии с основной частью книги и выводами, а также за «непонятность английского языка», которому было отдано предпочтение перед русским. — См.: рецензию *Rigby T.H.* в «*Slavic Review*», Winter 1997. Vol. 56, Number 4. P. 788–789). *Великанова О.В.* Функции образа лидера в массовом сознании. Гитлеровская Германия и Советская Россия // *Общественные науки и современность*. 1997. № 6. С. 162.

33. Там же. С. 162–173.

34. Речь идёт об: *Энкер Б.* (Тюбингенский университет). Начало становления культа Ленина // *Отечественная история*. 1992, № 5. С. 191–205.

35. См.: Там же. С. 193.

36. См.: Там же. С. 194.

37. Там же. С. 197.

38. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997. С. 217. 2-е изд.: *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2010.

39. *Замышляев В.И.* Ленин: история и современность. — Красноярск, 1999.

40. *Поцелуев В.А.* Великий Ленин. «Вечно живой». М.: ЭКСМО, 2014.

41. Там же. С. 39.

42. Там же. С. 3.

43. Там же. С. 15.

44. Там же. С. 18–20; *Саттон Э.* Уолл-стрит и большевистская революция. — М.: Русская идея, 1998.

45. *Поцелуев В.А.* Великий Ленин. С. 423.

46. *Колодный Л.Е.* Ленин без грима; Гений и злодейство. Сталин. — М.: Голос-Пресс, 2004. С. 4.

47. Там же. С. 6.

48. Там же. С. 437.

49. *Перфилов В.А., Костягина В.М.* Жизнь Владимира Ильича Ленина. Вопросы и ответы. С. 189–190. Цит.: Дом Романовых. Последние дни последнего царя. М., 1991. С. 135; *Латышев А.* Ленин в расстреле не участвовал // *Родина*, 1993, № 3. С. 71; В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1981–1922 гг. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 243. А.А. Майсуриан склонен доверять рассказу Троцкого о расстреле царской семьи. (Другой Ленин. С. 237–238); *Иоффе Г.З.* «Филиппов суд». По чьему распоряжению была расстреляна царская семья? // *Наука и жизнь*, 2010, № 8.

50. И.Д. Ковальченко приводит текст этой телеграммы в другой редакции: «Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите Москву, что условленного с Филиппом суда по военным обстоятельствам... ждать не можем. Расстрел не терпит отлагательства» (*Ковальченко И.Д.* Вековая проблема российской истории // *Вестник Российской академии наук*. 1994. Т. 64. № 10. С. 916–919.

51. *Иоффе Г.З.* «Филиппов суд».

52. *Кривякина Е.* Следствие установило: Ленин не убивал царскую семью // *Комсомольская правда*. 2011, 27 октября. Проводивший следствие

криминалист В. Соловьев заявил: «Нет ни одного документа, который свидетельствовал бы о том, что Ленин или представители Кремля дали приказ на расстрел царской семьи. Если и были устные договоренности, они нигде не зафиксированы, и мы соответствующими документами не располагаем. Расстрел был проведен по решению президиума Уральского облсовета».

53. Кантор Ю.З. Допрос и расстрел адмирала // Российская газета. 2013, 18 ноября.

54. Корнеев В.В., Козлов Я.В. Очернение Ленина. Как это делают официальные «историки» на страницах «Российской газеты» // Политическое просвещение. 2014. № 5. С. 42.

55. Там же. С. 45.

56. См., например: Соколов Б.В. Тухачевский. – М.: Молодая гвардия, 2008. С. 94–95.

57. Иоффе Г.З. Верховный правитель России: документы дела Колчака (Рец. на: Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака. Под общей ред. А.Н. Сахарова и В.С. Христофорова. М., 2003) // Новый Журнал. 2004. № 235.

58. Кара-Мурза В. Ленин как ядерный гриб // Радио Свобода. 2016, 22 января, <http://www.svoboda.org/a/27504159.html>

59. Млечин Л.М. Ленин. Соблазнение России. – СПб.: Питер, 2012.

60. См.: Усов И. Упрощение Ильича // Газета.ру, 2012, 7 ноября, https://www.gazeta.ru/science/2012/11/07_a_4843493.shtml

61. Перфилов В.А., Костягина В.М. Жизнь Владимира Ильича Ленина. Вопросы и ответы. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 5.

62. Там же. С. 9.

63. Млечин Л.М. Ленин. Соблазнение России. С. 430.

64. Гусляров Е.Н. Ленин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. – М.: ОЛМА-Пресс, 2003. С. 3–5.

65. Лавров В.М. В.И. Ленин. Имя России. Исторический выбор. М., 2008.

66. См.: Правда. 2009, 22 апреля.

67. Лавров В. Ленинский отзыв. Сбросить ли Ленина с корабля истории? // Российская газета. 2012, 18 апреля.

68. Там же.

69. Там же.

70. Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины: семейные тайны. – М.: Olma Media Group, 2004. С. 311.

71. Statistics on whole Index Translationum database. <http://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx?crit1L=5&nTyp=min&topN=50>

72. Енко К. и Т. (Ткаченко В.Г., Ткаченко К.В.) Частная жизнь вождей – Ленин, Сталин, Троцкий. – М.: Центрполиграф, 2000. С. 3; Балаян Л. Посвящается 130-летию со дня рождения И.В. Сталина // http://www.russlav.ru/stat/130_stalin.html Для характеристики идейной направленности текста Балаяна достаточно привести одну цитату: «В области демократии Сталин опередил весь мир».

73. Hart Michael H. The 100: A Ranking of the Most Influential Persons in History. – New York: Carol Publishing Group/Citadel Press, 1978; 2nd Ed. 1992.

Русский перевод 2-го издания см.: *Харт М.* Сто великих людей. – М., Вече, 1998.

74. *Харт М.* Сто великих людей. С. 11.

75. Там же. С. 426–431. По мнению канадского историка Роберта Джеллетли, Ленин был ничуть не лучше Сталина в плане использования методов массового террора и готовностью убивать во имя идеи (*Gellately R. Lenin, Stalin, and Hitler: The Age of Social Catastrophe.* – N.Y.: Knopf, 2007).

76. Там же. С. 12.

77. Там же. С. 343–349.

78. *Енко К. и Т. (Ткаченко В.Г., Ткаченко К.В.)* Частная жизнь вождей. С. 6.

79. Там же. С. 9.

80. Там же. С. 16.

Глава 3

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕНИНСКОМ ОКРУЖЕНИИ

Выдвинувшиеся на первый план новые подходы в изучении Ленина органично включили в себя фактор межличностных взаимоотношений в партийной и государственной верхушке, что сразу же потребовало трактовки взаимодействий рационального, осознанного и подсознательного в анализе мотиваций поведения ленинского окружения. Эту проблему невозможно раскрыть с позиций классовой парадигмы, как правило, стирающей своеобразие и личностные значения исторических деятелей. Необходимо обращение к психологическим характеристикам, которые формируются наряду с ментальностью в процессе складывания личной биографии, тех или иных жизненных обстоятельств и переживаемых коллизий.

Психология отношений

Доктор медицинских наук Д.В. Колесов полагает, что все новаторство Ленина сводится к идее захвата и удержания власти, с учетом конкретных практических обстоятельств. Эту идею Колесов рассматривает и раскрывает в анализе психологии общественных отношений с точки зрения старой доброй марксистской теории о роли личности в истории (1). И здесь надо снова вернуться к работам Ф. Помпера – представителя психологического метода анализа жизнедеятельности крупных исторических деятелей. В конце 1991 года фрагменты его работы впервые стали достоянием и российских историков. Его метод был продемонстрирован применительно к Троцкому и Мартову и их взаимоотношениям с Лениным. Когда автор размышляет о фигуре Троцкого, то отмечает в первую очередь амбивалентность Троцкого по отношению

к Ленину, что нашло своё отражение в «частичном отождествлении» себя с ним после его смерти: «В любом случае он не мог до конца скрыть своих отрицательных чувств к Ленину, и они отчетливо проявляют себя недоговорённостью и умолчаниями. К тому же самое существо амбивалентности в том и состоит, что сознательные и подсознательные побуждения и установки сосуществуют и оказывают влияние как на конкретные поступки, так и на образ действий в целом» (2).

В качестве доказательства Помпер обращается к фактам биографии и политического поведения Троцкого после ухода Ленина. Беспокойство Троцкого по поводу замещения места Ленина проявлялось по-разному. Он не хотел, чтобы другие большевики верили, что он «имел виды на ризы Ленина», как он сам выразился, объясняя своё поведение в связи с ленинским «Завещанием». Автор подчёркивает, что оценка Троцким своего положения в партии во время последней болезни Ленина и после его смерти базировалась на вполне осознанных, разумных и реалистических посылках. Тем не менее на его действия влияло и «подсознательное чувство самозванства». Помпер связывает его с тем, что Троцкий слишком хорошо знал, что в глазах большевистской олигархии он оставался самозванцем и после 1917 года. То, что Ленин и большевики до 1917 года часто напоминали ему о его национальности, усиливало его беспокойство в связи с этим, поскольку «еврейская тема по сути была лишь вариацией на тему самозванства», во всяком случае, такой она должна была казаться некоторым самозванцам, скрывающимся под маской лояльности. «Троцкий, – пишет автор, – чувствовал, что его “вынудили” стать самым правоверным большевиком, наиболее лояльным ленинцем. Гнетущее беспокойство по поводу того, что он, возможно, действительно самозванец, заставляло Троцкого прибегать к сверхкомпенсации путём демонстративного отказа от умеренных позиций. В политических схватках, которые всякий раз вновь пробуждали в нём ощущение самозванства, он бессознательно прибегал к самым различным способам сверхкомпенсации» (3). В ряду многих способов автор приводит пример знаменитых слов, прозвучавших на XIII партийном съезде: «справедливо или несправедливо, но это моя партия». Другой пример метода компенсации был связан с грубейшими нападками на людей, которые казались Троцкому носителями тех качеств, которые он столь усиленно подавлял в себе.

Для венгерского исследователя Миклоша Куна доминирующей чертой, определяющей различные сценарии межличностных отношений в ленинском окружении, является или непосредственное стремление к власти, или приверженность самой идее власти. Именно последнее, по мнению автора, было свойственно Н.И. Бухарину, главному действующему лицу густонаселенной монографии «Бухарин. Его друзья и враги». Характер его поведения в ленинском окружении, по Куну, определяется тем, что интеллигент-революционер оттеснял в Бухарине учёного-интеллектуала, а также базовой глубинной связью с Лениным, в основе которой инстинктивное неприятие всего, что нарушало стройность марксистской картины мира (4).

Оба – Ленин и Бухарин – брали, если воспользоваться выражением И. Ильина, не цельное здание европейской культуры, а одну небольшую её часть; отбрасывание неутилитарных культурных традиций и приспособление их к партийным нуждам стало рабочим стилем обоих. Не случаен, а закономерен, как считает Кун, и союз Бухарина со Сталиным. И дело не в традиционно фиксируемой в исследованиях прагматике борьбы против Троцкого. Воля к власти и «политическая целесообразность» обусловили единство будущей жертвы и её палача. А затем этот союз укреплялся волей к власти и моральным нигилизмом самого Бухарина (5).

Английский и немецкий историки Т.Э. О'Коннор и Б. Энкер предлагают искать корни сложных взаимоотношений, а по сути борьбу, в ленинском окружении в дореволюционном периоде. Первый из них, обратившись к биографии Л.Б. Красина и его участию в группе «Вперёд», руководимой Богдановым, а также к биографии А.В. Луначарского, анализирует первый опыт идейного и организационного противостояния Ленину в самой большевистской среде. По его мнению, Ленин из разрыва с Богдановым и Красиным сумел извлечь для себя важное политическое преимущество. Размежевавшись с «экстремистским крылом большевиков, т. е. группой “Вперёд”, Ленин «провозгласил себя защитником ортодоксального марксизма» (6).

Автор считает, что борьба между Лениным и Красиным шла на основе личного соперничества за власть, а также за то, кто должен распоряжаться партийными средствами. Власть «искушала» Красина, и последнюю попытку изменить своё положение в ленинском окружении он предпринял на XII съезде партии (17–25 апреля 1923 года), решившись пойти на резкую стычку с Зи-

новьевым. Критикуя структуру ЦК РКП(б), которая не изменилась, по его мнению за два десятилетия с тех пор, как партия представляла собой подпольную организацию, Красин считал, что уж коли она взяла в свои руки власть и сформировала правительство, то страной должны управлять не «журналисты и литературная интеллигенция», а толковые администраторы, экономисты и инженеры (7).

Довольно противоречивая оценка дается О'Коннором и А.В. Луначарскому. Отмечается, что несмотря на идеологические и политические разногласия, существующие между ним и Лениным, последний «предпочитал энергичных и бодрых революционеров» и поэтому любил Анатолия Васильевича, так как тот был «настоящему блестящим и весёлым человеком, который получал удовольствие, развлекая людей остроумной беседой и анекдотами». Его даже считали «закадычным другом» Ленина, однако Ленин признавал, что хотя французский блеск Луначарского полезен большевикам, но он «не был полностью одним из них» (8). Автор систематизировал причины, осложняющие их отношения: противоречивое и двойственное отношение Ленина к интеллигенции вообще; склонность Луначарского к подчинению, а не лидерству; нетвёрдость в отношении коммунистических идей; вызывающий стиль жизни, являющийся одной из причин его «дурной репутации» в партии.

Серьёзно анализирует характер взаимоотношений в верхушке Б. Энкер. Говоря о «праздничной гармонии чествования вождя» в апреле 1917 года, он фиксирует скрытые сильные противоречия между Лениным и находившимся в России большевистским руководством во главе с Каменевым и Сталиным. Эти разногласия касались отношения к войне, к временному правительству, союзу с меньшевиками в одной партии (9).

В галерее прямых оппонентов Ленина впервые появилась фигура Д.Б. Рязанова, одного из первых, кто в начале века вступил в полемику со своим ровесником Лениным, кто обратил внимание на антидемократические тенденции во взглядах большевиков, их склонность к террору. Именно это, по мнению Я.Г. Рокитянского и немецкого историка Р. Мюллера, обусловило политическое поведение ленинского крыла российской социал-демократии (10).

М.М. Горинов, А.А. Данилов и В.П. Дмитренко считают, что при Ленине неформально допускался определённый плюрализм в рамках большевистского ареопага. Возможность этого «либерализма» определялась государственным и общественным хаосом,

вызванным революцией и Гражданской войной. К началу 20-х годов существовали почти независимые советские республики, новый государственный аппарат ещё только создавался (особенно это было характерно для отвоёванных у противников территорий), в пролетарской массе ещё живы были традиции самоуправления первого года революции, относительно выросла роль армии, с которой партийному руководству, в том числе Ленину, невольно приходилось считаться. Определённый либерализм в ленинском политическом окружении был связан с присутствием на вершине партийно-государственной пирамиды харизматического лидера – В.И. Ленина, перед которым склоняли голову самые амбициозные большевистские руководители: Зиновьев, Сталин, Троцкий, в котором массы видели носителя истины в последней инстанции. Наличие вождя компенсировало отсутствие демократического механизма принятия решений, учёта прав меньшинства. Опираясь на свой непререкаемый авторитет, Ленин добивался согласия противоборствующих, формально запрещенных, но фактически существовавших фракций, интегрировал различные точки зрения, имел возможность проводить последовательный политический курс (11).

Эти же авторы предложили вообще при анализе проблем политической истории отказаться от пропагандистских мифов типа «внутрипартийной демократии», которая якобы существовала при Ленине, и которую отбросил деспот Сталин. При Ленине демократия в межличностных отношениях ближайшего окружения «существовала в тех пределах и формах, которые не противоречили единовластию Ленина». Если же такая угроза возникала, Ленин никакой «формальной демократии», «прав меньшинства» (да и «большинства») не признавал: готов был в октябре 1917 года исключить из партии своих ближайших в течение многих лет соратников – Каменева и Зиновьева; не раз грозил своим выходом из руководства; в 1921 году пошёл даже на запрет фракционной деятельности в РКП(б) (12).

В российской литературе, вслед за работами западных коллег, уже высказано мнение, что острота знаменитой дискуссии о профсоюзах во многом объяснялась стремлением Ленина подорвать чрезвычайно выросший за годы Гражданской войны авторитет Троцкого (13). Похожим образом Ленин попытался действовать и в последние месяцы своей активной политической деятельности, когда ощутил сосредоточение «необъятной власти» в руках Сталина. Если в 1920 году он в блоке с Зиновьевым,

Каменевым, Сталиным выступил против Троцкого, полностью очистив Секретариат ЦК от его сторонников, то в 1922 году он пытается проделать то же самое против Сталина, блокируясь с Троцким и теми же Зиновьевым и Каменевым. Как замечает С.В. Цакунов, делать из факта этой фракционной блокировки далеко идущие выводы о нарастающей близости Ленина с Троцким, как это делает в своих работах сам Троцкий, а вслед за ним троцкистские эпигоны, вряд ли правомерно. Уравновешивать соперниками и оппонентами разные части государственного механизма было альфой и омегой ленинской кадровой политики (14).

Например, весной 1922 года в качестве своих заместителей в Совнаркоме он выдвигает Рыкова и Цюрупу, двух старых антагонистов, чьи противоречия успели вполне развиться ещё на хозяйственной ниве «военного коммунизма», а в сентябре того же года Ленин внёс в Политбюро предложение о назначении Троцкого своим основным заместителем в Совнаркоме, что должно было создать равновесие на верхнем этаже партийно-государственного руководства. Речь идёт о противопоставлении Троцкого усилившемуся Сталину. Но Троцкий категорически отказался (15).

«Серые фигуры» наследников

Если не считать рассмотренных нами работ Волкогонова и монографию Р. Такера (16), лишённой налета вульгарного антисталинизма, то из новых работ, предлагающих новые аспекты личности Сталина через призму отношений с Лениным, следует выделить исследование канадского историка Нормана Перейры. Он отмечает, что в западной историографии в большинстве случаев Сталин описывался как «серая фигура», практически неизвестная до его неожиданного взлета после смерти Ленина, в то время как Троцкий считался очевидным наследником дела Ленина, координировавшим события Октябрьской революции, внесшим решающий вклад в победу Красной армии в Гражданской войне. Автор считает, что такая картина вводит в заблуждение, не отвечает реальной действительности, и пытается выйти за рамки сложившихся штампов и непредвзято взглянуть на Сталина.

В частности, Перейра отмечает, что «Сталин отличался некоторыми крупными качествами как личность. Ленин первоначально признавал их. Он включил Сталина в состав ЦК ещё в 1913 г.

За исключением, возможно, лишь Зиновьева и Каменева, в окружении Ленина не было никого, кроме Сталина, кому бы он мог поручить наиболее сложные партийные задания. Более того, пока большая часть партийного руководства была в эмиграции, Сталин неизменно оставался в центре событий в стране, делая черновую повседневную партийную работу. Даже если у него отсутствовали красноречие и быстрота ума, как у некоторых его старших товарищей, Сталин более чем окупал эти недостатки своим пронизательным суждением, прекрасной памятью, здравым смыслом и незаурядным умением выбрать момент...» (17).

В заочную дискуссию о межличностных отношениях в ленинском окружении под углом зрения борьбы за власть подключился и известный специалист по внутрипартийным отношениям 20-х годов М. Рейман. Процесс ухода Ленина из политики был неизбежно связан с изменениями отношений и ориентации в «руководящем коллективе», и историк призывает не преувеличивать значение этого момента, он не является чем-то особенным. Тем не менее в Советском Союзе он был усложнён рядом обстоятельств. Первое – Лениным не был решен вопрос о своём преемнике. В результате формирование нового состава верхушки сопровождалось острой и продолжительной борьбой. Второе – созданная система не оставляла места ни для оппозиции вообще, ни для оппозиции внутрипартийной. Следовательно, не было условий легальной смены политического руководства. Третье – личные качества Сталина: нетерпимость, склонность к нелегальным методам, которые со временем трансформировались в прямые политические преступления.

Итак, для Реймана нет мистики в выдвижении Сталина. Но в отличие от других исследователей, того же Г. Нилова, автор в своих рассуждениях отталкивается не от Ленина, по существу приведшего Сталина к высшей власти, а от личных качеств членов самого ленинского окружения. Троцкий не только был изолирован в 1921 году, но и сам не стремился занять место первого лица в партии и государстве. Зиновьев, Каменев, Рыков, Бухарин и Томский не обладали необходимыми личными качествами и не имели достаточного авторитета, ни достаточных позиций в центральных аппаратах власти, а у некоторых из них не хватало ни того, ни другого. Сталина же Рейман трактует не статически, а как политика и личность, претерпевшую определённую эволюцию. Его политическая деятельность была при этом разноплановой, и вряд ли её можно свести к общему знаменателю.

«У Сталина как политика, – подчёркивает Рейман, – был очень развит инстинкт власти, и он обладал способностью её концентрировать, подбирать людей и манипулировать ими, ставить их в зависимое положение, контролировать аппарат». Однако он был слаб там, где особенно был силен Ленин, – в выдвижении решений принципиальных общественных проблем, т.е. мыслил с позиций формальной логики. Похоже, что Сталин не понимал противоречивости и многослойности общественных явлений. Принимая решения, он имел в виду их непосредственный эффект, а долгосрочные последствия выпадали, как правило, из его поля зрения. В то же время Рейман отдаёт должное способности Сталина сознавать свои слабости как политика. Они были, впрочем, очевидны для его соратников: Сталина в основном ценили как человека исключительных организационных и административных способностей, как «практика». Именно потому он стремился компенсировать свои слабости, как и слабости своей позиции, союзами с разными внутрипартийными группировками – сначала с Зиновьевым и Каменевым, потом с Рыковым и Бухариным. Об этом достаточно ясно свидетельствует структура таких союзов: Сталин в них обеспечивал власть, его союзники формулировали концепцию «большой политики», решение проблем экономики, социальных отношений, внешних связей (18).

Рейман поддерживает позицию Л. Троцкого, М. Джиласа, М. Восленского, которые обуславливают сталинское восхождение к власти формированием новой бюрократии, нового аппарата власти и управления, поскольку насильственная перестройка общества, затрагивающая интересы миллионов людей, была невозможна без формирования общественного слоя, отделенного от остальной массы населения своим положением и интересами. Следовательно, «замена Ленина Сталиным как главы партии не была в этом смысле простой заменой лиц. При Ленине аппарат был в основном коллективом партийных “литераторов”, т.е. политиков, обладавших относительно большим запасом знаний и навыков интеллектуального труда; при Сталине он стал коллективом “практиков”, т.е. работников, прошедших школу аппарата» (19).

Серьёзное внимание уделяется характеристике личных взаимоотношений Ленина и Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина в монографии Н.А. Васецкого «Троцкий: Опыт политической биографии», вышедшей в 1992 году. Автор предложил заново переосмыслить привычное выражение «соратник Ленина», которое ранее исчерпывало положительную характеристику того или

инного деятеля партии. Но как быть в таком случае с агентом царской охраны Романом Малиновским? На Пражской конференции в январе 1912 года Ленин выдвинул его в члены ЦК РСДРП, лелеял этого вновь испеченного активиста почти два года, считая его одним из способнейших работников. Можно спорить, отмечает Васецкий, знал ли Ленин о его провокаторской роли. Но ведь выдвинул и был готов двигать и дальше. А сколько людей приходили, уходили, вновь возвращались к Ленину? По какому разряду всех их числить: врагами или соратниками Ленина? Такой механистический подход – это вообще не научный подход, а догматизм, не обязательно связывавшийся только с именем Сталина. Свою роль в его утверждении после смерти Ленина сыграли, по мнению Васецкого, все мало-мальские заметные представители «старой гвардии».

Все эти замечания предваряют важнейшие оценки Троцкого. Прежде всего то, что Ленин по достоинству ценил Троцкого, когда тот строго и точно осуществлял директивы партии, когда наряду с другими ее руководителями выполнял служебные обязанности, порученные ему задания ЦК. Вместе с тем, учитывая склонность Троцкого к организации блока и использованию в своих целях «околопартийного нечта», Ленин давал решительный отпор его попыткам создать свои кадры, опираясь на которые он стремился командовать в партии, выступать против ленинских установок в строительстве нового общества. Так было в борьбе за заключение Брестского мира, в дискуссии о профсоюзах, при решении ряда конкретных проблем партийного, военного и хозяйственного строительства.

Одновременно Васецкий обращает внимание на то, что Ленин, хотя и не любил ставить в вину деятелям партии их прошлые ошибки, не раз возвращался к анализу дискуссий с Троцким. Двойственность в политической позиции Троцкого была подчеркнута Лениным в его «Письме к съезду». Выделяя его выдающиеся способности, Ленин подчеркивал и «увлечения» Троцкого администрированием, которые оборачивались грубыми ошибками и просчетами в политике. Именно поэтому Ленин считал нужным напомнить партии о небольшевизме Троцкого, но при этом имел в виду не только личность Троцкого. В небольшевизме Троцкого он усматривал позицию не отдельного партийного лидера, а целого социального слоя, определенных настроений в партии, выразителем которых время от времени оказывался Троцкий.

В партии Троцкий в наиболее концентрированном виде отражал настроения тех ее членов, которые пытались опереться на догматически трактуемые ими традиции классического марксизма XIX века. Они весьма превратно оценивали качественные перемены, которые происходили в расстановке классовых сил как на мировой арене, так и в отдельных странах, прежде всего в самой России.

Отмеченные недостатки и погрешности в равной мере Васецкий адресует и противникам Троцкого, в первую очередь Сталину и Зиновьеву. Одна из трагических страниц в истории партии как раз и состояла в том, что ни один из соратников Ленина не смог по достоинству оценить его «нэповскую метаморфозу». А то, что каждый из этих соратников воспринял от Ленина и попытался придать ему собственную трактовку, было мало похоже на оригинал.

Пример Троцкого и троцкизма, заключает Васецкий, свидетельствует, что дело не в чем-то «злом умысле», а в неверных оценках новых условий, характера и содержания переживаемой эпохи. Из этого вытекает еще один исторический урок: идеи, верные в условиях данной эпохи, если их перенести в другое время, в иные конкретно-исторические рамки, не произведя при этом необходимой корректировки в соответствии с духом самих этих идей, способны обретать смысл, прямо противоположный своему первоначальному содержанию. Это обстоятельство во многом предопределяло не только судьбу Троцкого, но и характер внутрипартийной борьбы и межличностных отношений в ленинском окружении после ухода вождя.

Пожалуй, единственную в 90-е годы попытку дать коллективный портрет чуть ли не всему ленинскому окружению предпринял В.П. Булдаков. В частности, Г.Е. Зиновьев для него всего лишь «заурядный краснобай», Л.Б. Каменев – «не представлял собой существенной политической величины ни в 1917 г., ни позднее. Человек он был скорее мягкий, нежели жёсткий» (20). Более подробная характеристика дается им Л.Д. Троцкому. Сначала ограничиваясь лишь зарисовками портретов, данных современниками, автор выходит на собственные оценки: «Троцкий мог подняться на гребне революционной смуты, но вряд ли он мог удержаться на ней без Ленина. Ему могли поклоняться только ведомые, соратников он отталкивал своим нескрываемым интеллектуальным превосходством. Троцкий пришёл к большевикам, признав первенство Ленина. Он понял, что именно Ленин изо-

морфен русской смуте, вероятно, надеясь, что сам больше годится на роль лидера “перманентной” революции» (21). Что же касается Сталина, если на него смотреть только сквозь нашу призму ленинского окружения, то он прежде всего выделялся «своим навязчивым желанием уйти в тень Ленина» (22). Сам же Ленин, по мнению Булдакова, был догматиком в основаниях марксистской веры, но не был заложником теории. Он одержал победу вопреки доктрине, хотя «сам себе в этом никогда бы не признался». «В 1917 г., – подчёркивает автор, – он инстинктивно действовал по законам хаоса и выиграл; в Гражданскую войну прямолинейно придерживался коммунистических установок – и проиграл, будучи вынужден пойти на уступки “мелкобуржуазному крестьянству”» (23).

Вообще же, Булдаков высокомерно отказывает российской историографии в понимании этих простых вещей, поскольку восприятие Ленина оставалось чисто эмоциональным и тон в этом задавали люди, которые разочаровались в своём былом идоле и пытаются заработать на его публичном «разоблачении» некий капитал.

Публицист-сталинист Н. Добрюха полагает, что всю правду о жалобе Крупской на грубость Сталина Ленин узнал только в начале марта 1923 года, когда и продиктовал резкое письмо Сталину. А то, что «жалоба жены обрела форму документа, очевидно, сыграло значительную роль в ускорении его смерти». При этом Добрюха в начале своей статьи приводит, со ссылкой на «старых чекистов» как достоверный факт известный анекдот о жалобе Крупской Сталину на Ленина, что тот будто бы переспал со всеми девицами своего секретариата, а теперь крутит романы и с другими девицами из аппарата Совнаркома. Сталин же будто бы поставил этот вопрос на ЦК, но большинство членов оказалось на стороне Ленина. Дескать, Крупская давно уже мало походит на женщину, и старика можно понять. Будто бы после этого Крупская Сталина и возненавидела (24).

Вполне со сталинистских позиций написана монография историка В.А. Сахарова «“Политическое завещание” Ленина: реальность истории и мифы политики» (25). Автор отстаивает тезис, что та часть «Политического завещания», где была дана негативная характеристика Сталина и было предложено переместить его с поста генерального секретаря, Лениным никогда не диктовалась, а была сфальсифицирована Н.К. Крупской. Каких-либо убедительных доказательств этой версии автор не приводит. Сахаров

следующим образом характеризует различия между ленинской и сталинской оппозициями относительно перспектив нэпа: «По мысли Ленина, ограниченность темпов развития революции диктовалась невозможностью увеличивать нагрузку на крестьян не только из-за низкой эффективности их мелкого единоличного хозяйства, но и из-за невозможности увеличить изъятие из деревни материальных и финансовых ресурсов ввиду угрозы разрыва классового союза с ними. Бухарин был согласен с этим. Сталин в отличие от него (это явствует из последующей борьбы между ними) считал, что крестьянин, коль скоро он заинтересован в победе социализма, ради собственных интересов должен пойти на максимальную мобилизацию всех своих сил. Производственная кооперация позволяла обеспечить и социальную эволюцию крестьянства, и мобилизацию всех его сил для обеспечения этой эволюции». Соответственно, Сахаров также вполне одобряет сталинскую насильственную коллективизацию, поскольку «Массовая коллективизация пресекла процесс “производства” капитализма мелкобуржуазной деревней, изолировала кулачество от основной массы крестьянства и тем облегчила борьбу со слаборазвившейся сельской буржуазией. Она открыла крестьянину-единоличнику новую перспективу улучшения своего экономического и социального положения. Альтернативой ей была борьба с вырастающим из крестьянства, как головы гидры, кулачеством» (26). Сахаров предпочитает не обращать внимания на ту цену, в том числе в человеческих жизнях, которую заплатило крестьянство за сталинский эксперимент, сводя все дело к «перегибам» на местах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Колесов Д.В. Ленин: учение и деятельность. – М.: Флинт, 2000. О том, как относится к Ленину другой медик, понятно из названия книги «Выродок истории» (См.: *Салганик Е.Л.* Выродок истории. Психологический анализ рождения и распада советской империи. – М., 2000).

2. См., в частности: *Pomper P.* Lenin, Trotsky and Stalin: The Intelligentsia and Power. – N.Y. 1990. Российские исторические журналы обратили внимание на эту важную работу лишь в 1994 г. – см., к примеру, рецензию Л.Г. Сухотиной в «Отечественной истории» (1994. № 3. С. 193–197). *Помпер Ф.* Троцкий и Мартов // История СССР. 1991. № 5. С. 193.

3. Там же. С. 197.

4. *Кун М.* Бухарин. Его друзья и враги. – М., 1992.

5. Там же. С. 227.

6. См.: *О'Коннор*. Инженер революции: Л.Б. Красин и большевики. 1870–1926. – М., 1993.
7. Там же. С. 116.
8. *О'Коннор Тимоти*. Анатолий Васильевич Луначарский. Серия «Исторические портреты» // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 38.
9. *Энкер Б.* Указ соч., С. 194
10. *Рокитянский Я., Мюллер Р.* Красный диссидент. Академик Д.Б. Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. (Сер.: Времена и нравы: мемуары, письма, дневники). – М., 1996.
11. См.: *Горинов М.М., Данилов А.А., Дмитренко В.П.* История России. Ч. III. XX век: выбор моделей общественного развития. – М., 1994. С. 66–67.
12. См.: там же; *Горинов М.М.* Советская история 1920–30-х годов: от мифов к реальности. В кн.: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. С. 259.
13. См.: *Цакунов С.В.* В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. – М., 1994; *Дэниелс Р.* Социалистические альтернативы в споре о профсоюзах. В кн.: Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М., 1994.
14. *Цакунов С.В.* Указ соч., С. 94.
15. См.: *Горинов М.М., Данилов А.А., Дмитренко В.П.* Указ. соч. С. 68–69.
16. *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. Пер. с англ. – М., 1990.
17. *Перейра Н.* Сталин в 20-е годы: попытка нового социального исследования. В кн.: История и историки. – М., 1995. С. 366–367.
18. См.: *Рейман М.* Заметки по проблеме сталинизма в историографии. В кн.: Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. – М., 1996. С. 236–237.
19. Там же. С. 238.
20. См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. С. 211.
21. Там же. С. 215.
22. Там же. С. 278.
23. Там же.
24. *Добрюха Н.* Ссора вождей // Аргументы и факты. 2004. № 3. С. 11.
25. *Сахаров В.А.* «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М.: МГУ, 2003.
26. Там же.

Глава 4

ВЗАИМОСВЯЗЬ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЛЕНИНИЗМА И СТАЛИНИЗМА: НОВЫЕ ГРАНИ СПОРОВ

В 90-е годы дискуссия по принципиальнейшей теме современной историографии о соотношении ленинизма и сталинизма продолжилась. Впрочем, поначалу для одних – опять-таки с целью отделить Ленина от Сталина и таким образом сохранить идею социализма, а для других – отождествить обоих «диктаторов», их учения и тем самым похоронить и идею социализма и двух вождей. В частности, эта проблема была одной из центральных на международном семинаре, состоявшемся в июне 1992 года. Здесь был представлен полный спектр определений сталинизма (1).

Доктрина и псевдодоктрина

Р. Такер сразу предложил исходить из того, что именно из ленинского наследия Сталин взял всё самое жестокое, репрессивное и террористическое. Однако для Р. Дэниэлса сталинизм вытекает не из ленинизма как такового, а является продуктом традиционной политической культуры, кризиса модернизации, революционного процесса и социалистической идеологии. Близкую к этому точку зрения сформулировал и А.В. Голубев. Сталинизм для него – одна из разновидностей тоталитарного политического режима вообще и его центральная черта сводится к способности мобилизовать широкие массы для решения той или иной общенациональной задачи, в частности, ускоренной модернизации. Насилие при этом играло существенную, но не абсолютную роль, так как сталинизм, по его мнению, сумел опереться на некоторые свойства общественного сознания.

Х. Тиктин из Великобритании также дистанцирует ленинизм от сталинизма путём акцентирования внимания на выдвинутую Сталиным доктрину социализма в одной стране. Именно следование этой доктрине и привело к чисткам, атомизации общества, созданию псевдодоктрин, к примеру, национализма советского типа. Ещё более сложная трактовка была предложена И.Г. Яковенко. В основе его анализа сталинизма и возможностей его соотношения с ленинизмом находится понятие «трансформативных и нетрансформативных обществ». Общества с малой способностью к трансформации породили в XX веке особый феномен «фазового перехода», осуществляемого диктаторскими режимами с модернизаторской доминантой. Сталинизм в этом контексте — «конкретно-историческая форма трансформации теоцентрического общества через идеократическое к секулярному» (2).

Серьёзный вклад в углубление дискуссии внёс профессор Филадельфийского университета М. Левин. Он предложил рассматривать сущность ленинизма и сталинизма через призму российского бюрократизма. Согласно его концепции, при Ленине «ничтожные интеллектуальные силы оказались втянутыми в формирование правительственной структуры и были обречены на то, чтобы стать частью бюрократической иерархии, растущей подобно метастазам злокачественной опухоли, чуждой и демократии, и социализму» (3). И Ленин с самого начала понял потенциальные возможности, заложенные в возникшей системе. Он, пытаясь избежать этой ловушки, выдвинул в начале 1918 года идею государственного социализма, которая, если бы она была реализована, по мнению Левина, смогла бы предотвратить опасности, связанные с вариантом «азиатского деспотизма». Однако Гражданская война прервала возможности такого развития. Затем начался эксперимент нэпа, который Ленин первоначально рассматривал, как иную версию того же государственного капитализма.

В сталинизме же этот американский историк видит определённую двойственность: он стал возможен благодаря бюрократии — определённого рода и на определённом уровне, но сам рассматривал бюрократию одновременно и как необходимость (поддержка верхушечных слоев) и как не заслуживающую доверия. М. Левин обращает особое внимание на изучение Сталиным опыта царей, поскольку он опасался способности чиновничества «регулировать» деятельность самодержцев. В известной степени сталинизм стал препятствием на пути превращения верхних слоев

бюрократии в правящий класс. Автор подчёркивает: «Сталин возможно раньше других осознал, что бюрократия лишь внешне выглядит как некая открытая пирамидальная структура... В действительности же налицо была тенденция дробления этой структуры на достаточно сильные и при том трудно согласуемые между собой ветви, каждая из которых стремилась сохранить за собой полный контроль над своей отраслью, и пыталась, если не встречала должного отпора, вырваться из подчинения единой государственной системе... Сталина можно рассматривать как бюрократического антихриста и в этом смысле порождением бюрократии. Последняя была ему без сомнения “предана”, но это не отменяло внутренней инерции её развития, шедшего вразрез с его системой. Сталина скорее следует рассматривать как порождение своей партии, которой он сам же помог сформироваться, после того как стал генеральным секретарем и главой партийного аппарата» (4).

Более сложным путём пошёл в вопросе о преемственности профессор Лондонского университета Дж. Биггарт, который попытался обозначить промежуточные мостики связи ленинизма и сталинизма. Он считает, что Бухарин, который в партийной среде считался хранителем чистоты «ленинизма» в годы нэпа и сторонником постепенных изменений, в действительности, в той же теории культурной революции, значительно отошёл от ленинской позиции. Бухарин на самом деле стоял за радикальный разрыв с системой нэпа, а его идеи представляют связующее звено между поздним ленинизмом и сталинизмом. Более того, Биггарт считает, что через Бухарина в официальную идеологию при Сталине в видоизмененной форме прошло немало идей А. Малиновского-Богданова (5).

Сквозь призму внутрипартийной борьбы

Для В.П. Булдакова во всей этой дискуссии очевидно лишь то, что Сталин всегда исходил из тех или иных «стандартных ситуаций», скажем, борьбы Ивана Грозного против «изменников-бояр», и как марксист полагал, что на новой формационной ступени он производит аналогичную «революционную» работу. Но всё это преломлялось в его сознании сквозь призму межпартий-

ной и внутрипартийной борьбы при Ленине. При этом Сталин, не вполне понимавший смысла прошлой борьбы или спускавший её на обыденный уровень, склонен был решать все проблемы, опираясь на террористический опыт Гражданской войны – время своего властного возвышения. «Здесь, как и во всем, – замечал Булдаков, – он действовал, как заурядный эпигон, умеющий, однако, своеобразным “верхним чутьем” выдрессированного революцией животного улавливать общественные настроения и предрассудки». И если Ленин никогда не заискивал перед массами, никогда не произнес бы «Дорогие братья и сестры!», хотя с легкостью повторял, что «надо учиться у масс», то Сталин, напротив, всегда хотел нравиться – в том числе, и низам (6).

С.С. Войтиков, анализируя взаимоотношения в треугольнике Ленин – Сталин – Троцкий в годы Гражданской войны, приходит к дискуссионному выводу, что на самом деле до смерти Свердлова шло противостояние двух тандемов: Ленин и Сталин против Свердлова и Троцкого, причем «играя на противоречиях внутри большевистской верхушки и грамотно ведя аппаратные игры, Ленин всего за полтора месяца полностью нейтрализовал властный тандем Свердлова и Троцкого» (7). К сожалению, этот вывод в принципе нельзя однозначно доказать или опровергнуть. По нашему мнению, Войтиков преувеличивает разногласия между Лениным, Сталиным, Троцким и другими вождями революции в период Гражданской войны. Тогда, перед лицом общей опасности, разногласия носили скорее тактический, а не стратегический характер, и реальной борьбы за власть еще не происходило. На практике по отдельным вопросам возникали разные блоки вождей друг с другом, и очень трудно вычленить линии противостояния между ними в этот период.

Необходимо подчеркнуть, что Ленин выступал за принцип коллективного руководства. В.А. Перфилов и В.М. Костягина справедливо отмечают: «Высшим принципом партийного и государственного руководства Ленин считал коллективность руководства и последовательно придерживался этого принципа в своей деятельности. При всем своем величайшем авторитете, при всей широте полномочий он никогда не принимал единоличных решений по вопросам, входящим в компетенцию органов коллективного руководства. Подчеркивая роль Центрального Комитета партии в то время как органа коллективного руководства партией и страной, он считал, что только коллективные решения ЦК, принятые в Оргбюро, Политбюро или Пленумом ЦК, должны прово-

диться в жизнь секретарем ЦК; “иначе работа ЦК не может идти правильно”.

Ленин резко выступал против мнения, будто все вопросы в ЦК решает он один. “Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что Цека – это я... – писал он дипломатическому работнику А.А. Иоффе в 1921 г. – По вопросам организационным и персональным несть числа случаям, когда я бывал в меньшинстве. Вы сами видели примеры тому много раз, когда были членом ЦК”. Владимир Ильич никогда не действовал только силой своего авторитета, он стремился убедить других в своей правоте.

Указывая на необходимость коллективного руководства, коллективной выработки важнейших решений, Ленин в то же время придавал большое значение персональной ответственности каждого работника за порученное ему дело. “Основной принцип управления – определенное лицо целиком отвечает за ведение определенной работы», – писал он”» (8).

Серьёзно подошёл к проблеме сопоставления двух вождей в своей итоговой, как оказалось, книге «Прошлое одной иллюзии» (издана в Париже в 1995, а затем в Москве в 1998 году) известный французский историк Франсуа Фюре. Он постарался не вникать в перипетии борьбы в ленинском окружении и сосредоточил своё внимание на одном из самых существенных вопросов: каким образом победа Сталина, постепенно устранившего всех своих соперников, повлияла на отношение большевизма к универсальным задачам, сместив акцент с интернационального на национальное. Если их соотношение, подчёркивает Фюре, было более или менее ясно при Ленине, в ситуации, созданной первой мировой войной, то с возникновением сталинского «второго большевизма» положение меняется: первая мировая война стала забываться, революционный цикл завершился, началась экономическая и политическая стабилизация капиталистического мира. «Обстоятельства, способствовавшие выходу Октябрьской революции за пределы России, переменились, а Ленин, символизировавший такой выход, умер» (9).

Чтобы понять, в каком направлении эволюционировал революционный универсализм, французский историк обращается к рассмотрению советской символики: способу увековечивания Ленина, похоронам его и «клятве» Сталина. Последняя, произнесённая на языке, заимствованном из прошлого, даёт понять, что единство партии – непреложный закон и что именно Сталин будет единственным его истолкователем и хранителем.

По линии партии и аппарата разворачивается дальше сравнение Ленина и Сталина. Фюре признает, что хотя Ленин всю жизнь посвятил партии, он её не обожествлял. Да, он осуществил запрет фракционной деятельности, страстно спорил, случалось, оставался в меньшинстве, но его «непререкаемый авторитет был основан на том, что он привел партию к власти, а не на том, что он окружил себя преданными аппаратчиками». «Парадокс Ленина, – уверен Фюре, – состоял в том, что он сознательно установил диктатуру партии и сам же боялся её последствий. Этот догматический сектант, человек поспешного действия не побоялся поставить государство под контроль одной партии, не побоялся установить царство террора, но незадолго до смерти он испугался бюрократизации им же созданного режима» (10).

В то же время, наоборот, для Сталина бюрократия и российская отсталость были самой подходящей средой, в подборе преданных ему кадров и овладения властью «он становится более русским, чем сами русские». Если Ленин добавил к марксизму значительную долю русского народничества, но при этом одной ногой стоял в европейской культуре, то Сталин знал Маркса только через Ленина. И тем не менее Фюре предлагает рассматривать Ленина и Сталина не только в различиях, но и в связях. И здесь как бы суммируются наблюдения и выводы различных исследователей нашей проблемы, которые мы анализировали на протяжении всей монографии.

Итак, Ленин отождествлял диктатуру партии с диктатурой пролетариата. От него пошло возвеличивание террора, презрение к законам, смешение партии и государства, сектантская страсть к идеологическим дебатам. Ленин создал, поддерживал и продвигал Сталина вплоть до последнего года своей жизни, когда половинчато и запоздало попытался отработать назад. Однако при Ленине в партии велись дискуссии, а «тоталитарная партия, соединившая идеократию с террористическим государством, яростно истребляющая свои старые кадры, – это уже Сталин», с его победой «первый большевизм» умирает (11).

Диктатура революционного государства

Однако этим выводом не завершаются размышления Ф. Фюре. Он обращает наше внимание ещё на один обязательный аспект сравнения Ленина и Сталина. От деятелей Французской революции большевиками была унаследована концепция, согласно которой общество есть продукт согласия составляющих его членов и, следовательно, производное от коллективной воли. Такое понимание не исключает диктатуры со стороны революционного государства, надо только, чтобы государство выступало как представитель воли граждан, поднявшихся против сил прошлого. Но большевистская версия революционного субъективизма оказалась более радикальной, чем якобинская.

В то же время, сравнение Великой французской и Великой русской революции 1917 года в советское время было общим местом. Ленин и его соратники как бы сверялись с опытом французских революционеров, уподобляли себя якобинцам и больше всего боялись термидорианского перерождения революции и возникающего из него бонапартизма. О «термидоре» Сталина впоследствии много писал Троцкий. При этом в первое термин «великая» в названии обеих революций первоначально означал не только их огромное всемирно историческое значение, но и их протяженность во времени, не сводимость к одному событию. Конечно, символическим началом Французской революции считается взятие Бастилии 14 июля 1789 года, но фактически под Великой французской революцией понимают период с 1789 по 1794 гг. или даже с 1789 по 1799 гг., до прихода к власти Наполеона Бонапарта. Точно так же Великая Русская революция включает весь революционный процесс от Февраля к Октябрю 1917 г., а в более широкой трактовке захватывает и Гражданскую войну вплоть до 1920 г. Троцкий же в статье «Рабочее государство, термидор и бонапартизм», противопоставляя ленинский период сталинскому, утверждал: «Было бы нелепым педантизмом пытаться приурочить отдельные этапы русской революции к сходным событиям в конце XVIII века во Франции. Но прямо-таки бросается в глаза, что нынешний политический режим Советов чрезвычайно напоминает режим первого консула, притом к концу консульства, когда оно приближалось к империи. Если Сталину не хватает блеска побед, то режимом организованного пресмыкательства он во всяком случае превосходит первого Бонапарта.

Такая власть могла быть достигнута лишь путем удушения партии, советов, рабочего класса в целом. Та бюрократия, на которую опирается Сталин, связана материально с результатами завершившейся национальной революции, но не имеет с развивающейся интернациональной революцией никаких точек соприкосновения. По образу жизни, интересам, психологии нынешние советские чиновники отличаются от революционных большевиков не менее, чем генералы и префекты Наполеона отличались от революционных якобинцев».

Ленин же еще в 1917 г. предупреждал: ««Бонапартизм есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции» (12).

Как вспоминал большевик В.В. Адоратский, он в Женеве в 1908 г. спросил у Ленина, как бы тот стал действовать, если бы оказался в роли Робеспьера: «...Речь зашла о будущей революции. Уже по опыту 1905 г. было ясно, что ближайшая революция неизбежно даст власть в руки нашей партии. Возникал вопрос, как быть со слугами старого режима. Таким образом, снова, и уже в присутствии самого Владимира Ильича, ставился вопрос о том, каков будет Владимир Ильич в роли “Робеспьера”. Владимир Ильич полушутя наметил такой план действий: “Будем спрашивать: ты за кого? За революцию или против? Если против – к стенке, если за – иди к нам и работай”. Надежда Константиновна, присутствовавшая при разговоре (мы сидели втроем в комнате), заметила скептически: “Ну вот и перестреляешь как раз тех, которые лучше, которые будут иметь мужество открыто заявить о своих взглядах”. Замечание это было, может быть, отчасти, и справедливо, но, тем не менее, Владимир Ильич все-таки был прав. Так, приблизительно, происходило и в действительной революции, и как же иначе было действовать?» (13).

Во-первых, Ленин, «как бы он от этого ни отрещивался», через идею партии как авангарда класса фактически разработал теорию всемогущества политической воли. Подтверждением чему может служить тот факт, что он не отступил перед такой нелепой, особенно для марксиста, идеей, как идея превращения отсталой России в колыбель мировой пролетарской революции. Во-вторых, у Ленина, как и у всякого марксиста, «воля получает неожиданную поддержку со стороны науки, правда ценой философской апории». Партия, являющаяся олигархией учёных и организаторов, изменяет мир по своей воле, одновременно повинуюсь зако-

нам истории. В ходе борьбы за наследие Сталин присвоил себе эту двойную миссию, а его лозунг «построения социализма в одной стране» содержал в себе дополнительный революционный импульс. Сталин также получает в наследие от Ленина диктатуру пролетариата в самой крестьянской стране в Европе и «комбинацию нэп и ГПУ». И тем не менее он заявил о построении в ней социализма. По сравнению с такими политическими амбициями, конечно, политика Ленина выглядела реалистической.

Кстати сказать, в самый напряженный момент Гражданской войны в 1919 г. Ленин допускал, что большевики могут потерпеть поражение. Как отмечает А.А. Майсурян, «Осенью 1919 года наступил новый отчаянный момент для революции: белогвардейцы уже предвкушали взятие Москвы и скорую победу... Большевики в те дни тоже не исключали своего поражения. Армия генерала Деникина подошла к Туле. 14 октября 1919 года Ленин говорил, что если Тула будет взята, то и Москву не удержать. Он предупредил голландского коммуниста Себальда Рутгерса: "Если вы в пути услышите, что Тула взята, то вы можете сообщить нашим зарубежным товарищам, что мы, быть может, вынуждены будем перебраться на Урал"» (14).

Для Фюре и ленинская, и сталинская политики обусловлены идеологией. Вторая представляется автору углублением первой: «она окончательно отрывается от всякой экономической и социальной реальности. Верить в неё позволяет ещё сохранившаяся связь с революционными надеждами: революция мертва во Франции или в Китае, но в Советском Союзе она возобновит своё торжествующее шествие. Призрак русского Термидора, возникший вместе с нэпом, будет окончательно изгнан» (15).

Известно, что многие европейские мыслители того времени попали в плен политических амбиций Сталина. Но в книге «Прошлое одной иллюзии» приводится малоизвестный у нас эпизод посещения СССР в 1932 году Эрнста Никича, бывшего председателя баварского Совета. Оказалось, что для него Октябрь – это марксистское прикрытие для защиты русской природы от покушений западного капитализма, и вообще трудящиеся должны выступать не как освободители всего человечества, а как воплощение нации и символ государственных интересов. И Никич формулирует следующее: «Ленинизм – это то, что остается от марксизма после того, как гениальный человек (имеется в виду Сталин – *Е.К.*) использовал его в целях национальной политики». Сталин – истинный и единственный наследник Ленина, «глу-

боко связанный с сутью русской жизни», он обладает самым драгоценным качеством политика – «фанатизмом Государственных Интересов» (16).

Но опять-таки сталинский «национал-большевизм» – это то, что разъединяет с Лениным. Не случайно, когда Фюре рассуждает о XX съезде и секретном докладе Хрущева, он приходит к непривычному для нашей историографии выводу, что всё зависело не от отношения к наследию Ленина, а от возможности управлять тем, что было получено из рук Сталина. Ни один текст Ленина не мог служить руководством для управления «советской империей», ибо, вопреки видимости, эта империя была создана Сталиным и управлялась им в соответствии с более поздней, чем ленинизм, и чуждой ему логикой построения «социализма в одной стране» (17).

Поиску «русских корней ленинизма» посвящено и исследование французского историка К. Ингерфлома. Известно, что в западной историографической традиции было принято делать акцент на непосредственной преемственности ленинизма и русской антидеспотической мысли. Ингерфлом, наоборот, стремится показать сложность их взаимоотношений. Можно тезисно перечислить сущностные черты этих взаимоотношений. Ленин, как и Чернышевский, опирается на теорию самодержавия, разработанную революционными демократами. Государство в ней – это система, организующая социальное пространство и держащее его в плену «иерархии деспотизма», которая связывает всех подданных индивидуально. Невозможность действовать против этой системы двояким образом вписывается в её структуру. Если каждый является деспотом-и-подданным другого, то, следовательно, трудно установить групповые интересы тогда, когда горизонтальная солидарность и социальные противоречия не проявляются. Само общество не сформировалось, следовательно, не сформировались и его классы, поскольку они остаются группами людей, определяющимися экономически, но не имеющими выраженной политической общности. Самодержавие, препятствуя политическому формированию общественных классов, одновременно делает невозможной классовую борьбу. В смысле перспективы деятельности, направленной против системы, роль социальных категорий ступеневывается перед ролью отдельных людей. Но эта многовековая «деспотическая иерархия» не может не наложить своего отпечатка на самих людей: ««разложение человеческой личности» и «обезличивание» характеризуют страну «без-

ликих» людей, способных лишь замкнуться в вертикальной зависимости. Эти люди своим положением деспота и подданного друг друга обеспечивают всевластие государства и устойчивость системы» (18).

Как считает Ингерфлом, Ленин и революционные демократы придерживались той позиции, что «естественное» течение русской истории не способно разрушить данную систему. Кто же в этом случае может стать точкой опоры в борьбе с системой «деспот-подданный-деспот»? «Внесистемные» элементы – отщепенцы, те, кто индивидуально вырвался из системы. Так отвечают русские демократы, начиная с Герцена. «Новые люди», достаточно многочисленные, способны составить демократический круг и, таким образом, прообраз общества. Расширение этого круга является способом скорректировать стихийность истории и цивилизовать Россию. У Ленина этот новый, социальный круг людей называется партией. Она призвана внести политическое сознание во все слои русского общества и сформировать социальные классы. «Таково свидетельство, – подчёркивает автор, – о рождении ленинизма: противостоять стихийности истории, создание иной истории путём внесения политики... Большевистская партия первоначально построена как инструмент, способный исправить “недостаточность” этой истории» (19).

Но на этом сходство ленинского проекта преобразования России с наследием Чернышевского заканчивается. По Чернышевскому, борьбу с самодержавием должны вести две категории лиц: «новые люди» – аналог западных граждан, социалистов – проникнутые демократической политической культурой; и подчинённые «новым людям» люди «особенные» (т. е. «рахметовы») – профессиональные революционеры, использующие в борьбе против самодержавия все диктуемые обстановкой деспотизма методы, т. е. лица, которые сами обладают деспотическими задатками. У Ленина же «особенный человек», будучи выдвинутым в качестве прототипа нового человека, является и прототипом нового общества. Нового человека от особенного человека отличало именно наличие личной жизни, необходимой для него, но у человека особенного она отсутствует, поскольку он её смешивает с тем, что считает общим делом. Сведение нового человека к особенному человеку, произведенное Лениным с соответствующим вытеснением личной жизни, стало затем одной из главных линий господствующей идеологии, что привело к известным последствиям. «Что делать?» Ленина ретроспективно предстает, по мне-

нию Ингерфлома, в качестве сценария последующей трагедии. К его стремлению, которое подкреплено «наукой», навязать обществу направление развития добавляется отказ от личной жизни (20).

Исходный импульс

Методу, который используют для сравнения Ленина и Сталина в западной историографии М. Левин, Ф. Фюре и отчасти М. Рейман, а в российской историографии – Г. Бордюгов и В. Козлов, В. Булдаков, М. Горинов, С. Цакунов и др., следует и Ю. Буртин в своей развёрнутой статье «Три Ленина. К 75-летию со дня смерти». Ленин и Сталин выступают в этом сравнении не как личности, а как воплощение определённых исторических тенденций. В начале своего анализа Буртин повторяет уже не раз приводимые нами аргументы «за» и «против». Да, безусловно, Сталин является продолжателем Ленина: достроил систему, фундамент которой был заложен при Ленине. Но ведь он уничтожил ленинский нэп и на месте «диктатуры пролетариата» выстроил государство ненавистной Ленину бюрократии. Да, Сталин является преемником в эстафете насилия – «красного террора», арестов политических противников, бессудных расстрелов. Но разве одно и то же – жестокость в условиях Гражданской войны и жестокостью в мирное время? И автор апеллирует к А.Д. Сахарову и его согласию со словами Н. Бердяева, что «исходный импульс Ульянова – и большинства других деятелей революции – был человеческий, нравственный. Логика борьбы, трагические повороты истории сделали их действия и их самих такими, какими они стали». Естественно, что к Сталину это можно отнести лишь отчасти и с большой натяжкой, считает Буртин, отсылая своих читателей к событиям 1937–1938 годов (21).

Вместе с тем автор предлагает в осмыслении проблемы исходить не из стереотипной презумпции «единого» Ленина, а ввести в «условие задачи» тезис о «трёх Лениных», то есть Ленина Октября и Гражданской войны, Ленина – автора нэпа и Ленина периода «Завещания». Если видеть в Ленине основателя двух различных общественных устройств и предтечу третьего, то проблема Ленина и Сталина приобретает совершенно иной вид. С каким, с которым Лениным соотносятся определения Сталина как «ве-

ликого продолжателя», или преемника в насилии?, – спрашивает Буртин. И отвечает: исключительно с Лениным Октября и Гражданской войны. «Сталин довёл до логического завершения и полного осуществления антикапиталистическую (т. е. антирыночную и антидемократическую) направленность октябрьского переворота. Построенная им тоталитарная система явилась продолжением и упорядочением как диктаторского режима, установленного большевиками с первых дней своей власти, так и экономики военного коммунизма. Сталинский “большой террор” возродил идеологию и во много раз расширил практику массового насилия, изначально свойственного большевистскому режиму. Поскольку ведущую роль в построении такого режима и руководстве им сыграл Ленин, Сталин – его порождение, гипертрофированный двойник» (22).

Что же касается Ленина нэпа и «Завещания», то здесь он и Сталин, по Буртину, «в теоретическом плане антиподы, а в политическом – просто враги». Представляя социализм, они являются носителями двух не просто разных, но диаметрально противоположных тенденций: «доконвергентной и конвергентной, тоталитарной и плюралистической, обесчеловечивающей и стремящейся иметь “человеческое лицо”. Слова “продолжатель”, “преемник” тут совершенно неприменимы. Сталин умер почти через тридцать лет после Ленина, но исторически он целиком принадлежит той эпохе в развитии человечества, которую преодолевал – по крайней мере, в себе самом – поздний Ленин» (23).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Голубев А.В. Феномен сталинизма в контексте мирового исторического процесса. Международный семинар в Новосибирске // Отечественная история. 1993. № 5. С. 215–217.

2. Там же. С. 217.

3. Левин М. Бюрократия и сталинизм // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 18.

4. Там же. С. 18, 25.

5. Биггарт Дж. Бухарин, «культурная революция» и истоки сталинизма // Отечественная история. 1994. № 3. С. 90.

6. Булдаков В.П. Красная смута. С. 278–279.

7. Войтиков С.С. Узда для Ироцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. – М.: АИРО-XXI, 2016. С. 369.

8. *Перфилов В.А., Костягина В.М.* Жизнь Владимира Ильича Ленина. Вопросы и ответы. С. 178. Цит.: Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 100, 23.

9. *Фюре Франсуа.* Прошлое одной иллюзии. – М., 1998. С. 160.

10. Там же. С. 161.

11. Там же. С. 167.

12. *Троцкий Л.Д.* Рабочее государство, термидор и бонапартизм // Бюллетень оппозиции, № 43, 1935, 1 февраля; Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 34. С. 83.

13. *Адоратский В.В.* За восемнадцать лет // *Адоратский В.В.* К вопросу о научной биографии Ленина. – М.: Партиздат, 1933. С. 67.

14. *Майсурия А.А.* Другой Ленин. С. 283. Цит.: *Рутгерс С.* Встречи с Лениным // Историк-марксист, № 2–3(042–043), 1935, С. 89. Здесь же Рутгерс писал: «14 октября 1919 г., в день моего отъезда, в 3 часа ночи меня позвали к Ленину для последних переговоров. Это был момент, когда Деникин угрожал Орлу, и Ленин во время нашей беседы был соединен по прямому проводу с фронтом; его то и дело вызывали к телефону. Положение в эту ночь было очень серьезное и тревожное, и Ленин заявил мне, что если Тула будет взята, то и Москвы не удержать... При этом он, несмотря на серьезность положения, был в самом бодром расположении духа и даже несколько раз шутил. С предельной ясностью я помню, как Ленин в этот решающий момент, когда смертельный враг революции стоял почти перед воротами Москвы, заявил, что ведь русская революция уже выполнила свою важнейшую задачу, именно: она уже разоблачила буржуазную демократию и создала в советском строе новые формы пролетарской диктатуры.

– Этого уже, – сказал Ленин, – нельзя уничтожить!

Серьезность момента не помешала Ленину точно справиться о том, достаточно ли было сделано во время подготовки к моей поездке для того, чтобы она была сопряжена с возможно меньшими опасностями для меня. Только после того, как я ему сказал, что удалось найти очень благоприятный случай для переезда через латвийскую границу, он успокоился на этот счет. Потом он еще говорил о своих голландских друзьях, от которых он ожидал энергичной и успешной пропаганды наших идей. Он напомнил о том, как в прежние время русские революционеры из-за границы наводняли Россию статьями и брошюрами для пропаганды среди масс, хотя количество работников было относительно очень невелико... Напоследок я еще попросил товарища Ленина написать несколько приветственных слов голландским товарищам. Это приветствие я доставил в Голландию. В этом письме Ленин писал (по-немецки) о тяжелом положении Страны советов из-за наступления 14 государств, и о величайших усилиях, делаемых партией. Ленин писал дальше, что коммунистическое движение “великолепно растет” во всех странах, что советский строй – огромный шаг вперед в мировой истории – сделался всюду практическим лозунгом для рабочих масс. Ленин заканчивал письмо словами о том, что торжество международной пролетарской революции неизбежно, несмотря ни на что» (Там же. С. 89–90).

Трудно сказать, действительно ли в тот момент Ленин допускал возможность поражения. Не исключено, что он намеренно сгустил краски перед

голландским коммунистом, чтобы побудить всех тех, кто в Европе сочувствовал Советской России, активизировать действия в ее поддержку.

15. *Фюре Франсуа*. Прошлое одной иллюзии. С. 172.

16. Цит. по: там же. С. 229.

17. Там же. С. 513.

18. *Ингерфлом К.С.* Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. – М., 1993. С. 231–232.

19. Там же. С. 233–234.

20 Там же. С. 240.

21. *Буртин Юрий*. Три Ленина. К 75-летию со дня смерти // Независимая газета. 1999, 21 января.

22. Там же.

23. Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ревизия Ленина и его наследия началась ровно 30 лет назад, после доклада М.С. Горбачева, посвященного 70-летию Октября. И это неслучайно, поскольку, как можно убедиться в год столетия Революции, все споры о Ленине и его окружении так или иначе упираются в исходную точку 1917 года. Именно из событий этого года нынешняя власть призывает извлечь урок, необходимый «прежде всего для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия». Таким образом задана главная официальная идеологема предстоящего юбилея – национальное примирение потомков всех тех, кто 100 лет назад оказался вовлеченным в гражданский конфликт под разными лозунгами и с взаимоисключающими ценностными установками. К сожалению, как показывают новейшие исследования и дискуссии, дело «примирения, сближения, а не разрыва, не нагнетания страстей» крайне сложно и противоречиво распространяется на вождей революции, лидеров «белого» и «красного» движений. Многие зависят от того, какой из *трех как бы альтернативных точек зрения* – условно «промонархической», «либеральной» и «красной» – *привержены авторы.*

В том контексте представляется весьма актуальной выдвинутая публицистом Юрием Буртиным перспектива возвращения к сложной, во многом не понятой политической фигуре Ленина: «Если Сталин (вслед за октябрьским Лениным) – наше неизжитое прошлое, гирей висящее на ногах, то поздний Ленин – будущее, до которого мы и нынче ещё не в состоянии дотянуться» (1).

Как и в оценке Великой французской революции, так и в оценке фигуры Ленина и Великой русской революции 1917 года крайне сложно достигается общественный консенсус. Так было и в Великобритании, Франции, США, Мексике, Португалии и многих других стран. Поэтому неудивительно, что точки зрения на жизнь и деятельность Ленина до сих пор остаются столь же полярными, какими они были и при его жизни – от обожествления до демонизации. Это крайне затрудняет собственно научные исследования ленинской биографии.

К сожалению, научный анализ дискредитирован поспешностью и превращением Ленина в объект современной политической борьбы. Поэтому на экстремистский подход (работы Д. Волкогонова, В. Солоухина, А. Латышева, В. Лаврова, Л. Млечина и др.) сразу же нашёлся ортодоксальный и нетерпимый ответ (книги Ж. Трофимова, Ф. Волкова, В. Гончарова, В. Филиппова, А. Майсурия и др.). И пока продолжается это противостояние спокойные научные разработки проблемы остаются достоянием лишь ограниченного круга читателей. Но при этом надо отдавать себе отчет в том, что и ученые, обращающиеся к ленинской теме, имеют собственные, часто противоположные друг другу, политические взгляды, поэтому одни и те же факты, связанные с Лениным, часто оцениваются и трактуются разными исследователями противоположным образом. С этим ничего поделать нельзя, с этим приходится работать и жить.

Но главное, что исследования фигуры Ленина не прекратились. Продолжается накопление идей и фактов, которые рано или поздно будут востребованы современниками, в том числе теми, кто уже устал от конфронтации и драки. И тогда, возможно, Ленина попытаются оценить не с позиций настоящего, запросов актуальной современности, а исходя из смысла того времени и того конкретного состояния эпохи, в которой он жил и действовал. В этом отношении весьма актуальны методологические замечания о том, что если история не постигается из неё самой, если смысл прошлого заимствуется в настоящем, то многообразие прошлой реальности сужается до рамок, заданных сегодняшним днем, а самооценность исторических процессов растворяется в политической заданности исторических описаний (2). Задача ученых – постараться очистить ленинскую тему от политической конъюнктуры и исследовать ее максимально объективно. В то же время, полная объективность здесь все равно не достижима, поскольку дело здесь касается не только установления фактов (это процесс объективный), но и, главным образом, их интерпретации. А здесь невозможно полностью избавиться от политических симпатий и антипатий конкретных исследователей.

Безусловно, рано или поздно уйдут в прошлое столь характерные для перестроечного и постперестроечного времени оценки и выводы, сравнения и сопоставления на уровне текстов, что заходило анализ в тупик. Ведь оказалось, что у Ленина можно обнаружить множество высказываний, как оправдывающих те или иные насильственные действия, так и объявляющих их недопус-

тимыми. Все они были привязаны к конкретным ситуациям, к конкретным моментам, но это не бралось в расчет. Сравнение ленинизма и сталинизма также по большей мере велось способом вытаскивания из текстов определённых фрагментов, совпадающих с идеологическими постулатами сталинской эпохи. Сторонники этого способа не утруждали себя мыслью о том, что если такие совпадения объявлять идейным родством двух учений, двух политических практик, то как в этом случае быть с тем, что и у Ленина и даже Сталина до 1925 года можно найти массу высказываний, которые абсолютно противоречили той политической практике, которая в историографии и различных теоретических построениях была определена как сталинизм.

Рано или поздно будет воспринято предложение Е.Г. Плимака о необходимости воспринимать личность Ленина в аспекте эволюции великого революционера. Проходя суровую школу российских революций, он «переставал быть безоглядным революционером». В начале своей деятельности Ленин был действительно пламенным революционером, желающим не столько учиться у истории, сколько учить историю. Однако после Октября 1917 года, в дни Бреста, Ленин осознает, что дорога к социализму «никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной», признает, что «кирпичи ещё не созданы, из которых социализм сложится». В конце Гражданской войны, накануне перехода к собственным путям «постепеновского прогресса», он признает в «Детской болезни “левизны” в коммунизме» и то, что российские революционеры в чём-то весьма существенном нарушили наставления Чернышевского. И здесь Плимак цитирует забытые ленинские слова: «Политическая деятельность – не тротуар Невского проспекта» (чистый, широкий, ровный тротуар совершенно прямой главной улицы Петербурга)... Русские революционеры, со времён Чернышевского, неисчислимыми жертвами заплатили за игнорирование или забвение этой истины» (3).

По каким направлениям будет дальше продолжаться изучение жизни и деятельности Ленина? Как нам представляется, до сих пор не было удовлетворительных работ, посвященных психологии вождя Октябрьской революции. Также необходимо продолжать изучение взаимоотношений Ленина, Троцкого, Сталина и других вождей революции в период Гражданской войны, где могут быть сделаны неожиданные открытия. И до сих пор мало исследован вопрос о том, как именно представлял себе будущую социалистическую Россию Ленин после окончания Гражданской

войны. Нет также научно обоснованных прогнозов, как могла бы развиваться страна, если бы Ленин прожил значительно дольше, чем ему было отпущено историей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Буртин Юрий. Три Ленина. К 75-летию со дня смерти. С. 8.
2. Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. С. 46.
3. См.: Плимак Евгений. Современные споры о Ленине. С. 95.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Библиографические указатели

- Каталог русских книг зарубежных изданий. – Париж, 1990.
- Лениниана: Библиографический обзор русской литературы в 5-ти тт. – М.; Л., 1926–1930.
- Лениниана: Библиографический указатель произведений В.И. Ленина и литературы о нём. Т. 1–19. – М., 1971–1988.
- Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов (по отечественной периодике 1985–1995 гг.). Сост. И.А. Кондакова. – М., 1997.
- Сокровищница великих идей ленинизма: О полном собрании сочинений В.И. Ленина. 2-е изд. – М., 1968.
- Фонд документов В.И. Ленина. 2-е изд. – М., 1984.

Документальные публикации

- Архив Кремля: Политбюро и церковь, 1922–1925 гг. – Новосибирск; – М., 1997.
- Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927 (В 4-х т.). – М., 1990.
- Без ретуши. Страницы советской истории в фотографиях, документах, воспоминаниях. В 2-х тт. – Л., 1991.
- Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Московского Охранного Отделения. – 3-е изд. – М., 1990.
- Большевистское руководство. Переписка, 1912–1927. – М., 1996.
- Бухарин Н.И.* К новому поколению: Доклады, выступления и статьи, посвященные молодежи. – М., 1990.
- Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. – М., 1989.
- Бухарин Н.И.* Путь к социализму: Избранные произведения. – Новосибирск, 1990.
- Бухарин Н.И.* Речи и статьи о молодежи. – Саратов, 1990.
- Бухарин Н.И.* Тюремные рукописи Н.И. Бухарина. В 2-х кн. Под ред. Г.А. Бордюгова. – М., 1996.

- В.И. Ленин и воронежцы. – Воронеж, 1990.
- В.И. Ленин и ВЧК. Сб. док. (1917–1922 гг.). – М., 1987.
- В.И. Ленин и Липецкий край. Сб. – Тула, 1991.
- В.И. Ленин и Омское Прииртышье. – Омск, 1987.
- В.И. Ленин и Орловский край. – Тула, 1990.
- В.И. Ленин и Самара. – Куйбышев, 1990.
- В.И. Ленин и Тамбовский край, 1889–1924. – Воронеж, 1991.
- В.И. Ленин и Татария. – Казань, 1990.
- В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1981–1922 гг. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2000.
- Ленин и Балтфлот. – Калининград, 1990.
- Ленин и наш край. – Волгоград, 1989.
- Ленин в Москве и Подмосковье. – М., 1988.
- Ленину о Ленине. Письма 1918–1921 гг. (Публикация Г.А. Бордюгова). В кн.: Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992. С. 12–27.
- ВЧК–ГПУ: Документы и материалы. Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. – М., 1995.
- Выстрел в сердце революции: О покушении эсеров на В.И. Ленина 30 августа 1918 года. Сб. материалов и документов. – 2 изд., доп. – М., 1989.
- Гусляров Е.Н. Ленин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. – М.: ОЛМА-Пресс, 2003.
- Донская Лениниана. – Ростов н/Д, 1990.
- Звезда и свастика: Большевизм и русский фашизм. Ред.-сост. и автор послесловия С.В. Кулешов. – М., 1994.
- Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, партийного и советско-государственного работника. – М., 1996.
- Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1960: Справочник. – М., 1997.
- Луначарский А.В. и др. Силуэты: политические портреты. Сб. – М., 1991.
- Недорисованный портрет: 50-летие В.И. Ленина в речах, статьях, приветствиях. – М., 1990.
- Неизвестный Богданов. В 3-х книгах. Сб. документов. Под ред. Г.А. Бордюгова. – М., 1994–1995.
- Pipes Richard (Ed.). The Unknown Lenin: From the Secret Archive. – New Haven, 1996.
- Первое советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918. Сб. Под ред. А.П. Ненарокова. – М., 1991.
- Политбюро (Президиум) ЦК партии в 1917–1989 гг.: персоналии. Справочное пособие. Сост. И.Ф. Астраханцева и др. – М., 1990.
- Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. – М., 1993.
- Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. Академик Д.Б. Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. (Сер.: Времена и нравы: мемуары, письма, дневники). – М., 1996.

- Рыков А.И.* Избранные произведения. – М., 1990.
- Смерть Ленина: народная молва в спецдонесениях ОГПУ (Публикация Л.П. Кошелевой и Н.В. Тепцова). – Неизвестная Россия. – М., 1993. С. 9–26.
- Сталин И.В.* Об основах ленинизма: Лекции, читанные в Свердловском ун-те. – М., 1991.
- Троцкий Л.Д.* Моя жизнь: Опыт автобиографии. В 2-х т. – М., 1990.
- Троцкий Л.Д.* Уроки Октября. – Л., 1991.
- Троцкий Л.Д.* Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? – М.: НИИ культуры Министерства культуры РСФСР, 1991.
- Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификаций. – М., 1990.
- Троцкий Л.Д.* Сталин. В 2-х т. Под ред. Ю.П. Фельштинского. – М., 1990.
- Троцкий Л.Д.* Политические силуэты. – М., 1990.
- Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. Сб. – М., 1991.
- Троцкий Л.Д.* Преступления Сталина. Под ред. Ю.П. Фельштинского. – М., 1994.

Мемуары, воспоминания

- Адоратский В.В.* За восемнадцать лет // *Адоратский В.В.* К вопросу о научной биографии Ленина. – М.: Партиздат, 1933.
- Антонов-Овсёенко А.В.* Портрет тирана. – М., 1994.
- Антонов-Овсёенко А.В.* Сталин без маски. – М., 1990.
- Антонов-Овсёенко А.В.* Театр Иосифа Сталина. – М., 1995.
- Аралов А.И.* Ленин вёл нас к победе: Воспоминания. – М., 1989.
- Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. – СПб., 1992.
- Богданов А.П., Богданов Г.П.* Долг памяти. Повесть о первом председателе ВСНХ РСФСР П.А. Богданове. М., 1990.
- Валентинов Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП: Воспоминания. – М., 1991.
- Валентинов Н.* Недорисованный портрет...: О В.И. Ленине. Сб. – М., 1993.
- Валентинов Н.В.* Наследники Ленина: Сб. – М., 1991.
- Водовозов В.* Мое знакомство с Лениным // На чужой стороне. Прага, 1925. № 12.
- Войтинский В.С.* Годы побед и поражений. Т. 2. – Берлин: Изд-во З. Гржебина, 1924.
- Воспоминания писателей о В.И. Ленине: К 120-летию со дня рождения. – М., 1990.
- Воспоминания старых большевиков о встречах с Лениным. – М., 1989.
- Дейч Г.М.* Ленинские эскизы к портретам друзей и противников. – Л., 1990.

- Драбкина Е.Я.* Зимний перевал. – 2-е изд., доп. – М., 1990.
- И вечно в памяти людской. Ленин и Белоруссия. Сб. воспоминаний. – Минск, 1990.
- Ларина А.М.* Незабываемое. – М., 1989.
- Ленин и армия. Из воспоминаний современников. – М., 1990.
- Ленин. Человек – мыслитель – революционер. Воспоминания и суждения современников. – М., 1990.
- Ленин – товарищ, человек. – 6-е изд. – М., 1987.
- Мгновения – на всю жизнь: Воспоминания о встречах с В.И. Лениным. – Пермь, 1991.
- Мухитдинов Н.А.* Река времени: от Сталина до Горбачева: Воспоминания (б. парт. раб. КП Узбекистана и ЦК КПСС). – М., 1995.
- Наследница. Страницы жизни Н.К. Крупской. – Л., 1990.
- О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. – М., 1987.
- Они слушали Ленина: Грани ленинского пропагандистского мастерства. По воспоминаниям современников. – М., 1988.
- Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. – М., 1990.
- Потресов А.Н.* Ленин // Посмертный сборник произведений А.Н. Потресова. – Париж, 1937. С. 293–304; 2-е изд. – М.: Мосархив, 2002. С. 275–286.
- Рутгерс С.* Встречи с Лениным // Историк-марксист. 1935. № 2–3(042–043).
- Садуль Ж.* Записки о большевистской революции (октябрь 1917 – январь 1919). М., 1990.
- Сталин: В воспоминаниях современников и документах эпохи. Сост. М.П. Лобанов. – М., 1995.
- Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. – СПб., 2000.
- Шестернин С.П.* Реализация наследства после Н.П. Шмита и мои встречи с Лениным // Старый большевик». Сб. 5 (8). М. 1933. С. 146–159.
- Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х т. Сост., прим. А.С. Смольников, А.А. Чернобаев. – М., 1992–1994.

Историографические исследования

- Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. – М., 1992.
- Демиденко Г.Г.* Советская историография жизни и деятельности соратников В.И. Ленина. – Харьков, 1985.
- Davies R.W.* Soviet History in the Gorbachev Revolution. – Birmingham, 1989.
- Davies R.W.* Soviet History in the Yeltsin Era. – London, 1997.

- Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. Под ред. Г.А. Бордюгова. – М., 1996.
- Национальные истории в постсоветских государствах. Под ред. К. Аймермахера и Г. Бордюгова. – М., 1999.
- Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. – М., 2013.
- New Directions in Soviet History. Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies. Ed. by Stephen White. – Cambridge, 1992.
- Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. – М., 1996.
- Поташов А.Ф. В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий. Уроки идейной борьбы внутри правящей партии. (Историография вопроса). – Ростов н/Д, 1992.
- Россия XIX – XX вв. Взгляд зарубежных историков. – М., 1996.
- Советская историография. Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1996.
- Facing Up to the Past. Soviet Historiography under Perestroika. – Sapporo, 1989.

Монографии и историческая публицистика

- Абдунабиев А.Г. Как молодой Ленин изучал марксизм. – Ташкент, 1990.
- Абдунабиев А.Г. Работа В.И. Ленина над книгой. – Ташкент, 1988.
- Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т. Между правдой и истиной. (Об истории спекуляций вокруг родословия В.И. Ленина). – М., 1998.
- Абуталипов Ч.А. Ленинское искусство политической полемики. – Ташкент, 1988.
- Авторханов А. Технология власти. – М., 1991.
- Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. – М., 1998.
- Аксельрод А., Филлипс Ч. Диктаторы и тираны. В 2-х т. – Смоленск, 1997.
- Anderson Kevin. Lenin, Hegel, and Western Marxism: A Critical Study. – Urbana, 1995.
- Арутюнов А.А. Ленин. Личностная и политическая биография. В 2-х томах. М., 2002.
- Бармин А. Соколы Троцкого. – М., 1997.
- Белади Л., Краус Т. Сталин. Пер. с венг. – М., 1990.
- Белокопытов В.И. «Вашим, товарищ, именем...». – Казань, 1987.
- Бернов Ю.В., Манусевич А.Я. В краковской эмиграции: Жизнь и деятельность В.И. Ленина в 1912–1914 гг. – М., 1988.
- Бобринев В.А., Рязанцев В.Б. Палачи и жертвы. – М., 1993.

- Бобров А.В.* «Мы говорим правду...». В.И. Ленин и печать зарубежных интернационалистов. – Л., 1990.
- Боженкова М.И.* Возвращение к правде. О деятелях русского революционного движения. – Л., 1991.
- Борев Ю.Б.* Сталиниада: мемуары по чужим воспоминаниям с историческими притчами и размышлениями автора. – М., 1991.
- Борисов Ю.С.* Завещание Владимира Ильича Ленина: трагедия непонимания. – М., 1990.
- Бойффа Д.* История Советского Союза: В 2-х т. Пер. с итал. – 2-е изд. – М., 1994.
- Брайнин И.Б.* К вождю за советом: собеседники Ленина. – 2-е изд., доп. – М., 1989.
- Будаев Д.И.* В.И. Ленин и Смоленский край. – М., 1987.
- Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. 2-е изд.: *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.
- Бутаков Я.А.* Брестский мир: ловушка Ленина для кайзеровской Германии. – М.: Вече, 2012.
- Буянов М.И.* Ленин, Сталин и психиатрия. – М., 1993.
- Буянов М.И.* Психиатры и политика. – М., 1996.
- Был ли у России выбор? Н.И. Бухарин и В.М. Чернов в социально-философской дискуссии 20-х гг. – М., 1996.
- Васецкий Н.А.* Г.Е. Зиновьев: страницы политической биографии. – М., 1989.
- Васецкий Н.А.* О Троцком и троцкизме. – М., 1989.
- Васецкий Н.А.* Ликвидация: Сталин, Троцкий, Зиновьев. Фрагменты политических судеб. – М., 1989.
- Васецкий Н.А.* «Я шел к Ленину с боями...». Ленин и Троцкий. К характеристике взаимоотношений, 1920–1924 гг.. – М., 1991.
- Васецкий Н.А.* Троцкий: опыт политической биографии. – М., 1992.
- Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н.* Красные конкистадоры. – М., 1994.
- Великанова А.Я.* Ленин в Смольном. – Л., 1990.
- Velikanova Olga.* Making of an Idol: on Uses of Lenin. – Goettingen, 1996.
- Возвращённые имена. Сб. публицист. статей. В 2-х кн. – М., 1989. Возвращённые имена. Документальные очерки о видных деятелях периода Октябрьской революции, Гражданской войны и первых лет социалистического строительства. – Казань, 1990.
- Воейков М.И.* Теретическое наследие Л. Троцкого и Современность. – М., 1994.
- Волков Ф.Д.* Великий Ленин и пигмеи истории. – М., 1996.
- Волков Ф.Д.* Взлёт и падение Сталина. – М., 1992.
- Волкогонов Д.А.* Ленин: исторический портрет. В 2-х кн. – М., 1994.

- Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х кн. – М., 1989.
- Волкогонов Д.А. Троцкий. Политический портрет. В 2-х тт. – М., 1992.
- Волкогонов Д.А. Семь вождей. Галерея лидеров СССР. В 2-х кн. – М., 1997.
- Воронов Ю.М. Становление идеократии: истоки, ментальность, аппарат (1917–1929). – Иваново, 1993.
- Гаряев С.М. Из истории Мавзолея Ленина. – М., 1990.
- Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. – М., 1995.
- Гончаров В.И., Филиппов В.Н. Россия, Ленин и современный мир. – Барнаул, 1996.
- Горбунов В.В. Нравственные уроки В.И. Ленина. – М., 1990.
- Горелов И.Е. Николай Бухарин. – М., 1988.
- Горелов О.И. М.П. Томский: Страницы политической биографии. – М., 1989.
- Горин М.М., Данилов А.А., Дмитренко В.П. История России. Ч. III. XX век: выбор моделей общественного развития. – М., 1994.
- Грин Ц.И. «Читаю в Публичной библиотеке...». – Л., 1988.
- Гуль Р. Дзержинский. Начало террора. – М., 1991.
- Гуль Р. Дзержинский. Политический портрет. – М., 1992.
- Данилов Е.Е. Ленин. Тайны жизни и смерти. – М., 2007.
- Daniels Robert V. The Stalin Revolution: Foundations of the Totalitarian Era. – Lexington; Mass; Toronto. 1990.
- Деятлов С.В. Вожди. Биографии 16 крупных деятелей правительства Советской России в 1917–1924 гг. – М., 1996.
- Дейч Г.М. Еврейские предки Ленина: Неизвестные документы о Бланках. – Нью-Йорк, 1991.
- Дойчер И. Троцкий в изгнании. – М., 1991.
- Джилас М. Лицо тоталитаризма. Сб. Пер с серб.-хорв. – М., 1992.
- Емельянов Ю.В. Заметки о Бухарине: Революция, история, личность. – М., 1989.
- Енко К. и Т. (Ткаченко В.Г., Ткаченко К.В.). Частная жизнь вождей. Ленин. Сталин. Троцкий. М.: Центрполиграф, 2000.
- Жалмагамбетов Т., Жалмагамбетова С. Л.Д. Троцкий в алма-атинской ссылке. Док. повесть. – Алма-Ата, 1992.
- Жухрай В.М. Сталин: правда и ложь. – М., 1996.
- Замковой В.И. Сталинизм: Сталин. Модель тоталитаризма. – М., 1995.
- Замышляев В.И. Ленин: история и современность. – Красноярск, 1999.
- Зенькович Н.А. Тайны кремлевских смертей. – М., 1993.
- Зенькович Н.А. Покушения в Кремле: от Ленина до Ельцина: Тайны. Версии. Подоплека. – М., 1995.
- Зенькович Н. Вожди и сподвижники. Слежка. Оговоры. Травля. – М., 1997.

- Зубко М.В. Шведская вертикаль: История возвращения В.И. Ленина из Швейцарии в Россию весной 1917 года. – М., 1989.
- Иванов А.М. Логика кошмара. – М., 1993.
- Идашкин Ю.В. Тайна шалаша в Разливе: Правда об уголовном деле Ленина. – Екатеринбург, 1992.
- Измозик В.С. Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. – СПб., 1995.
- Ингерфлом К.С. Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. Пер. с фр. – М., 1993.
- Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. – М., 1995.
- Каратуев А.Г. Советская бюрократия. Система политико-экономического господства и ее кризис (1919–1991). – Белгород, 1993.
- Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина, 1917–1929. Пер. с англ. – М., 1990.
- Кларк Рональд. Ленин. Человек без маски. Вып. 1–2. – М., 1989.
- Клещевский В.А. Тайна Ленина. – Томск, 1995.
- Колесов Д.В. Ленин: учение и деятельность. – М.: Флинт, 2000.
- Колодный Л.Е. Ленин без грима; Гений и злодейство. Сталин. – М.: Голос-Пресс, 2004.
- Кондратьева Т. Большевики – якобинцы и призрак термидора. Пер с фр. – М., 1993.
- Конквест Р. Большой террор. В 2-х т. Пер. с англ. – Рига, 1991.
- Корниенко С.И. Полемика вокруг ленинского наследия (1898 – октябрь 1917): Историография ленинского анализа истории идейно-политической борьбы в РСДРП. – Пермь, 1991.
- Коэн Стивен. Бухарин. Политическая биография. 1988–1938. Пер. с англ. – М., 1988.
- Крапивин М.Ю. Большевики и сионисты: история взаимоотношений в послеоктябрьский период (октябрь 1917 г. – нач. 30-х гг.). – Волгоград, 1995.
- Кротков А.П. Личная жизнь необычного человека. – М., 2010.
- Кувакин В.А. Мировоззрение В.И. Ленина: Формирование и основные черты. – М., 1990.
- Куницын Е.Л. О себе оставив память. По ленинским местам за рубежом. – Л., 1988.
- Куманев В.А., Куликова И.С. Противостояние: Крупская – Сталин. – М., 1994.
- Кун М. Бухарин: его друзья и враги. – М., 1992.
- Лаппо Д.Д. Их вдохновлял Ленин: о деятелях революции и Гражданской войны. – М., 1990.
- Краус Т. Ленин. Социально-теоретическая реконструкция / пер. с венгерского С. Филиппова. – М.: Наука, 2011.

- Краус Тамаш.* Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота. 1917–1928. – Будапешт, 1996.
- Лавров В.М.* В.И. Ленин. Имя России. Исторический выбор. – М., 2008.
- Латышев А.Г.* Ленин: первоисточники. – М., 1996.
- Латышев А.Г.* Рассекреченный Ленин. – М., 1996.
- Ли Ван Чон.* От Ленина к сталинизму, 1917–1939. – М., 1997.
- Логинов В.Т.* Владимир Ленин. Биография. Выбор пути. – М.: Республика, 2005.
- Логинов В.Т.* Владимир Ленин: как стать вождем. М.: ЭКСМО, 2011.
- Логинов В.Т.* Неизвестный Ленин – М.: Эксмо, Алгоритм, 2010. 2-е изд.: Владимир Ленин. На грани возможного. – М.: Алгоритм, 2013; 3-е изд.: Ленин в 1917 году. На грани возможного. – М.: ЭКСМО, 2016.
- Лопухин Ю.М.* Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина. Правда и мифы. – М., 1997.
- Лукач Д.* Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. Пер. с нем. – М., 1990.
- Майсурян А.А.* Другой Ленин. – М.: Вагриус, 2006.
- Медведев Р.А.* О Сталине и сталинизме. – М., 1990.
- Медведев Р.А.* Они окружали Сталина. – М., 1990.
- Медведев Р.А.* Политические портреты. Исторические очерки и статьи. – Ставрополь, 1990.
- Мельниченко В.Е.* Драма Ленина на исходе века: политические миниатюры. – М., 1992.
- Мельниченко В.Е.* Опальный музей. Исповедь директора. – М., 1992.
- Мельниченко В.Е.* Феномен и фантом Ленина. – М., 1993.
- Мешалкин П.Н.* Сибирская ссылка В.И. Ленина. – 2-е изд., доп. и перераб. – Красноярск, 1987.
- Мешалкин П.Н.* Единомышленники: О деятельности соратников В.И. Ленина в сибирской ссылке. – Красноярск, 1991.
- Млечин Л.М.* Ленин. Соблазнение России. – СПб.: Питер, 2012.
- Могильников В.А.* Предки В.И. Ульянова-Ленина. – Пермь, 1995.
- Недава Й.* Вечный комиссар: Л.Д. Троцкий и еврейский вопрос. – М., 1991.
- Ненароков А.П.* К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917–1924 гг. – М., 1992.
- Никонов В.А.* Крушение России. 1917. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
- Никулин Н.М.* Троцкий Л.Д.: отступление в историю. – М., 1993.
- Нилов Григорий (Кравцов Александр).* Грамматика ленинизма. – London, 1990.
- О'Коннор Т.Э.* Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. – М., 1992.
- О'Коннор Т.Э.* Инженер революции: Л.Б. Красин и большевики. 1870–1926. – М., 1993.

- Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х годов: устройство и функционирование. – Новосибирск, 1995.
- Олех Г.Л. Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию 1919–1924 гг. – Новосибирск, 1997.
- Пайнс Р. Русская революция. Пер. с англ. В 3-х т. – М., 1994.
- Панкратов В.А. Яков Свердлов. – М., 1989.
- Перфилов В.А., Костягина В.М. Жизнь Владимира Ильича Ленина. Вопросы и ответы. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012.
- Petrovsky-Shtern Y. Lenin's Jewish Question – New Haven and London: Yale University Press, 2010. Русский перевод: Петровский-Штерн Й. Еврейский вопрос Ленину. Пер. с англ. Т. Менской. – Иерусалим: Мосты культуры, 2012.
- Писарев В.М. Маркс – Ленин, Сталин, Горбачев и крах СССР: пути преодоления катастрофы. – М., 1992.
- Пияшев Н.Ф. Человек из легенды. К 125-летию Л.Б. Красина. – М., 1995.
- Плимак Е.Г. Политическое завещание В.И. Ленина: истоки, сущность, выполнение. – М., 1988; -2-е изд, перераб. доп., 1989.
- Плимак Е.Г. Политика переходной эпохи: опыт Ленина. – М.: Весь мир, 2004.
- Pomper Philip. Lenin, Trotsky and Stalin. The Intelligentsia and Power. – New-York, 1990.
- Поцелуев В.А. Великий Ленин. «Вечно живой». – М.: ЭКСМО, 2014.
- Rabinowitch Alexander. Richard Pipes's Lenin // The Russian Review 57 (January 1998).
- Read Christofer. Lenin: A Revolutionary Life. – London, 2005.
- Reiman M. Lenin, Stalin, Gorbacev: Kontinuitaet und Brueche in der Sowjetischen Geschichte. – Hamburg, 1987.
- Resnik Abraham. Lenin: Founder of the Soviet Union. London, 2004.
- Розин Э.Л. Ленинская мифология государства. – М., 1996.
- Рубанов С.А. Я – Николай Петрович: Петербургский период деятельности В.И. Ленина под псевдонимом. – М., 1990.
- Салганик Е.Л. Выродок истории. Психологический анализ рождения и распада советской империи. М., 2000.
- Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. – М.: МГУ, 2003. <http://stalinism.ru/elektronnaya-biblioteka/politicheskoe-zaveshchanie-lenina-realnost-istorii-i-mify-politiki.html?showall=&start=17>
- Семенов В.И. В трудных поисках истины: по страницам советской и зарубежной литературы о Л.Д. Троцком и троцкизме. – Харьков, 1991.
- Сенин А.С. А.И. Рыков: Страницы жизни. – М., 1993.
- Service Robert. Lenin: A Political Life. Vol. 1–3. – London, 1985, 1990, 1995.
- Славин Б.Ф. Ленин против Сталина. Последний бой революционера. – М., 2010.

- Классер Роберт.* Сталин в 1917 г.: Человек, оставшийся вне революции. Пер. с англ. – М., 1989.
- Смирнов Г.Л.* Уроки минувшего. – М., 1997.
- Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». – М.–СПб., 2002.
- Соколов Б.В.* Арманд и Крупская: женщины вождя. – Смоленск: Русич, 1999.
- Соколов Я.Д., Русанов Р.В.* В.И. Ленин и Брянский край. – Тула, 1989.
- Солдат революции. Военная и политическая деятельность Ф.Э. Дзержинского. – М., 1987.
- Соловей Л.С.* Вожди? Лидеры? Личности! По ленинским томам. – Кишинев, 1989.
- Солоухин В.А.* При свете дня. – М., 1992.
- Старцев В.И.* Л.Д. Троцкий: Страницы политической биографии. – М., 1989.
- Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. Пер. с англ. – М., 1990.
- Тараник В.П.* В.И. Ленин – вождь Великого Октября. Анализ мемуаров современников. – Киев, 1990.
- Трофимов Жорес.* Ленин – Крупская – Арманд: Любовный треугольник? – Ульяновск, 1992.
- Трукан Г.А.* Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. – М., 1975.
- Трукан Г.А.* Путь к тоталитаризму. 1917–1929. – М., 1994.
- Труш М.И.* Международная деятельность В.И. Ленина. Защита завоеваний социалистической революции, 1919–1920. – М., 1988.
- Труш М.И.* Международная деятельность В.И. Ленина. Мирное сосуществование, 1921–1924. – М., 1991.
- Тулин Б.Е., Шварц В.И.* Вспышка магия и... свет истории: Из истории ленинских фотографий. – М., 1989.
- Узиков Ю.А.* В.И. Ленин в Башкирии. – Уфа, 1989.
- Фельштинский Юрий.* Крушение мировой революции. Очерк первый: Брестский мир. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. – London, Overseas Publications Interchange, 1991.
- Фишер Л.* Жизнь Ленина. В 2-х т. Пер. с англ. – М., 1997.
- Фюре Франсуа.* Прошлое одной иллюзии. – М., 1998.
- Хальвег В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. Пер. с нем. – М., 1990.
- Harding Neil.* Leninism. – Durham, 1996.
- Hart, Michael H.* The 100: A Ranking of the Most Influential Persons in History. – New York: Carol Publishing Group/Citadel Press, 1978; 2nd Ed. 1992. Русский перевод 2-го издания см.: *Харт М.* Сто великих людей. М., Вече, 1998.
- Цакунов С.В.* В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. – М., 1994.
- Чебыкин В.А.* Осторожно: фальсификация ленинского образа. – Астрахань, 1992.

- Чебыкин В.А.* Самокритичный Ленин. – Астрахань, 1995.
- Чернев А.Д.* 229 кремлевских вождей: Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах. Справочник. – М., 1996.
- Шведов И.А.* Так начиналось. Десять повествований о Ленине и ленинцах. – Киев, 1990.
- Штейн М.Г.* Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. – СПб., 1997.
- Штейн М.Г.* Ульяновы и Ленины: семейные тайны. – М.: Olma Media Group, 2004.
- Enker B.* Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1997 (Beiträge zur Geschichte Osteuropas, Bd. 22). Русский перевод: *Энкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. Пер. с нем. А.Г. Гаджикурбанова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
- Яковлев Е.В.* Портрет и время. О Ленине. – 3-е изд. – М., 1987.

Сборники статей и статьи

- Амбарцумов Е.А.* Возрождая ленинские ценности социализма // Проблемы мира и социализма. 1988. № 3.
- Бакман К.* Новое о шведских предках В. И. Ленина // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 160–166.
- Балаян Л.* Посвящается 130-летию со дня рождения И.В. Сталина // http://www.russlav.ru/stat/130_stalin.html
- Басинский П.* Это что за большевик? Интервью с Л. Данилкиным // Российская газета, 2017, 18 января.
- Бестужев-Лада И.В.* Аморальность и антинародность «политической доктрины» сталинизма // История СССР. 1989. № 5.
- Биггарт Дж.* Бухарин, «культурная революция» и истоки сталинизма // Отечественная история. 1994. № 3.
- Биллик В.* Троцкий. На пути к правде о нем // Собеседник. 1989. № 33.
- Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* К вопросу о так называемых деформациях социализма // История СССР. 1989. № 6.
- Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* Историческая развилка весны 1918 года // Вопросы истории КПСС. 1991. № 8–9.
- Бордюгов Г.А., Козлов В.А., Логинов В.Т.* Личность, доктрина, власть // Коммунист. 1990. № 5.
- Бордюгов Г.А., Козлов В.А., Логинов В.Т.* Послушная история, или Новый публицистический рай. Грустные заметки // Коммунист. 1989. № 14.
- Бордюгов Г., Котеленец Е., Подищеколдин А., Симонов Н.* От какого «единства» мы отказываемся // Учительская газета. 1990, 5 июня (№ 23).

- Булдаков В.П., Кабанов В.В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 45.
- Булдаков В.П. Историографические метаморфозы «красного Октября». В кн.: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М., 1996.
- Булдаков В.П. Политические деятели 1917 года: взгляд из толпы. В кн.: Власть и общество в России в первой трети XX века. – М., 1994.
- Буртин Юрий. Три Ленина. К 75-летию со дня смерти // Независимая газета. 1999, 20 и 21 января.
- Бухарин: человек, политик, ученый. Под общей ред. В.В. Журавлева. – М., 1990.
- Был ли Ленин немецким агентом? Документы. – СПб., 1994.
- Бычкова М.Е. История страны – это история семей, её населяющих // Поиск. 1993. № 37.
- В.И. Ленин и Прикамье. Тез. докл. – Пермь, 1990. Владимир Ильич Ленин: Биография, 1870–1924 (А.Г. Егоров, Л.Ф. Ильичев, Ф.В. Константинов и др.). – 8 изд. – М., 1987.
- Великанова О.В. Функции образа лидера в массовом сознании. Гитлеровская Германия и Советская Россия // Общественные науки и современность. 1997. № 6.
- Владимир Ильич Ленин: Личность, политик, теоретик. Сб. – М., 1990.
- Вождь: Ленин, которого мы не знали. Сб. – Саратов, 1992.
- Вождь? Памятник? Человек? Материалы «круглого стола» в АПН // Советская культура. 1990. 21 апреля.
- Вождь. Хозяин. Диктатор. Сб. статей. – М., 1990.
- Волкогонов Д.А. Сталинизм: сущность, генезис, эволюция // Вопросы истории. 1990. № 3.
- Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Литература о биографической хронике В.И. Ленина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 4.
- Гимпельсон Е.Г. Влияние Гражданской войны на формирование советской политической системы. 1918–1920 гг. // История СССР. 1989. № 5.
- Гимпельсон Е.Г. Политическая система и нэп: неадекватность реформ // Отечественная история. 1993. № 2.
- Голубев А.В. Феномен сталинизма в контексте мирового исторического процесса. Международный семинар в Новосибирске // Отечественная история. 1993, № 5.
- Горинев М.М., Цакунов С.В. Ленинская концепция нэпа: становление и развитие // Вопросы истории. 1990. № 4.
- Давыдов Ю.Н. Тоталитаризм и бюрократия. В кн.: Драма обновления / Сост. и общ. ред. М.И. Мелкумяна. – М., 1990.
- Данилкин Л. Владимир Ленин. Ленин в Париже 1908–1912. Глава из книги // Новый мир. 2016. № 8.
- Данилов В.П. Мы начинаем познавать Троцкого // ЭКО. 1990. № 1.
- Дедков Н.И. «Как я документально установил» или «Смею утверждать». О книге Д.А. Волкогонова «Ленин». В сб.: Исторические исследо-

- вания в России. Тенденции последних лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М., 1996.
- Дейч Г.М. Еврейские предки Ленина: Неизвестные документы о Бланках. – Нью-Йорк, 1991.
- Дейч Г.М. Родословная Ленина // Кубань. 1993. № 5/6.
- Дмитренко В.П. «Военный коммунизм», нэп... // История СССР. 1990. № 3.
- Дмитренко С.Л. Ленинское «Письмо к съезду»: правда и вымыслы // Политическое образование. 1988. № 8.
- Добрюха Н. Ссора вождей // Аргументы и факты. 2004. № 3.
- Жирнов Е.М. «Владимиру Ильичу уже успели впрыснуть морфий» // Коммерсантъ-Власть. 2012. № 27, 9 июля. С. 48.
- Жирнов Е.М. «Это они меня за дурака считают» // Коммерсантъ-Власть. 2012. № 28, 16 июля. С. 48.
- Иванова И.И., Штейн М.Г. К родословной Ленина: История одной находки. Архивные материалы // Из глубины времен. Альманах (Санкт-Петербург). 1992. № 1.
- Ильсов Ф.Н. Большевизм: норма или отклонение? // Вестник Российской академии наук. Т. 66. № 1, 1996.
- Иоффе Г.З. История русской революции в «НЖ» // Новый журнал. 1996. Кн. 202.
- Иоффе Г.З. «Филиппов суд». По чьему распоряжению была расстреляна царская семья? // Наука и жизнь. 2010. № 8.
- История Отечества: проблемы личности. – Бийск, 1995.
- Кантор Ю.З. Допрос и расстрел адмирала // Российская газета, 2013, 18 ноября.
- Kennan G. The Sisson Documents // Journal of Modern History. Vol. XXVIII, 1956, № 2.
- Кара-Мурза В. Ленин как ядерный гриб // Радио Свобода. 2016, 22 января.
- Коган А.И. Большевистские вожди: к вопросу об интеллигентности и прагматизме. В кн.: Октябрь 1917 года: вопросы истории. – Н. Новгород, 1993.
- Coquin Francois-X. Comments on the Current 'Ferment' and Revision of History in the Soviet Union: Stakes, Limits, Outlook // Facing Up to the Past. Soviet Historiography under Perestroika. – Sapporo, Japan, 1989.
- Колганов А.И. Миф о «немецком золоте» // Альтернативы. 2006. № 2.
- Кораблев Ю. Почему Троцкий? // Политическое образование. 1989. № 2.
- Корнеев В.В., Козлов Я.В. Очернение Ленина. Как это делают официальные «историки» на страницах «Российской газеты» // Политическое просвещение. 2014. № 5.
- Костиков В. Сапоги из шагреновой кожи // Огонёк. 1989. № 32.
- Козн С. На крутом повороте: Бухарин и Сталин в канун «великого перелома» // Знание–сила. 1988. № 9.

- Козн С. Бухарин, нэп и альтернатива сталинизму // Экономика и организация промышленного производства. 1988. № 9.
- Козн С. Дуумвират: Бухарин и Сталин // Огонёк. 1988. № 45.
- Краус Т., Арсланов В., Васильев М., Соловьев С. Ленин в современной Восточной Европе // Скепсис. 2012, 2 июня.
- Кривякина Е. Следствие установило: Ленин не убивал царскую семью // Комсомольская правда, 2011, 27 октября.
- Курашвили Б.П. Политическая доктрина сталинизма // История СССР. 1989. № 5.
- Лавров В. Ленинский отзыв. Сбросить ли Ленина с корабля истории? // Российская газета. 2012, 18 апреля.
- Латышнев А. Возлюбленная Ленина // ЛГ-Досье. 1992. № 8.
- Латышнев А. Ленин в расстреле не участвовал // Родина, 1993. № 3.
- Лацис О.Р. Перелом // Знамя. 1988. № 6.
- Левин М. Бюрократия и сталинизм // Вопросы истории. 1995. № 1.
- Ленин. Взгляд с Запада. Сб. статей. – М., 1990.
- Ленин, о котором спорят сегодня. – М., 1991.
- Ленинизм и Россия. Сб. статей. – Екатеринбург, 1995.
- Леонов С.В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920) // Вопросы истории. 1990. № 12.
- Логинов Владлен. Несостоявшаяся сенсация // Свободная мысль. 1997. № 12. С. 86–93.
- Малиа М. В поисках истинного Октября // Отечественная история. 1992. № 4.
- Минаев Л.М. Борьба за лидерство и деформация облика ленинизма / Вопросы истории КПСС. 1989. № 12.
- Ненароков А.П. На пути к «социалистическому унитаризму»: Из новых документов 1922 г. по истории образования СССР // Отечественная история. 1992. № 4.
- Ненароков А.П. Семьдесят лет назад: национальный вопрос на XII съезде РКП(б) // Отечественная история. 1993. № 6; 1994. № 1.
- О Ленине – правду. Сб. статей. – Л., 1991.
- О Сталине и сталинизме. Беседа с Д.А. Волкогоновым и Р.А. Медведевым // История СССР. 1989. № 4. С. 89–108.
- Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. Сб. статей. – М., 1995.
- Окунев И. Ленин о «еврейском вопросе» // Алеф, Иерусалим, 2002. Декабрь. № 894.
- Осмыслить культ личности Сталина. Сб. статей. – М., 1989.
- Павлюченков С.А. Военный коммунизм – в плену большевистской доктрины. В кн.: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. Под редакцией Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 1996.

- Панцов А.В. «Демон революции» или пролетарский революционер // Политические исследования. 1991. № 1.
- Панцов А.В., Чечевишников А.Л. Исследователь и источник. О книге Д.А. Волкогонова «Троцкий». – В сб.: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996.
- Панцов А.В. Троцкий и Преображенский // ЭКО. 1990. № 1.
- Перейра Н. Сталин в 20-е годы: попытка нового социального исследования. В кн.: История и историки. – М., 1995.
- Переписка на исторические темы: Диалог ведёт читатель. Сб. – М., 1989.
- Плимак Е. Современные споры о Ленине // Свободная мысль. 1996. № 2.
- Подцеколдун А.М. «Новый курс»: пролог трагедии // Молодой коммунист. 1989. № 8.
- Помпер Ф. Троцкий и Мартов // История СССР. 1991, № 5.
- Попов Г.Х. Комментарий к статье Л.Б. Красина «Контроль и производство» // Огонёк. 1989. № 24.
- Попов Г.Х. Родословная Ленина // Известия. 1998, 18 апреля.
- Попова С.С. Французская разведка ищет «германский след» // Сб. Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 264–273.
- Постигая Ленина. Материалы научной конференции. – М., 1990.
- Проблемы лениноведения. Сб. – М., 1991.
- Rauch G. von. Lenins Luebecker Ahnen // Zeitschrift des Vereins für Luebeckische Geschichte und Altertumskunde. Bd. 40. – Lubeck. 1960; Brauer A. Lenins Vorfahren im Luebecker und mecklenburgischen Raum und ihre Anverwandten // Genealogie. Hf. 5. 1960. Режим личной власти: К истории формирования. Под ред. Ю.С. Кукушкина. – М., 1989.
- Рейман М. Заметки по проблеме сталинизма в историографии. В кн.: Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. – М., 1996.
- Симония Л.А. Сталинизм против социализма // Вопросы философии. 1989. № 7.
- Смирнов Г.Л. К вопросу о ленинской концепции социализма. В кн.: Ленинская концепция социализма. – М., 1990.
- Смирнов М.Ю. Религия и Библия в трудах В.И. Ленина: новый взгляд на старую тему // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 2.
- Совокин А. Сенсация и факты. О публикациях на ленинскую тему // Правда. 1989, 13 апреля.
- Совокин А.М. Советы и их перспективы: критические заметки по поводу критиков и извратителей ленинских идей. В сб.: Проблемы лениноведения. – М., 1991. Вып. VII.
- Солоухин В. Читая Ленина... // Родина. 1989. № 10.
- Спириц Л.М. Из истории РКП(б) в годы Гражданской войны и интервенции // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3.

- Старцев В.И. Политические руководители Советского государства в 1922 – начале 1923 года // История СССР. 1988. № 5.
- Трухан Г.А. Революция, которая потрясла мир // История СССР. 1990. № 1. Урок даёт история. Сб. статей. – М., 1989.
- Усов И. Упрощение Ильича // Газета.ру. 2012, 7 ноября, https://www.gazeta.ru/science/2012/11/07_a_4843493.shtml
- Feodoroff Nicholas. V. Lenin // Political History of Russia. Vol. 8, 1990.
- Цаплин В.В. О жизни семьи Бланков в городах Старокопстантинове и Житомире // Отечественные архивы. 1992. № 2.
- Ципко А.С. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11, 12; 1989. № 1, 2.
- Ципко А. Эгоизм мечтателей // Наука и жизнь. 1989. № 1.
- Шатров Михаил. «Дальше... дальше... дальше» // Знамя. 1988. № 1.
- Шимов Я. Ленин умер, Муссолини жив // Новая газета. 2013, 18 октября.
- Штейн М.Г. О немецких родственниках В.И. Ульянова (Ленина) // Из глубины времен. Альманах (СПб.), 1994. № 3.
- Штейн М. Род вождя. Генеалогия рода Ульяновых // Литератор (Ленинград). 1990. № 38; Слово. 1991. № 2; Москва. 1991. № 2.
- Эктон Э., Гэттрелл П. Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза. В кн.: Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. – М., 1996. С. 38–39.
- Энкер Б. Начало становления культа Ленина // Отечественная история. 1992. № 5.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдунабиев А.Г. – 234
Абрамов М.А. – 31–33
Абрамова О. – 164, 165, 194, 234
Абуталипов И.А. – 234
Авенариус Р. – 24, 25
Авторханов А. – 27, 43, 76, 80, 99, 234
Адлер М. – 43
Адоратский В.В. – 218, 224, 232
Аймермахер К. – 16, 234
Аксельрод А. – 234
Аксельрод Л.И. – 43
Аксельрод П.Б. – 25, 43
Аксюциц В.В. – 47
Александр II – 146
Александр III – 125, 188
Алексинский Г.А. – 48
Амбарцумов Е.А. – 59, 78, 241
Аммиантов Ю.Н. – 101
Андерсон К. – 117
Андреев Л. – 26
Андреева Н. – 69, 81
Андропов Ю.В. – 109
Антонович И. – 58
Антонов-Овсенко А.В. – 232
Антонов-Овсенко В.А. – 21
Аралов А.И. – 232
Арманд И.Ф. – 20, 37, 102, 103, 134, 170, 171, 194, 240
Арон Р. – 35, 36, 44
Арсланов В. – 158, 244
Арутюнов А. – 168, 234
Астраханцева И.Ф. – 231
Афанасьев Ю.Н. – 21, 42, 55, 58, 123, 234
Ахапкин – 101

Б

Бабушкин И.В. – 20
Багдасарова А. – 194
Бажанов Б. – 232

Баженов В.В. – 41
Бакман К. – 194, 241
Бакунин М.А. – 147
Балабанова А. – 29
Балаян Л. – 196, 241
Барина Г.И. – 57
Бармин А. – 234
Басинский П. – 157, 159, 241
Бассо Л. – 31, 32
Батников С.А. – 156
Бауман Н.Э. – 20
Бауэр О. – 43
Бебель А. – 173
Безансон А. – 35, 36, 44
Белади Л. – 234
Белобородов А. – 181
Белов В.И. – 69, 80
Белокопытов В.И. – 234
Берберова Н. – 47, 57
Бердяев Н.А. – 49, 222
Берзин Р. – 179
Бернов Ю.В. – 234
Бестужев-Лада И.В. – 82, 92, 241
Биггарт Дж. – 213, 223, 241
Биллик В. – 68, 80, 241
Бланк А. – 164
Бланк А.Д. – 162–166
Бланк М.И. – 163–166, 169, 193
Бланк П.Л. – 155
Бобреньев В.А. – 234
Бобров А.В. – 235
Богданов А.А. – 21, 25, 200, 213, 231
Богданов А.П. – 232
Богданов Г.П. – 232
Богданов П.А. – 232
Боженкова М.И. – 235
Бондаревская Т.П. – 42
Бонч-Бруевич В.Д. – 20, 99, 145
Бордюгов Г.А. – 16, 42, 44, 52, 53, 55, 56, 58, 61, 62, 79, 83, 84, 90, 92, 93, 120, 121, 152, 154, 156, 222, 229–231, 233, 234, 241–244
Борев Ю.Б. – 235
Борисов Ю.С. – 63–65, 79, 91, 93, 235

Боровский В.В. – 20
 Бородулина Г. – 164, 165, 194, 234
 Боффа Д. – 235
 Бош Е. – 104
 Брайнин И.Б. – 235
 Брайович С.М. – 31, 33
 Брауэр А. – 162, 194
 Брежнев Л.И. – 11, 113
 Будаев Д.И. – 235
 Будда – 124
 Буков К.И. – 43
 Булак-Балахович С. – 105
 Булгаков М.А. – 159
 Буддаков В.П. – 107, 110–112, 120, 154, 155, 175, 195, 207, 208, 210, 213, 214, 222, 223, 235, 242
 Булыга А. – 92
 Бурлацкий Ф.М. – 79
 Буртин Ю. – 9, 222, 223, 225, 226, 229, 242
 Бурцев В.Л. – 152
 Бутаков Я.А. – 133, 157, 235
 Бухараев В.М. – 44
 Бухарин Н.И. – 13, 20, 22, 40, 47, 51, 52, 59, 61, 63, 65, 67, 77, 78, 83, 88, 122, 175, 192, 200, 204, 205, 209, 213, 223, 230, 235–237, 241–244
 Буянов М.И. – 235
 Бычкова М.Е. – 164, 193, 242

В

Валентинов Н.В. – 13, 24–26, 29, 42, 43, 97–99, 118, 151, 232
 Васецкий Н.А. – 27, 69, 205–207, 235
 Васильев М. – 158, 244
 Васильева О.Ю. – 235
 Васютин Ю.С. – 37, 38
 Вебер М. – 13, 139, 173
 Великанова А.Я. – 235
 Великанова О.В. – 171, 172, 195, 242
 Вер Э. де – 189
 Верес Л. – 27
 Верн Ж. – 188
 Вернадский В.И. – 124
 Вильсон В. – 114
 Владимирский – 103
 Водовозов В. – 127, 128, 156, 232
 Водолазов Г. – 14, 16, 82, 92
 Войтиков С.С. – 214, 223
 Войтинский В.С. – 43, 128–131, 156, 232
 Волков Ф.Д. – 123, 156, 227, 235
 Волкогонов Д.А. – 49, 57, 68, 70, 71, 80, 82, 87, 92, 93, 108–110, 112–114, 124,

154, 163, 164, 170, 193, 194, 203, 227, 235, 236, 242, 244, 245
 Волобуев П.В. – 56, 113, 123
 Володарский В.В. – 20, 77
 Володичева М.А. – 65, 143
 Воронов Ю.М. – 236
 Ворошилов К.Е. – 20, 78
 Восленский М. – 205

Г

Гаврилов Ю.А. – 42, 242
 Гагарин Ю.А. – 10
 Гаджикурбанов А.Г. – 158, 241
 Гаер Д. – 39
 Гайда А. – 115, 116
 Гайдар Е. – 123
 Галкин А.А. – 79
 Ганецкий Я.С. – 133
 Гансен В. – 134
 Гаряев С.М. – 236
 Гегель Г.В.Ф. – 117, 124, 155
 Герцен А.И. – 147, 221
 Гессен Ю. – 166
 Гетье Ф.А. – 137
 Гефтер М.Я. – 59, 60, 78
 Гимпельсон Е.Г. – 107, 154, 236, 242
 Гинцбург М.А. – 166
 Гитлер А. – 42, 106, 189
 Главацкий М.Е. – 44, 156
 Глазьев С.Ю. – 156
 Голицына Н. – 157
 Голощекин Ф. – 179, 180
 Голощекин Ф. – 181
 Голубев А.В. – 211, 223, 242
 Голубева Е.И. – 44
 Гольденберг И.П. – 21
 Гольдман И. – 125
 Гольдман С. – 125
 Гольдман Х. – 125
 Гончаров В.И. – 236
 Гончаров В.Н. – 123, 156, 227
 Горбачев М.С. – 10, 57, 58, 79, 226, 233, 239
 Горбунов – 180
 Горбунов В.В. – 236
 Гордин Я. – 41
 Горелов И.Е. – 236
 Горелов О.И. – 236
 Горинов М.М. – 44, 201, 210, 222, 236, 242
 Горький М. – 26, 174
 Грамши А. – 31
 Грецкий М.Н. – 31

Грин Ц.И. – 236
Грошофф А.И. – 163
Гуль Р. – 75, 80, 100, 236
Гусев К.В. – 22
Гусляров Е.Н. – 186, 196, 231
Гэтрелл П. – 155, 246

Д

Давыдов Ю.Н. – 91, 93, 242
Данилкин Л. – 148–152, 156, 157, 159, 187, 241, 242
Данилов А.А. – 201, 210, 236
Данилов В.П. – 69, 80, 210, 242
Данилов Е.Е. – 236
д'Анкокс Э.К. – 118, 155
Деятлов С.В. – 236
Дегтярев А. – 58
Дедков Н.И. – 113, 154, 242
Дейч Г.М. – 162, 193, 232, 236, 243
Демиденко Г.Г. – 21, 42, 233
Деникин А.И. – 219, 224
Джеллетли Р. – 197
Джилас М. – 205, 236
Дзержинский Ф.Э. – 20, 74–78, 80, 103, 233, 236, 240
Дмитренко В.П. – 44, 119, 155, 201, 210, 236, 243
Дмитренко С.Л. – 59, 78, 243
Добрюха Н. – 208, 210, 243
Дойчер И. – 236
Драбкина Е. – 59, 78, 233
Дробижев В.З. – 36, 44
Дьюкс П. – 39
Дэниелс Р. – 210
Дэниэлс Р. – 211
Дюринг Е. – 82

Е

Егоров А.Г. – 242
Егоров А.И. – 183
Екатерина II – 11
Елпатьевский А.В. – 41
Ельцин Б.Н. – 47, 110, 158, 195, 235, 236, 241
Емельянов А. – 113
Емельянов Ю.В. – 187, 236
Еременко В. – 27
Ерофеев В. – 27, 43

Ж

Жалмагамбетов Т. – 236
Жалмагамбетова С. – 236

Ждановская З.В. – 42
Желябов А.И. – 173
Жирнов Е.М. – 136, 137, 157, 158, 243
Жолио-Кюри Ф. – 45
Жуков Г.К. – 10
Жуков Д.А. – 41
Журавлев В.В. – 242
Жухрай В.М. – 236

З

Заборов М. – 41
Залкинд С. – 166
Залысин И. – 55, 58
Замковой В.И. – 236
Замышляев В.И. – 176, 195, 236
Захаров М. – 123
Земан З. – 48, 101
Зенькович Н.А. – 236
Зиновьев А.А. – 32
Зиновьев Г.Е. – 20, 22, 48, 57, 64–66, 77, 91, 92, 116, 152, 174, 181, 192, 201–205, 207, 235
Зотова З.М. – 44
Зубко М.В. – 237

И

Иван Грозный – 146, 213
Иванов А. – 115
Иванов А.М. – 237
Иванов В. – 79
Иванова И.И. – 162, 193, 243
Иванова Л.В. – 41
Ивашко В.А. – 40
Игнатьев А.М. – 131
Идашкин Ю.В. – 237
Измозик В. – 58, 237
Иисус Христос – 124, 132, 186
Ильин И. – 200
Ильичев Л.Ф. – 242
Ильясов Ф.Н. – 154, 243
Ингерфлом К. – 117, 220–222, 225, 237
Иоффе А.А. – 72, 84, 100, 195, 215
Иоффе Г. – 151
Иоффе Г.З. – 98, 181–184, 195, 196, 237, 243
Ипатьев Н.Н. – 109

К

Кабанов В.В. – 120, 155, 242
Каганович Л.М. – 20, 21, 231
Калинин М.И. – 20
Каменев Л.Б. – 20, 22, 47, 64–66, 92, 150, 152, 192, 201–205, 207

Канищева Н. – 151
 Кантор Ю.З. – 183, 196, 243
 Кара-Мурза В. – 44, 57, 196, 243
 Кара-Мурза С.Г. – 156
 Каратуев А.Г. – 237
 Карпинский В.А. – 20
 Карпович М. – 24, 99
 Карр Э.Х. – 237
 Карякин Ю. – 113, 124
 Каутский К. – 43, 102
 Кеннан Дж. – 133
 Керенский А.Ф. – 58, 130, 135, 136, 138, 140, 145, 147, 149, 237
 Киров С.М. – 20
 Кислицын С.А. – 44
 Кларк Р. – 28, 29, 43, 237
 Клемансо Ж. – 114
 Клеменц Г. – 127, 128
 Клещевский В.А. – 125, 156, 237
 Кнышевский П.Н. – 235
 Ковальченко И.Д. – 56, 195
 Ковальчук М. – 9
 Коган А.И. – 154, 243
 Кожин В. – 168
 Козлов В.А. – 16, 52, 53, 55, 56, 58, 61, 62, 79, 83, 84, 90, 92, 93, 120, 121, 156, 222, 229, 233, 241
 Козлов Я.В. – 5, 134, 157, 183, 196, 243
 Кокэн Ф. – 85
 Колганов А.И. – 133, 157, 243
 Колесов Д.В. – 198, 209, 237
 Коллонтай А. – 42, 69
 Колодный Л.Е. – 177, 178, 187, 195, 237
 Коломнин С. – 153
 Колоскова Т. – 164, 165, 194, 234
 Колчак А.В. – 178, 179, 183, 184, 196
 Кондакова И.А. – 230
 Кондратьева Т. – 237
 Конквест Р. – 76, 77, 80, 87, 237
 Константинов Ф.В. – 242
 Коплотон Ф. – 32
 Кораблев Ю.И. – 68, 80, 243
 Коржихина Т.П. – 16
 Корнеев В.В. – 134, 157, 183, 196, 243
 Корниенко С.И. – 44, 237
 Косолапов Р. – 58, 123
 Костиков В. – 47, 53, 55, 57, 113, 243
 Костягина В.М. – 16, 83, 92, 125, 135, 136, 156, 157, 178, 185, 195, 196, 214, 224, 239
 Котеленец А.И. – 5
 Котеленец Е. – 44, 241
 Котеленец Т.А. – 5

Кошелева Л.П. – 152, 232
 Коэн Ст. – 87, 237, 243, 244
 Крапивин М.Ю. – 237
 Красин Л.Б. – 21, 73, 75, 86, 93, 99, 200, 201, 210, 238, 239, 245
 Красин Ю. – 46
 Красин Ю.А. – 79
 Краснов П.Н. – 130
 Краус Т. – 112, 139, 154, 158, 234, 237, 238, 244
 Крестинский Н.Н. – 22, 65, 74, 103
 Кржижановский Г.М. – 20
 Кривякина Е. – 195, 244
 Кристи А. – 188
 Кропоткин П.А. – 147
 Кротков А.П. – 237
 Крупская Н.К. – 19, 20, 77, 124, 135, 136, 141, 150, 170, 171, 194, 208, 233, 237, 240
 Крутов В. – 27
 Кувакин В.А. – 14, 16, 50, 57, 237
 Кузнецов В. – 101, 123
 Кузьмин М. – 92, 168
 Куйбышев В.В. – 20, 231
 Кукушкин Ю.С. – 56, 245
 Кулешов С.В. – 231
 Куликова И.С. – 237
 Куманев В.А. – 237
 Кун М. – 200, 209, 237
 Куницын Е.Л. – 237
 Куприн А. – 26, 43
 Курашвили Б.П. – 82, 92, 244
 Курский Д.И. – 20
 Кутузов М.И. – 10

Л

Лавров В. – 227, 244
 Лавров В.М. – 187, 188, 196, 238
 Лавров П.Л. – 147
 Лаппо Д.Д. – 237
 Ларин Ю. – 63, 103
 Ларина А.М. – 233
 Латышев А.Г. – 102, 103, 123, 153, 170, 178, 194, 195, 227, 238, 244
 Лацис О. – 82, 92, 244
 Лашманова Л.Н. – 43
 Левада Ю.А. – 15
 Леви П. – 43
 Левин М. – 87, 212, 222, 223, 244
 Левинсон А.Г. – 11, 15, 16
 Левицкий С.А. – 117, 155
 Лежнев И.Г. – 140
 Лежнева О. – 151

Ленин В.И. – 5, 9–16, 19–55, 57–66, 68–84, 86–93, 97–212, 214–246
Леонов С.В. – 44, 244
Лепешинский П.Н. – 19
Ли Ван Чон – 238
Лигачев Е. – 123
Лисичкин Г. – 82, 92
Ллойд Джордж Д. – 114
Лобанов М.П. – 233
Логинов В.Т. – 5, 52, 53, 55, 58, 67, 90, 93, 101–104, 127, 131, 132, 153, 156, 157, 169, 170, 194, 238, 241, 244
Логунов А.П. – 44
Ломоносов М.В. – 10
Луи Наполеон – 91
Лукач Д. – 30, 31, 43, 238
Луначарский А.В. – 21, 42, 73, 200, 201, 210, 231, 238
Лундберг Е. – 100
Любутин К. – 115

М

Магомет – 124
Майсурян А.А. – 92, 93, 99, 106, 140–142, 145, 151, 153–155, 158, 187, 195, 219, 224, 227, 238
Макаров А.Г. – 5
Малиа М. – 87, 88, 93, 244
Малиновский Р.В. – 102, 206
Мануйлов В.И. – 31, 33
Манусевич А.Я. – 234
Маркс К. – 10, 11, 23, 31, 32, 39, 51, 61, 82, 85, 90, 111, 115–117, 124, 189, 190, 216, 239
Мартов Ю.О. – 21, 25, 43, 149, 173, 198, 209, 245
Мах Э. – 24
Медведев В.А. – 52, 56
Медведев М. – 179, 180
Медведев Р.А. – 68, 76, 82, 92, 110, 238, 244
Медведева А.Г. – 135
Мелкумян М.И. – 242
Мельгунов С.П. – 48
Мельниченко В. – 43, 46, 57, 238
Менжинский В.Р. – 20
Менская Т. – 194, 239
Меринг Ф. – 102
Мерридейл К. – 134, 135, 157
Мешалкин П.Н. – 238
Миллер В.И. – 67
Милютин В.П. – 103
Михайлов В. – 123

Михайловский Н.К. – 25
Млечин Л.М. – 184–187, 196, 227, 238
Могильников В.А. – 162, 193, 238
Молодцыгин М.А. – 80
Молотов В.М. – 20, 143–145, 192
Монахов А. – 109
Мороз О. – 50
Морозова Н. – 50, 123
Мошкин С. – 116
Муралов Н.И. – 152
Муссолини Б. – 16, 106, 246
Мухаммед – 189
Мухитдинов Н.А. – 233
Мюллер Р. – 201, 210, 231

Н

Нагловский А.Д. – 98, 99
Наполеон I – 10, 217, 218
Науом В.П. – 59, 63, 65
Недава Й. – 238
Ненароков А.П. – 5, 231, 238, 244
Нечаев С.Г. – 99, 100
Никитин Б. – 48
Никич Э. – 219
Николай I – 163, 169
Николай II – 11, 146, 179–182, 187
Никонов В.А. – 133, 145–148, 157, 158, 238
Никулин Н.М. – 238
Нилов Г. – 48, 49, 57, 75–78, 80, 204, 238
Ногин В.П. – 20

О

О'Коннор Т.Э. – 200, 201, 210, 238
Окунев И. – 93, 168, 194, 244
Олех Г.Л. – 239
Ольминский М.С. – 19, 20
Оников Л. – 109, 110
Онучин А.Н. – 163
Осинский (Оболенский) Н. – 74, 75
Осинский В.В. – 21
Оссендовский Ф. – 133
Остедт А.К. – 164
Остраков Н. – 115
Островский Э.В. – 116, 155

П

Павел, апостол – 142
Павлюченков С.А. – 37, 44, 120, 121, 155, 156, 244
Пайпс Р. – 28, 87, 101–103, 105, 106, 110, 117, 239

Паламарчук П. – 27
 Панкратов В.С. – 48, 239
 Паннекук А. – 31
 Панов – 162
 Панцов А.В. – 69–72, 80, 245
 Парвус А.Л. – 133
 Пастернак Б.Л. – 9
 Пейн Р. – 118, 119, 155
 Перейра Н. – 203, 210, 245
 Перфилов В.А. – 16, 83, 92, 125, 135, 136, 156, 157, 178, 185, 195, 196, 214, 224, 239
 Петр I – 10, 190
 Петров Н.В. – 35
 Петровский-Штерн Й. – 166–168, 194, 239
 Пилсудский Ю. – 150
 Писарев В.М. – 239
 Пихоя Р. – 110
 Пияшев Н.Ф. – 239
 Плеханов Г.В. – 25, 32, 147, 161, 173
 Плимак Е.Г. – 60, 61, 63, 79, 87, 93, 113, 114, 126, 127, 154, 156, 228, 229, 239, 245
 Подщеколдин А. – 44, 241, 245
 Покровский М.Н. – 21
 Покровский Н. – 110
 Поляков Ю.А. – 16, 39, 234
 Помпер Ф. – 160, 161, 198, 199, 209, 245
 Попов Г.Х. – 85, 86, 90, 91, 93, 165, 194, 245
 Попов С.С. – 245
 Попова С.С. – 157
 Поташов А.Ф. – 67, 79, 234
 Потресов А.Н. – 24, 25, 43, 58, 161, 173, 233
 Поцелуев В.А. – 43, 140, 158, 176, 177, 195, 239
 Преображенский Е.А. – 21, 80, 149, 245
 Приймак Н.И. – 42
 Протопопов А.Д. – 149
 Путин В.В. – 9, 15
 Пушкин А.С. – 10
 Пятаков Г.Л. – 20, 99

Р

Рабинович А. – 39, 87, 106
 Радек К.Б. – 22, 92
 Раковский К. – 42
 Раскольников Ф. – 81
 Рассел Б. – 26, 43
 Раух Г. фон – 162, 194
 Резник А. – 118

Рейман М. – 88, 89, 204, 205, 210, 222, 245
 Риббентроп Й. фон – 192
 Рид К. – 118
 Робеспьер М. – 218
 Ровный И.И. – 41
 Рожков Н.А. – 129–131
 Розенберг У. – 44, 87
 Розин Э.Л. – 239
 Рокитянский Я.Г. – 201, 210, 231
 Романовский Н.В. – 44
 Россолимо Г.И. – 137
 Рубанов С.А. – 239
 Русакова О.Ф. – 44, 116
 Русанов Р.В. – 240
 Рутгерс С. – 219, 224, 233
 Руффнер – 134
 Рыков А.И. – 20, 22, 47, 103, 203–205, 232, 239
 Рютин М. – 81
 Рязанов Д.Б. – 21, 201, 210, 231
 Рязанцев В.Б. – 234

С

Савинков Б. – 105
 Садуль Ж. – 132, 157, 233
 Салганик Е.Л. – 209, 239
 Самарская Е.А. – 34, 43
 Сас И. – 41
 Саттон Э. – 177, 195
 Сафаров – 181
 Сахаров А.Д. – 10, 11, 222
 Сахаров А.Н. – 196
 Сахаров В.А. – 208–210, 239
 Свердлов Я.М. – 20, 74, 77, 178–182, 214, 239
 Свидерский А.И. – 121
 Семашко Н.А. – 20, 137
 Семененко В.И. – 239
 Сенин А.С. – 239
 Сервис Р. – 85, 86, 93, 118
 Сивогривова А. – 41
 Сидоровнин Г.П. – 26, 43
 Симония Л.А. – 245
 Симонов Н. – 44, 241
 Сироткин В.Н. – 22
 Сиссон Э. – 133, 134, 157, 177
 Склянский Э. – 105
 Славин Б.Ф. – 123, 132, 239
 Слассер Р. – 67, 79, 240
 Смагин А. – 55, 58
 Смидович П.Е. – 20
 Смирнов Г.Л. – 40, 44, 50–52, 56, 58, 86, 93, 240, 245

Смирнов М.Ю. – 143, 144, 158, 245
Смольников А.С. – 233
Соболев Г.Л. – 42, 58, 133, 157, 240
Собчак А. – 123
Совокин А. – 57, 90, 91, 93, 245
Соколов Б.В. – 159, 179, 196, 240
Соколов Н.А. – 180, 181
Соколов Я.Д. – 240
Сокольников Г.Я. – 21
Сократ – 124, 150
Солженицын А.И. – 11, 68, 81, 124, 168
Соловей Л.С. – 240
Соловьев А.Г. – 136
Соловьев В. – 124, 196
Соловьев С. – 158, 244
Соломатин И.А. – 5
Солоухин В. – 27, 43, 47, 52, 54, 55, 57, 123, 124, 163, 164, 168, 193, 227, 240, 245
Сорокин А.К. – 134, 157
Спирин Л.М. – 80, 245
Сталин И.В. – 9–11, 13, 16, 20, 26, 28, 38, 42, 44, 47–49, 53, 54, 57, 60, 61, 64–69, 74, 76–88, 90–92, 100, 106, 108, 109, 113, 130, 132, 135, 136, 139, 141, 142, 149, 150, 152, 153, 160, 164, 167, 169, 170, 175, 177, 189–193, 195–197, 200–220, 222, 223, 226, 228, 231–241, 243–245
Старцев В. – 58, 65, 66, 69, 79, 80, 240, 246
Стасова Е.Д. – 20
Степун Ф.А. – 145, 158, 233
Столыпин П.А. – 11, 187
Страшун М. – 166
Струве П.Б. – 116
Суварин Б. – 26
Суворов А.В. – 10
Сунн Р. – 87
Суханов Н.Н. – 43, 48
Сухотина Л.Г. – 209

Т

Такер Р. – 39, 160, 173, 203, 210, 211, 240
Тараканова Л.М. – 43
Тараник В.П. – 240
Таратута В.К. – 129, 131
Тепцов Н.В. – 152, 232
Тер-Петросян С. (Камо) – 42
Тессен Ю. – 194
Тиктин Х. – 212
Ткачев А. – 58

Ткаченко В.Г. – 189, 190, 196, 197, 236
Ткаченко К.В. – 189, 190, 196, 197, 236
Тома Л. – 157, 179
Томский М.П. – 204, 236
Томуль Е. – 162
Трофимов Ж. – 58, 170, 194, 227, 240
Троцкий Л.Д. – 13, 20, 22, 40, 47, 49, 53, 57, 61, 65–73, 77, 79, 80, 92, 98, 110, 132, 133, 137, 141, 145, 149, 152, 153, 158, 160, 175, 178–180, 189, 191, 192, 195, 196, 198–200, 202–207, 209, 214, 217, 224, 228, 230, 232, 234–236, 238–243, 245
Трукан Г.А. – 153, 154, 240, 246
Труш М.И. – 240
Туваев В. – 41
Туган-Барановский М.И. – 117
Тулин Б.Е. – 240
Тумаркин Н. – 171
Тухачевский М.Н. – 183, 184, 196

У

Узиков Ю.А. – 240
Ульянин А. – 162
Ульянов А.И. – 149, 161, 183, 188
Ульянов Д.И. – 162
Ульянов И.Н. – 125, 135, 136, 138
Ульянова И.Н. – 127
Ульянова М.А. – 163, 168
Ульянова М.И. – 136–138, 169
Ульянова Н.В. – 162
Ульянова О. – 123, 164–166, 222
Ульянова-Елизарова А.И. – 19, 135, 137, 164, 166, 169, 193, 238
Урицкий М.С. – 20, 77
Усов И. – 196, 246
Устрялов Н.В. – 43
Уэллс Г. – 26

Ф

Федорофф Н. – 125
Федосеев Н.Е. – 20
Фельштинский Ю. – 119, 155, 231, 232, 240
Фигатнер Ю.Ю. – 16
Филатов С. – 113
Филиппов В.Н. – 123, 156, 181, 182, 195, 227, 236
Филиппов С. – 158, 237
Филлипс Ч. – 234
Фитцпатрик Ш. – 88
Фишер Л. – 118, 155, 240
Фортунатов В. – 58

Фотиева Л.А. – 65
 Фроянов И. – 58
 Фрумкин М.И. – 121
 Фрунзе М.В. – 20, 78
 Фюре Ф. – 117, 215–217, 219, 220, 222, 224, 225, 240

Х

Хаген М. ван – 110
 Халтурин С. – 146
 Хальвег В. – 48, 101, 151, 240
 Хардинг Н. – 117, 118
 Харламенко А. – 123
 Харт М. – 189, 190, 197, 240
 Хеймсон Л. – 87
 Хорни К. – 160
 Хорунжий В. – 123
 Хоф Дж. – 88
 Христофоров В.С. – 196
 Хрущев Н.С. – 11, 220

Ц

Цакунов С.В. – 44, 121, 122, 156, 203, 210, 222, 240, 242
 Цаплин В.В. – 193, 246
 Церетели И.Г. – 129, 130
 Цеткин К. – 102
 Ципко А.С. – 49, 53, 57, 246
 Цюрупа А.Д. – 20, 203

Ч

Чебыкин В.А. – 123, 156, 240, 241
 Чернев А.Д. – 241
 Чернобаев А.А. – 233
 Чернов В. – 26, 43, 235
 Чернышевский Н.Г. – 97, 98, 220, 221, 228
 Чехов А.П. – 24
 Чечвишников А.Л. – 70–72, 80, 245
 Чичерин Г.В. – 20, 116
 Чубайс И.Б. – 184

Ш

Шапиро-Тулин Б. – 124
 Шатров М. – 59, 65, 78, 246
 Шварц В.И. – 240
 Шведов И.А. – 241
 Шевченко А.Г. – 42, 242
 Шевченко В. – 115
 Шейнин О. – 123
 Шекспир У. – 188, 189
 Шестернин С.П. – 157, 233

Шестопад Е.Б. – 160
 Шимов Я. – 11, 16, 246
 Шинкаренко В.В. – 22
 Школенко Ю. – 28
 Шляпников А.Г. – 20, 233
 Шмит Ек. П. – 131
 Шмит Елиз. П. – 131
 Шмит Н.П. – 131, 157, 233
 Штейн М. – 27, 43, 162–165, 193, 194, 196, 241, 243, 246
 Штурман Д. – 27, 108, 154
 Шуб Д.Н. – 164, 193
 Шубин А.В. – 133
 Шульгин В.В. – 10, 15

Щ

Щербина С.П. – 5

Э

Эйдельман И.Я. – 41
 Эйнштейн А. – 46
 Экстон Э. – 155, 246
 Энгельс Ф. – 10, 11, 23, 39, 61, 115
 Энкер Б. – 13, 139, 158, 171–175, 195, 200, 201, 210, 241, 246

Ю

Юденич Н.Н. – 68
 Юнг К.Ю. – 165
 Юровский Я.М. – 181

Я

Яковенко И.Г. – 212
 Яковлев А.Н. – 113
 Яковлев Е. – 59, 78, 114, 241
 Яковлева А.Н. – 53, 58, 114, 124
 Ярошевский М.Г. – 41
 Ярцев Б.К. – 31, 33, 34

А

Anderson K. – 155, 234

В

Baunac J. – 42
 Brauer A. – 194, 245

С

Champarnaud F. – 42
 Clements B.E. – 42
 Conte F. – 42
 Coquin Francois-X. – 93, 243

D

Daniels R.V. – 236
Davies R.W. – 16, 233

E

Enker B. – 158, 241

F

Feodoroff N. – 156, 246

G

Gellately R. – 197

H

Harding N. – 155, 240
Hart M.H. – 196, 240

K

Keep J. – 16
Kennan G. – 157, 243

M

Merridale C. – 157
Michael H. – 240

P

Petrovsky-Shtern Y. – 194, 239
Pipes R. – 93, 153, 231
Pomper P. – 193, 209, 239

R

Rabinowitch A. – 153, 239
Rauch G. von – 194, 245
Read C. – 239
Reed C. – 155
Reiman M. – 239
Reiman M. – 93
Resnik A. – 155, 239
Rigby T.H. – 195

S

Service R. – 155, 239

V

Velikanova O. – 194, 235

W

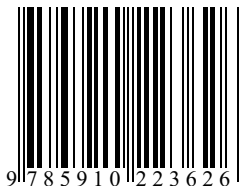
Weber M. – 158
White S. – 16, 234

Елена Анатольевна КОТЕЛЕНЕЦ
БИТВА ЗА ЛЕНИНА.
Новейшие исследования и дискуссии

Монография

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

I S B N 5 9 1 0 2 2 3 6 2 - 3

9 7 8 5 9 1 0 1 2 2 3 6 2 6

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 21.02.2017
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 16.0
Тираж 500 экз. Зак.